

Борис
АКУНИН

Ф.И.М.

том второй

ОЛМА
МЕДИАГРУПП

Борис
АКУНИН

Ф.М.

том второй

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6
А 44

ОЛМА
КНИЖКА

Художник *А. Фerez*

МОФ

Акунин Б.
А 44 Ф. М.: Роман. Т. 2. — ОЛМА-ПРЕСС, 2006. —
320 с.

ISBN 5-224-01638-X
ISBN 5-224-01662-2 (Т. 2)

УДК 821.161.1
ББК 84 (2Рос-Рус)6

ISBN 5-224-01638-X
ISBN 5-224-01662-2 (Т. 2)

© В. Akunin, 2006
© Издательство «ОЛМА-
ПРЕСС», 2006

КРАСНАЯ НАНКА

Глава девятая В ОТЧАЯНИИ

Всё то же, всё то же.

На Малой Мещанской, как прежде на Екатерингофском и у Поцелуева моста, картина была слишком знакомая. На полу лежало недвижимое тело с проломленным черепом, и ни следов, ни свидетелей. Лишь жилище здесь было другого сорта. Не убогое старушечье, как у Шелудяковой, и не опрятно-безличное, как у Чебарова, а обставленное по всей последней моде, с вакханками в золоченых рамах, преогромными китайскими вазами и инкрустированными козетками.

Девушка Зигель жила богато и, кажется, даже держала открытый дом — во всяком случае, по свидетельству соседей, по четвергам у Дарьи Францевны всегда собиралась большая и веселая компания.

Собственно, «девицей» сия уроженка Ревеля числилась лишь по своему семейному статусу, ни возрастом, ни нравом, ни тем более родом занятий к невинности и девству будучи никак не причастной. Разве что в *особенном* смысле. Как выяснилось почти сразу же через запрос в обер-полицеймейстерскую канцелярию, это была известная в демимонде сводня, имевшая постоянную клиентуру и довольно узкую *специальность*. Госпожа Зигель высматрива-

ла молоденьких и хорошеньких девочек из приличных, но впавших в нищету семейств и посулами, уговорами, а то и угрозами понуждала к вступлению на стезю порока. Клиенты Дарьи Францевны охотно платили хорошие деньги за то, что в шансонетках называют «невинности нежный бутон».

Вот эту-то милую даму теперь и убили. Причем, как и в предшествующих случаях, она, по-видимому, сама впустила своего погубителя. Выходит, это опять-таки был человек знакомый, опасений не вызывающий.

Примечательно и другое. С часу до двух пополудни покойница всегда оставалась дома одна, отпуская прислугу, потому что это время у нее отводилось для всякого рода деликатных переговоров с глазу на глаз. И об этом ее обыкновении преступник превосходно знал.

Еще цепляясь за белую версию, надворный советник попытался прикинуть, не мог ли Раскольников проводить сестру на Вознесенский, после как-нибудь быстро, хоть бегом, заскочить на Малую Мещанскую, стукнуть топором сводню, а затем еще поспеть и на Офицерскую к Разумихину. Пристав даже нарочно послал выяснить, где именно остановились мать и сестра Раскольникова.

Увы, никак не складывалось. Да еще ведь надо учесть, что, проводив Авдотью Романовну, он должен был за своим топором вернуться. Ведь, ежели б он прихватил сие орудие с собой, когда покидал комнату, Разумихин это бы заметил.

Чушь, бред и морок, потрянул головой Порфирий Петрович, решительно изгоняя прочь все мысли о

проклятом студенте, на которого ушло столько времени, и целиком сосредоточился на новой задаче.

Пропали у жертвы, разумеется, сущие пустяки: булавка с камнем да бисерный кошелек. Более в квартире злодей ничего не тронул, но это пристава уже не удивляло.

Он устроил обыск в бумагах, надеясь добыть список пользователей сомнительных услуг, предоставляемых Дарьей Францевной. Рассчитывать на то, что любители бутонів объявятся сами, не приходилось.

Не нашел, но на том не успокоился. Принялся простукивать стены, паркет, стенки шкафчиков — и что же? В кабинете под столешницей обнаружился тайник, а в нем два альбомчика, один пухлый, другой тоненький.

В пухлом надворный советник с удовлетворением нашел полный перечень девушек, состоящих под покровительством госпожи Зигель: и адреса, и имена, и даже короткие характеристики, правда, более физиологического свойства. Очевидно, это всё были уже сорванные бутонів, которых Дарья Францевна из своей опеки не отпускала и использовала для клиентов обычных, без особой взыскательности.

— Отлично-с.

Впервые за все время нахождения на месте убийства на лице пристава мелькнула тень улыбки, но тут же исчезла.

Тоненький альбом оказался похитрей первого. Там вместо внятных слов были сплошь какие-то неудобочитаемые письма латинской азбукой.

«Plfglfaluu», попытался прочесть вслух Порфирий Петрович, да только плянул.

— Тут шифр, поди ж ты, — покачал он головой, проглядывая страницу. — Это наверняка у нее клиенты так упрятаны.

— Значит, не установим клиентов? — расстроился Александр Григорьевич, заглядывая начальнику через плечо. — Досада какая! Это наверняка кто-нибудь из них! Она вздумала шантажировать, ну он ее и...

Письмоводитель красноречиво взмахнул рукой сверху вниз (Зигель была убита ударом по макушке).

— Это вы, сударь мой, бульварных романов читались. Те-то, Чебаров с Шелудяковой, тоже, что ли, сладострастника нашего шантажировали? Нет-с, здесь совсем другое. Погодите-ка, погодите-ка...

Собрав складками лоб, надворный советник присел к краешку стола, взял бумагу, карандаш, побрякел, что-то там покалякал — минут десять это у него заняло — и вдруг говорит:

— Ерунда-с, а не шифр. Это гимназистки от классной дамы так укрываются.

— Неужто раскрыли? — ахнул Заметов.

— И раскрывать нечего-с. Перевернутый алфавит — вот и вся криптография. А — это Z, В — это Y, и прочее. Надобно в одну строчку написать алфавит в прямом порядке, а строкой ниже — в обратном. Вот глядите.

Он уставился на загадочное Pflgflaluu, зашевелил губами, запыхтел, и из-под карандаша выползло Koutouzoff.

— Ух ты! — обрадовался Александр Григорьевич. — Один есть! Кутузов какой-то. Дайте я!

Он тоже наклонился над столом и стал колдовать над следующей абракадаброй, то и дело потирая красные от недосыпания веки.

— Бросьте, — сжалился Порфирий Петрович. — С ног ведь валитесь. Берите эти записи и ступайте домой, поспите-с. Завтра с утра все сии парижские тайны расшифруете и доставите ко мне. А я пока другим списком займусь. Рад бы поспать, но какое там...

Он лишь тяжело вздохнул.

Это Порфирий Петрович еще крепился. Когда же, покончив с обыском и отпустив Заметова, он один отправился на Офицерскую, то предался отчаянию в полной мере.

Никогда, во всю свою карьеру, не оказывался он в столь унижительно беспомощном положении. Неизвестный злоумышленник будто глумился над всеми стараниями бедного пристава. Еще нынче утром надворный советник воображал себя охотником, загоняющим хищного зверя, теперь же сделалось совершенно ясно, что загнанный зверь — сам Порфирий Петрович, а Рок травит его своими зубастыми псами и кричит «ату, ату!».

Чувствуя себя бездарным и никчемным, следственный пристав кое-как добрал до своего кабинета, а там его ожидало новое унижение. Приехал сам его превосходительство обер-полицеймейстер и обрушил на понурую голову надворного советника целый водопад грозных речений. Тоже ведь и генерала можно понять: шутка ли — три ужасных убийства в три дня. Скандал на весь город, на всю империю, да еще в иностранных газетах напишут. Что

в газетах — уже после второго случая сам министр недоумение выражал, а теперь не обойдется без доклада государю.

Пошумело начальство, потребовало решительного результата в наикратчайший срок и отбыло. Пристав же приступил к работе, потому что это самое лучшее средство от отчаяния.

Дело у него сейчас было одно: допросить девушек из альбома Дарьи Францевны. Как знать, может, сводню вовсе и не клиент убил, а какой-нибудь родственник или ухажер сих падших созданий — из мести за погубленную невинность или из каких иных видов.

Во все четыре стороны кинулись рассыльные (после приезда обер-полицеймейстера все чины съезжего дома перемещались не иначе как бегом), и первая из желтобилетных девиц уже через полчаса сидела в кабинете у пристава, который повел с ней неторопливый, обстоятельный разговор. За этой беседой последовала вторая, третья и так до глубокой ночи.

Занятие было утомительное, в некотором роде даже изматывающее, но Порфирий Петрович превосходно с ним справлялся. Ему хватало единственного взгляда на собеседницу, чтобы враз определить, как надобно с нею держаться. С одной он был отечески мягок, с другой казенно строг, с третьей несколько игрив и даже кокетлив. Случалось, что и прикрикнет, и кулачком по столу стукнет, но пройдет каких-нибудь десять минут — глядишь, следующей барышне уже собственным платком слезу утирает, да и у самого глаза на мокром месте.

Всех девиц до единой наш герой сумел разговаривать, к каждой подобрал ключик, однако сыскать никакой зацепочки не получилось. Далеко за полночь, совсем обессилив, Порфирий Петрович прилег на клеенчатый диван, прикрылся сюртуком и часа два подремал, но уже в пятом часу утра к нему вводили очередную перепутанную барышню.

Все утро прошло в бесполезных допросах. К полудню надворный советник почувствовал, что сил действовать больше нет и надобно поскорей устроить перерыв, не то свалишься в нервном истощении.

Только он отклебнул кофею, только затыкнулся первой за день папироской, тут является Александр Григорьевич, свежий после ночного сна и очень собою довольный.

— Всё расшифровал, — сообщил он, кладя перед приставом листки. — Позвольте одолжиться папиросою?

Кофей остался невыпитым — Порфирий Петрович жадно схватил бумаги. Почитал-почитал, да и крякнул с досады.

— Что вы мне такое принесли-с? — воскликнул он. — Barbe-bleu, Pussja, Lakomka, Kotletnik, Hund! Это же клички какие-то!

— Я тоже это заметил. — Заметов налил себе из кофейника. — Видно, она клиентов по прозвищам себе записывала. «Синяя борода», «Пуся», «Лакотка» и прочее. Там дальше и «Крокодил» есть, и «Кучер», и еще всякие. А про привычки ихние без шифра помечено. Вы дальше, дальше почитайте. Каких только пакостей не напридумывают развратники!

— Что мне до их пакостей! — чуть не плача молвил пристав. — Имен-то нет! Как этих Котлетников и Крокодилов разыскивать прикажете?

— Ну, одно имя все-таки есть. Кутузов, которого вы вчера сами расшифровать изволили.

Заметов выпустил колечко дыма и полюбовался, как оно уплывает к потолку.

— Это наверняка тоже клочка. Какой-нибудь одноглазый. Нет, тут тупик-с!

Помолчали.

— А что девицы? — поинтересовался Заметов. — Никакой ниточки не обнаружили?

— Никакой-с. Из двадцати четырех девушек восемнадцать мною опрошены. Почти у каждой имеется сердечный дружок, но всё не то-с, не то-с! — Порфирий Петрович горестно всплеснул руками. — Всего только шесть из списка остались. Пять в приемной сидят, ждут — вы их, верно, видели. А одну никак не найдем-с. И вчера служителя за нею послал-с, и сегодня. Нету дома, нету на улице — потому что она, Мармеладова эта, самого нижнего разбору, уличная-с. Черт знает, где ее носит. Софья Семеновна Мармеладова, дочь титулярного советника. Жительство имеет в зеленом доме, что на углу канавы и Малой Мещанской, знаете? Совсем девочка еще, восемнадцати нет. Товарки о ней хорошо говорят, а это в их обществе нечасто бывает-с. Прозвище у ней Монашка. Знаете, некоторые сладострастники любят, чтоб проститут-

М. И. Кутузов

ка монахиней обряжалась? Иные девки у себя специально рясу держат. Так вот это совсем не то-с. Не в том смысле-с. Она Дарье Францевне, говорят, продалась, чтоб семью от голодной смерти выручить. Впрочем, может, и врут-с. Гулящие девицы, как известно, сентиментальны и любят сказки.

— Давайте я к этой Мармеладовой схожу, — предложил Александр Григорьевич, заинтересовавшись падшей дочерью титулярного советника. — Вдруг застану.

— Я признаться уж не верю-с.... — Порфирий Петрович махнул рукой. — Ничего мы тут не зацепим. Кругом одна безнадежность... А впрочем сходите. Авось вам больше моего повезет.

И ведь как в воду смотрел.

Глава десятая ПОД ДВЕРЬЮ

Желтобилетная Софья Семеновна Мармеладова по прозвищу Монашка проживала в квартире, поделенной на большие и маленькие номера, причем занимала самый отдаленнейший и скромнейший, который состоял всего из одной комнаты.

Всё это Александр Григорьевич установил еще до того, как отправился в свою экспедицию. Угловой зеленый дом, одной стороною выходявший на Екатерининскую канаву, он отлично знал и без колебаний, миновав ворота, поднялся на узкую и темную лестницу, прошел на втором этаже по галерее, что опоясывала двор, и поднялся еще на один пролет.

Уже совсем близко от нужной двери (на ней, как и говорили «монашкины» товарки, мелом была написана цифра 9), у Заметова случилась одна маленькая встреча. Из соседнего восьмого номера вышел какой-то незнакомый господин, очень щегольски одетый и смотревшийся осанистым барином. В руках его была красивая трость, которою он постукивал, с каждым шагом, а руки были в свежих перчатках.

Встретившись с франтом глазами, письмоводитель слегка поклонился и прошел себе дальше. Не-

знакомец ответил таким же учтивым полукивком и отправился прочь по коридору.

Когда же на стук Заметова, дверь открылась и молодой человек скрылся в девятом, щеголь с тростью вдруг обернулся и вернулся к себе, причем отчего-то ступал не на каблук, а исключительно на носки, то есть явно не хотел производить ни малейшего шума.

Это был человек лет пятидесяти, росту повыше среднего, дородный, с широкими и крутыми плечами, что придавало ему несколько сутуловатый вид. Широкое, скулистое лицо его было довольно приятно, и цвет лица был свежий, не петербургский. Волосы его, очень еще густые, были совсем белокурые и чуть-чуть разве с проседью, а широкая, густая борода, спускавшаяся лопатой, была еще светлее головных волос. Глаза его были голубые и смотрели холодно-пристально и вдумчиво; губы алые. Вообще это был отлично сохранившийся человек и казавшийся гораздо моложе своих лет.

Оказавшись у себя, он стал двигаться еще бесшумней. Прошел через комнату, из которой выходы вели в обе стороны, попал в другую, оканчивавшуюся наглухо запертой дверью. Как уже было сказано, когда-то ранее все это была одна огромная квартира, заключавшая собою длинную анфиладу, но позднее апартаменты превратились в череду квартир, отгородившихся одна от другой.

Позади запертой двери находился девятый номер, куда только что вошел Александр Григорьевич.

Предосторожности, предпринятые барственным незнакомцем, отчасти объяснились, когда он уселся

перед самую дверь на удобный мягкий стульчик. Отсюда был отлично слышен каждый звук, доносившийся из-за створок. А несколько времени спустя, неделикатный господин осторожно вынул из замочной скважины восковую затычку, и оказалось, что через дверь можно не только подслушивать, но и подсматривать.

Производя манипуляцию с затычкой, подглядывающий слишком перегнулся на своем стуле, отчего довольно явственно скрипнули половицы. Но ни Заметов, обрадованный тем, что застал Мармеладову дома, ни обитательница комнаты, оробевшая незванного гостя, этого шума не услышали.

Соня оказалась худенькой, но довольно хорошенькой блондинкой, с замечательными голубыми глазами и остреньким треугольным личиком, по детскому выражению которого ей едва ли можно было дать и шестнадцати лет. Одея она была во все черное, как девушки ее рода занятий не наряжаются.

Ну да, она же монашкой представляется, подумал Александр Григорьевич — и, как тут же выяснилось, ошибся.

Когда он довольно строго сказал: «Я из полицейской конторы, мы вас давно разыскиваем. Где изволили пропадать?», Мармеладова, всхлипнув, ответила:

— У батюшки, на Садовой. Его позавчера карета сбила.

— Ваш отец ведь титулярный советник? — блеснул осведомленностью Заметов.

— Был, — тихо проговорила она, смахнув слезы. — Выгнали его, потому что пил сильно.

— Понятно. И что же, сильно он убился, от кареты-то?

— В ночь умер, — еще ниже опустила голову девушка и опять заплакала. — А дома ни копейки... Жена его, моя мачеха Катерина Ивановна, не в себе. То кричит, то хохочет. Деточки сами не свои от страха. Там ведь трое: девяти лет, семи и шести. На кровати покойник. Хоронить не на что...

Александр Григорьевич тоже заморгал глазами и уж не смог далее выдерживать официальный тон.

— Так как же вы? — участливо спросил он, попутно оглядывая комнату.

Это было до чрезвычайности убогое помещенье, главным предметом в котором являлась кровать с железными шарами, а единственным украшением картинка над кроватью, явно вырезанная из иллюстрированного журнала. Очевидно, гравюрка эта с изображением каких-то танцующих француженок, должна была придавать ложу продажной любви вид лихости и легкомыслия, но справлялась с этою задачей не вполне успешно.

Танцующие
француженки

— Господь помог, — ответила Мармеладова и вдруг подняла на письмоводителя глаза, уже не заплаканные, а ярко, по-особенному засветившиеся. — Человек один, который вместе с другими батюшку принес, из-под кареты, мачехе денег дал. Все, какие у него были, хотя сам очень бедный. На гроб хватило, самый простой. На отпевание. И еще Катерина Ивановна даже поминки затеяла. Они нынче вечером будут, а я ей помогала... Только сейчас вернулась.

Здесь письмоводитель вспомнил о цели своего прихода и приступил к собственно допросу.

— Известно ль вам, что ...покровительница ваша, — это слово Заметов подобрал не сразу, — госпожа Зигель вчера убита у себя на квартире?

— Слышала, — тихонько ответила Соня. — Упокой Боже ее душу...

— Для вас это, я полагаю, облегчение. Теперь вы свободны, — произнес он еще по дороге заготовленную фразу, да так и впился глазами в личико Мармеладовой.

Та лишь вздохнула.

— Какая уж тут свобода, сударь. Больная мачеха и трое детишек. Их пропитать надо, одеть-обуть, за комнату ихнюю давно не плачено, хозяйка ругается... Нет уж, судьбы не избежешь. Кем была, тем и буду. Мне уж госпожа Ресслих, чья квартира, — Соня неопределенно качнула головой в сторону запертой двери, — предлагала... Она, как и Дарья Францевна, девушек держит. Видно, надо соглашаться...

Дверь, на которую она указывала, чуть скрипнула.

— Сквозняки здесь. — Мармеладова зябко повела плечиками, хотя, на взгляд Заметова, в комнате было довольно душно. — Не привыкну никак.

— Хм, — откашлялся Александр Григорьевич, чувствуя, что ему перестает нравиться роль сыщика, но тем не менее пытаясь взять бодрый тон. — Однако ж не всё в жизни так ужасно. У вас, наверное, имеется какой-нибудь друг, который хотя бы отчасти скрашивает неудовольствия, сопряженные, то есть проистекающие...

Запутавшись в оборотах и смутившись, он сбился, не договорил.

— Нет у меня никого. Да и кто к такой в друзья пойдет, посудите сами, — спокойно возразила Соня. Заметов сконфуженно пятился к выходу.

— Ну, хорошо... Ваши ответы полностью удовлетворительны, — бормотал он. — Более не беспокою. А по поводу вашего батюшки примите мои самые искренние... Быть может, я со своей стороны могу чем-нибудь...

— Благодарю. — Соня провожала его до двери. — Теперь всё устроилось. Да и Родион Романыч обещал прийти...

— К-кто?

Заметов так и обмер.

Сзади снова раздался скрип, и девушка на секунду обернулась.

— Сквозит. — Тень извиняющейся улыбки мелькнула по бледному лицу. — Родион Романович Раскольников — это человек, который нам помог. Я вам рассказывала. Он студент, впроголодь живет, а все свои деньги нам отдал. Он очень благородный и

очень-очень умный, — с внезапным жаром продолжила она. — Я давно... Я никогда таких не встречала. Я, кажется, сильно обременила его. Наговорила всякого, слезами своими расстроила. Стыдно. Но он ничего. И сегодня вечером беспрерывно обещался на поминках быть. Он не обманет, я знаю.

— Наговорили ему всякого? — медленно, пытаюсь унять гонку мыслей, повторил Александр Григорьевич. — То есть, стало быть, про историю... — Он хотел сказать «падения вашего», но посовестился. — Про жизненную историю вашу тоже?

Она поняла и опустила голову.

— Да, всё ему рассказала. Сама не знаю, что на меня нашло.

— А...

«А он что?» — захотелось теперь спросить Заметову, однако делать этого, пожалуй, не следовало. Порфирий Петрович нипочем бы не выдал своего сугубого интереса к личности подозреваемого.

— Ну-ну, — с видимым равнодушием протянул письменоводитель, хотя сердце у него в груди так и попрыгивало. — Пойду. Пора-с.

Проводив посетителя, Мармеладова вернулась в комнату совсем ненадолго. Собрала в узелок какие-то мелочи, трижды перекрестилась на икону, висевшую в самом дальнем от кровати углу, и тоже вышла.

* * *

Лишь теперь человек, который все это время не отрывался от замочной скважины и дважды, от чрезмерной увлеченности, произвел невольный шум,

принятый простодушной Монашкой за сквозняк, оставил свое нескромное занятие.

Любопытно, что в самом начале объяснения Заметова с гулящей господин был куда менее сосредоточен, даже достал из кармана плоскую фляжку с ромом и раз-другой к ней приложился. По лицу его при этом гуляло довольно странное выражение, соединявшее в себе глумливость и жадное ожидание. Однако, когда речь зашла об убийстве, облик соглядатая переменялся — сделался серьезен и внимателен. Во второй раз перемена в этом лице произошла при упоминании имени «Родион Романович». Здесь уж господин прямо вздрогнул и прижался к скважине еще плотнее.

Как раз в эту минуту из противоположной двери появилась дама средних лет, довольно недурной наружности, которую портили лишь жесткие складки у губ. Увидя, каким делом занят белокурый господин, она беззвучно рассмеялась, подошла на цыпочках и погладила его по волосам, но тот досадливо отодвинулся и махнул: «уйди, уйди!». Женщина нисколько не обиделась. Прикрыв рот, чтоб не засмеяться в голос, она отошла в угол, села на диванчик и уже оттуда весело наблюдала за некрасивым времяпрепровождением своего приятеля.

Наконец он отодвинулся от скважины и посмотрел в сторону задумчиво прищуренным взглядом.

— Как вам моя крайняя комнатка? Хороша? — фыркнула дама. — Нарочно сдаю гулящей — полакомить близких друзей видом рублевого разврата. Это, знаете, барчукам для пробуждения аппетита показывают, как крестьянские дети уплетают кашу с моло-

ком... Да что это вы постником глядите, Аркадий Иванович, не распотешила вас моя Монашка?

— Отчего же, Гертруда Карловна, даже очень распотешила, — нараспев проговорил мужчина. — Под большим пребываю впечатлением.

Гертруда Карловна (это была мадам Ресслих, хозяйка квартиры и всего этажа) присвистнула, что вышло у ней очень ловко.

— Значит, не зря я к девчонке подбираюсь. Есть в ней что-то этакое, у меня на подобные вещи нюх. Самого Свидригайлова впечатлить!

Свидригайлов (ибо такова, выходит, была фамилия белокурого господина) поглядел на Гертруду Карловну весьма внимательно и ответил несколько невпопад:

— Именно что нюх. Затем у вас и остановился. Госпожа Ресслих оживилась:

— Что девочка-невеста? Понравилась? Не зря из деревни приехали?

— Хороша, — сдержанно ответил Аркадий Иванович. — Папенька с маменькой только очень уж противные.

— Зато вам не будет от них никакой докуки, за это ручаюсь. — Хозяйка подошла, присела к Свидригайлову на колени. — А вы помните уговор. Как наиграетесь с женушкой и прискучите ее невинными прелестями, она моя. Ведь это я вам ее приискала.

— Не беспокойтесь. — Господин зевнул, отворачивая щеку от поцелуя. — Сочтемся. Пойду, однако, прогуляюсь. Да и дельце есть.

Глава одиннадцатая
ГОСПОДИН СВИДРИГАЙЛОВ

«Дельце» привело Аркадия Ивановича на Вознесенский проспект к некоему дому довольно уродливого вида. Повернув с улицы в темную подворотню, Свидригайлов заглянул во двор, однако не прошел к подъездам, а остался в полумраке. Прохаживался там взад-вперед, постукивая по мостовой своей тростью. Трость была дорогая, красного дерева с бронзовым набадашником в виде сфинкса, восседающего на пьедестале.

Сфинкс на пьедестале

Всякий раз, когда в подворотню кто-то входил, Аркадий Иванович брал в сторону и совершенно сливался со стеной, так что делался почти невидим.

Странное его ожидание (а судя по некоторым признакам нетерпения это было именно ожидание) продолжалось довольно долго, но в конце концов окончилось, и окончилось вот чем.

Один из прохожих, которые проследовали с улицы во двор, высокий и широкоплечий молодой мужчина, ничем не заинтересовавший Свидригайлова, через короткое время появился вновь и направился уже в обратную сторону, причем не один, а сопровождаемый барышней в скромном, но очень идущем к ней платье.

Завидев барышню, Аркадий Иванович так вздрогнул, что стало ясно — ее-то он тут и поджидал. Но объявлять о себе и не подумал, нырнул в проем, что вел в дворничью, и затаился там.

Двое, разговаривая, проходили мимо.

— Я так вам благодарна, Дмитрий Прокофьевич, что не оставляете Родю. Просто не знаю, что бы мы без вас делали, — говорила барышня. — Он сделался несносен. Верите ли, вчера, когда он пошел меня провожать...

Они свернули на улицу, и продолжения спрятавшийся помещик не услышал.

Он выждал несколько мгновений и отправился следом за парочкой. Та двинулась по проспекту в сторону Садовой, потом повернула к Юсуповскому саду. Барышня всё что-то говорила, мужчина очень внимательно слушал. При переходе через улицу он предложил девушке локоть, и она оперлась об его

руку, да так и не убрала, даже когда проезжая часть уже осталась позади.

Лоб Свидригайлова нахмурился, он ускорил шаги и очень скоро оказался прямо за спиной у тех двоих. Он, впрочем, кажется, понял, что может особенно не осторожничать — мужчина и девушка были слишком увлечены то ли беседою, то ли друг другом.

— Я не могу теперь к нему, он наговорил мне давеча ужасных, ужасных вещей, — говорила барышня. — Он болен, болен душою, теперь я это вижу.

— Не тревожьтесь, Авдотья Романовна. Я был у него утром и буду опять. Мы его из хандры вытащим, — пообещал мужчина.

— Я почему-то очень на вас надеюсь. — Авдотья Романовна улыбнулась. — А вы сегодня иначе выглядите. Сапоги начищены, пуговицы пришиты. И бри-тому вам гораздо лучше, чем со щетиной.

Ее собеседник покраснел всей шеею, сзади это было отлично видно.

— Я вот что... — забормотал он. — Я, знаете ли, прямо сейчас к нему.. Да. Ну, после свидимся.. Зайду.

И, неловко кивнув, что, по-видимому, должно было означать поклон, быстро двинулся в сторону, через улицу.

Девушка глядела ему вслед с улыбкою, кажется, очень не понравившейся Аркадию Ивановичу. Он даже захрустел пальцами и закусил губу своими крепкими белыми зубами.

А потом Авдотья Романовна пошла себе дальше, и Свидригайлов двинулся было за ней, но вдруг остановился и вместо этого пустился догонять ее недавнего спутника.

Разумихин (ибо это был он) бодрым шагом миновал Кокушкин мост и скоро был уже у дома Шиля, где квартировал его приятель Раскольников. Слежки за собою он не заметил, да и мудрено ему было бы заметить: Свидригайлов держался с ним на осторожной дистанции, а Дмитрий до того погрузился в мысли, что и перед собой-то почти ничего не видел.

Войдя в подъезд и взбегая по лестнице, он встретил горничную Настасью и спросил:

— Что Родион Романович, у себя?

— У себя, где ему быть. Как вы утром ушли, всё по комнате топал: тук-тук сапогами, тук-тук. А сейчас заглянула — дверь-то у него нараспашку — уснул.

— Ну, слава Богу. Это славно, а то он ночью вовсе не спал. Я к нему тогда немного попозже...

Повернувшись, Разумихин спустился вниз и опять не заметил человека, стоящего под лестницей.

* * *

Дверь в конуру Раскольникова, вероятно вследствие чрезвычайной духоты, и вправду была приотворена. Аркадий Иванович заглянул, увидал, что хозяин, точно, лежит с закрытыми глазами, переступил осторожно через порог, бережно притворил за собой дверь, подошел к столу, подождал с минуту, и тихо, без шума, сел на стул подле дивана; шляпу поставил сбоку, на полу, а обеими руками оперся на трость, опустив на руки подбородок. Видно было, что он приготовился долго ждать.

Однако ожидание его продолжилось никак не долее минуты. Раскольников вдруг приподнялся и сел на диване.

— Ну, говорите, чего вам надо?

— А ведь я так и знал, что вы не спите, а только вид показываете, — странно ответил незнакомый ему человек, спокойно рассмеявшись. — Аркадий Иванович Свидригайлов, позвольте отрекомендоваться...

Раскольников осторожно и недоверчиво всматривался в неожиданного гостя.

— Свидригайлов? Какой вздор! Быть не может!

Казалось, гость совсем не удивился этому восклицанию.

— Вследствие двух причин к вам зашел: во-первых, лично познакомиться пожелал, так как давно уж слышан с весьма любопытной и выгодной для вас точки; во-вторых, мечтаю, что не уклонитесь, может быть, мне помочь в одном предприятии, прямо касающемся интереса сестрицы вашей, Авдотьи Романовны. Одного-то меня, без рекомендации, она, может, и на двор к себе теперь не пустит, вследствие предубеждения, ну, а с вашей помощью я, напротив, рассчитываю...

— Плохо рассчитываете, — перебил Раскольников.

— Они ведь только вчера прибыли, позвольте спросить?

Раскольников не ответил.

— Вчера, я знаю. Я ведь сам прибыл тому всего только три дня... Ну да это не столь важно. Я, с вашего позволения, сразу про главное... Вам про меня,

ну про мои, как это в романах принято называть, домогательства насчет сестрицы вашей, конечно, известно. Не может быть неизвестно, ибо иначе вы от моего имени так не вскинулись бы...

Он сделал паузу, но ответа не дождался и, сам себе кивнув, продолжил:

— Крутом перед Авдотьей Романовной виноват, сам это признаю и посыпаю голову пеплом. Но даже самый закоренелый злодей и грешник не может быть лишен возможности на исправление содеянного им зла...

— Затем и в Петербург за ней притажились? — язвительно перебил его Родион Романович. — Что бы посыпать голову пеплом?

Свидригайлов остался все столь же невозмутим.

— И за этим тоже. Имею, впрочем, еще одну цель, но о ней, с вашего позволения, чуть позже. Пока же сообщу, что положение мое за последние дни сильно переменялось. Супруга моя Марфа Петровна скоропостижно скончалась, так что я теперь совершенно свободен.

Раскольников посмотрел на него с каким-то жадным любопытством.

— Уходили что ли, супругу-то? Вы ведь из душегубов. Я давеча когда сестру провожал, она мне про вас кое-что порассказала.

— Что же? — заинтересовался Аркадий Иванович, пропустив мимо ушей вопрос насчет супруги.

— Какие про вас слухи ходят. Что вы в бывшей петербургской жизни до худших степеней разврата опускались и что будто бы через вас некая глухонемая девочка четырнадцати лет руки на себя наложила...

— А, это про племянницу моей старой знакомой Гертруды Карловны Ресслих, — светским тоном заметил Свидригайлов. — Несчастное, забитое было создание. Гертруда Карловна — дама довольно жестокосердная, с сиротой обходилась неважно, вот та и... Впрочем, душевно была нездорова, этот факт полицией признан, и дело было закрыто. Что еще о моих предполагаемых злодействах сообщила вам Авдотья Романовна?

— Еще про слугу вашего, которого вы насмешками и издевательствами тоже до петли довели, — ухмыльнулся Раскольников — ему, похоже, очень хотелось выбить невозмутимого собеседника из равновесия.

— Было и такое. — Аркадий Иванович безмятежно вздохнул. — Шесть лет назад, еще до эмансипации. Жил у меня слуга, Филипп. Нравился я ему очень, уж не знаю отчего. Вел со мной доверительные беседы. Странный был типаж, доморощенный философ. Наподобие принца датского, всё задавался вопросом «быть иль не быть» и так ли уж страшна смерть, чтоб ради нее «сносить удары стрел враждующей Фортуны». Говорил, что после смерти, может, всё самое интересное и начинается. Мол, помрешь, и в тот же миг вдруг да вновь возродишься в каком-нибудь совсем ином месте, хоть бы в самой Америке. — Удивительно, но Свидригайлову было вроде как приятно вспоминать эту историю. — А я в ту пору ужасно скучал в деревенской глуши. Ну, и начал его поддразнивать. Мол, на словах-то ты герой, а на деле трус и дурак дураком. Уж коли так любопытно, так чего проще бы? И прочее подобное. Только с русской душой шутки плохи, она разумных пределов не зна-

ет... Оставил мне Филька мой записку, следующего содержания — я слово в слово запомнил: «Я теперича вона где, а дурак дураком, Аркадий Иваныч, получаетесь вы». Только всего и было. — Свидригайлов потер пальцами голову сфинкса на своей трости и поглядел Родиону Романовичу прямо в глаза. — Ну, насчет вашего вопроса про Марфу Петровну, чтоб вы не вообразили, будто я уклоняюсь, отвечу: медицинское следствие обнаружило апоплексию, да ничего другого и обнаружить не могло..

Раскольников засмеялся.

— Ну, разумеется. И что же вы теперь, новоиспеченный вдовец? К моей сестре руки просить приехали? То есть не поездкой на воды будете соблазнять, а самым что ни на есть законным браком?

Улыбнулся и Свидригайлов.

— Не настолько я глуп и характер Авдотьи Романовны знаю. К тому же она ведь обручена? Не думаю, что господин Лужин в качестве мужа так уж предпочтительнее меня, но это так, *a propos*, ибо не моего ума дело... Уверяю вас, что не намерен мешать матримониальным планам вашей сестрицы, да и шансов не имею. Насолько далек от сей мысли, что вскорости думаю сочетаться браком с некоей юной и обворожительной девицей. Уж и согласие получил... — По лицу Аркадия Ивановича промелькнула тень странной, жестокой улыбки. — А что, Авдотья Романовна с вами обо мне много говорила?

— Не обольщайтесь. Весь рассказ не занял пяти минут и не заключал ничего для вас лестного. Сразу за тем про жениха ее заговорили. Правда, тут еще короче вышло..

Раскольников перешел вдруг от насмешливости к раздражению:

— Сделайте одолжение, позвольте вас просить поскорее объясниться и сообщить мне, почему вы удостоили меня чести вашего посещения... и... и... я тороплюсь, мне некогда, я хочу со двора идти...

— С величайшим удовольствием. Прибыв сюда и решившись теперь предпринять некоторый... вояж, я пожелал сделать необходимые предварительные распоряжения. Дети мои остались у тетки; они богаты, а я им лично не надобен. Да и какой я отец! Перед вояжем, я хочу с господином Лужиным покончить. Так сказать, избавить Авдотью Романовну от необходимости идти на такую жертву... ради дорогих ей людей.

Лицо Родиона Романовича дернулось, но он ничего не сказал.

— Я желаю теперь повидаться с Авдотьей Романовной, через ваше посредство, — продолжил Свидригайлов. — Испросив у ней извинения в недавних этих всех неприятностях, я попросил бы позволения предложить ей десять тысяч рублей.

— Но вы просто сумасшедший! — вскричал Раскольников, не столько даже рассерженный, сколько удивленный. — Как смеете вы так говорить!

— Я так и знал, что вы закричите; но, во-первых, я хоть и небогат, но эти десять тысяч рублей у меня свободны, то есть совершенно, совершенно мне не надобны. Не примет Авдотья Романовна, так я, пожалуй, еще глупее их употреблю. Это раз. Второе: совесть моя совершенно покойна; я без всяких расчетов предлагаю. Верьте не верьте, а впоследствии

узнаете и вы, и Авдотья Романовна. Все в том, что я действительно принес несколько хлопот и неприятностей многоуважаемой вашей сестрице; стало быть, чувствуя искреннее раскаяние, сердечно желаю, — не откупиться, не заплатить за неприятности, а просто-запросто сделать для нее что-нибудь выгодное, на том основании, что не привилегию же в самом деле взял я делать одно только злое. Ведь если б я, например, помер и оставил бы эту сумму сестрице вашей по духовному завещанию, неужели б она и тогда принять отказалась?

— Весьма может быть.

— Во всяком случае, попрошу передать сказанное Авдотье Романовне. Иначе принужден буду добиваться свидания личного, а стало быть, беспокоить.

— А если я передам, вы не будете добиваться свидания личного?

Свидригайлов раздумчиво поглядел в потолок, будто не решил еще, как поступит в таком случае.

В эту-то минуту затишья в беседе дверь приоткрылась, и в нее просунулась физиономия Разумихина.

— Ба, да ты не спишь! — воскликнул он, растворя створку. — И гость у тебя...

Он с любопытством глядел на Аркадия Ивановича, тот же отвечал ему взглядом очень неприязненным, даже вызывающим и не сделал ни малейшей попытки приподняться со стула.

— Это помещик Свидригайлов, — сказал Раскольников. — Тот самый.

Разумихин тотчас же переменился в лице и воззрился на Аркадия Ивановича с такой свирепостью, что в комнате положительно запахло грозой.

— Вот он, мой истинно счастливый соперник, а вовсе даже не Лужин, — обратился Свидригайлов к Родиону Романовичу, не спуская, однако глаз с Дмитрия. — Знаете вы это иль нет? Только ничего у него не получится, я Авдотью Романовну лучше ихнего знаю. Уж коли пообещала, слово назад не возьмет.

Весь набычившись, Разумихин глухим голосом спросил:

— Что он тут у тебя делает?

— Хочет, чтоб я его с Дуней свел, десять тысяч ей сулит. — Раскольников с любопытством переводил взгляд с одного на другого. — Я его за то сумасшедшим обозвал.

— Он не сумасшедший, он подлец! — взревел Дмитрий. — Я его вон вышибу!

И, бросившись на Свидригайлова, стащил его со стула. Однако дальше дело не пошло. Сколько Разумихин ни пытался сдвинуть Аркадия Ивановича с места и подтащить к двери, ничего не выходило, не взирая на всю медвежью силу студента. Свидригайлов стоял как вкопанный в землю, и плечи его, в которые вцепился Разумихин, твердостью, пожалуй, не уступили бы железу.

Раскрасневшийся, с выступившими жилами на лбу, Дмитрий, наконец, опустил руки.

— Вы может быть на кулачки со мной намереваетесь? — учтиво осведомился Аркадий Иванович. — Не утруждайте себя. Побить меня можно, но вашей силы, впрочем очень изрядной, на то не достанет. Я ведь в прошлом карточный шулер, и бит неоднократно, так что большой опыт имею. Могу с точностью сказать, что таких молодых, как

Револьвер Свидригайлова

вы, для меня понадобится трое, а вот таких, — он кивнул на Родиона Романовича, — человек восемь, если не девять.

— И вправду здоровый, черт, — пробормотал сконфуженный Разумихин.

Свидригайлов все тем же тоном продолжил:

— Ну а коли, будучи представителем образованного сословия, пожелаете разделаться со мной благородному, через дуэль, то и этого вам не посоветую. Семь лет безвылазно в деревне просидел, набачился по лесным орехам стрелять, от скуки-то. Вот из этого предмета. — Он вынул и показал шестизарядный револьвер «лефоше», а затем спрятал обратно в карман. — Да и что я вам дался? Вы бы лучше Лужина Петра Петровича удавили, ведь это ему приз достается, не мне.

— Послушайте, петухи, а подите-ка вы оба вон, — сказал Раскольников, поднимаясь с дивана. — Надоели. Да и пора мне.

Он надел свое пальто-балахон, сняв его с гвоздя (другой верхней одежды нигде видно не было), взял с подоконника кусок черного крепа и повязал на рукав.

— Подите, подите, — повторил он. — Мне на поминки надобно.

— К раздавленному чиновнику? — проявил неожиданную осведомленность Аркадий Иванович. — Я с вами.

Родион Романович удивился:

— Вас разве пригласили?

— Нет. Но желаю оказать несчастной семье посильную помощь.

С полминуты Раскольников испытующе глядел на помещика, словно пытался разгадать, в чем тут кверза.

— Правда поможете? У них совсем плохо. Ни гроша и надежд на улучшение никаких.

Свидригайлов пожал плечами:

— Деньги-то у меня имеются, не все ль равно на что потратить?

— Хорошо. Идемте. Прощай, Разумихин.

— Ну уж нет! — вскричал Дмитрий. — Как бы не так! Черт вас знает, о чем вы промеж собой сговоритесь!

Так втроем и отправились.

Глава двенадцатая

СКАНДАЛ

У Мармеладовых готовились к приходу гостей. Всё семейство покойного чиновника, с нынешнего дня нашедшего вечный покой на одном из беднейших городских кладбищ, ютилось в проходной комнате в десять шагов длиной. Огромная квартира эта, как и апартамент госпожи Ресслих, вся состояла из длинной анфилады больших и маленьких помещений, так что в привилегированном положении среди многочисленных жильцов состоял один лишь господин Лебезятников, который занимал две удаленнейшие от входа комнаты, прочие же обитатели, люди самого скромного пошиба, принуждены были мириться с вечно незапертыми дверьми и хождением посторонних взад и вперед. Из всех этих клеток Мармеладовы ютились в наилучшей, располагавшейся сразу у входа и в прошлые, более благополучные времена этого Вавилона очевидно исполнявшей роль прихожей.

Вся убогая наружность комнаты просматривалась прямо из сеней. Через задний угол была протянута дырявая простыня. За нею, вероятно, помещалась кровать. В самой же комнате было всего только два стула и клеенчатый очень ободранный диван, перед которым стоял старый кухонный сосновый стол, некрашенный и в обычное время ничем не покрытый,

но сегодня по случаю печального торжества вдова Катерина Ивановна застелила его простыней и расставила поверху разномастные приборы, которые собрала по всей квартире.

Это была ужасно похудевшая женщина, тонкая, довольно высокая и стройная, лет тридцати, еще с прекрасными темно-русыми волосами, но с красным чахоточным румянцем на щеках. Она и всегда-то была взвинчена, постоянно находясь в некоем клокотании, то и дело выливавшемся в крик, слезы или истерику, но после произошедшего несчастья совсем сделалась не в себе. Поминутно покашливая, она еще больше растравляла больное свое горло, ибо не могла молчать и минуты: велела хлопотавшей тут же Соне переставлять с места на место тарелки, вступала в перепалки с проходившими через комнату соседями и покрикивала на детей своих, которые рядом сидели на диване и не сводили глаз со скромного угощения, должно быть, казавшегося им сказочным пиром.

Падчерица поглядывала на Катерину Ивановну с жалостью и страхом, ибо, зная характер мачехи, уж предчувствовала, что нелепая затея с поминками, на которые ушли все полученные от Раскольниковова деньги, добром не закончится.

— Дура, дура бестолковая! — раздражительно кричала вдова на Соню. — Приборы толком разложить не умеет! В благородных домах вилку кладут вот так, а ложку вот этак, и тут бы еще батистовую салфеточку кувертиком свернуть, да где взять салфетки... Не так, не так, дай я! — тут же отпихивала она девушку костлявым локтем. — Ничего без меня не можешь! Вот умру я, недолго осталось, как ты с

сиротками управишься? Братика побиратьсяпустишь, а сестренки, как ты, на панель пойдут?

Две или три небритые рожи, с предвкушением глядевшие на расставленные по «скатерти» штофы, радостно загоготали, и гнев Катерины Ивановны обратился на насмешников, что дало Соне маленькую передышку.

Пока мачеха бранилась на оскорбителей и грозила, что не позовет их к столу, девушка нарезала булки и колбасу, разложила покрасивее ранние кислые яблоки и воткнула в пустую бутылку букетик ромашек. Нужно было торопиться, уже подступал назначенный час сбора гостей.

* * *

А тем временем в приличнейшем и опрятнейшем из отсеков этой весьма неприличной и неопрятной квартиры Андрей Семенович Лебезятников развлекал прогрессивным разговором своего временного жильца, того самого Петра Петровича Лукина, с которым читатель уже имел удовольствие встречаться. Приехав в Петербург и пока еще не обставив своего будущего семейного гнездышка, Петр Петрович из видов экономии поселился у своего младшего товарища и подопечного, при котором в не столь давние времена состоял опекуном и потому чувствовал себя вправе обременить.

Андрей Семенович, впрочем, был только рад, поскольку за время, прожитое в столице, успел до предела наполниться прогрессивнейших идей, которыми ему не терпелось впечатлить провинциального знакомого.

Итак, Лебезятников (худосочный и золотушный человек малого роста, где-то служивший и до странности белокурый, с бакенбардами, которыми он очень гордился, и в очочках на подслепых глазках) с азартом пересказывал Петру Петровичу одну из самых новых теорий общественного устройства, согласно которой выходило, что все люди абсолютно между собою равны и потому каждый из них в отдельности никакой особой самоценности не имеет, зато взятое вместе как биологический вид человечество может сотворить на земле подлинные чудеса.

В качестве научного примера Андрей Семенович принялся описывать в высшей степени разумную и согласованную жизнь муравьев в муравейнике, причем ушел в зоологические подробности, делавшие честь если не его уму, то его начитанности.

Лужин, впрочем, молодого человека не слушал. Он досчитывал на столе купюры из пачки, полученной в банке, и тихонько напевал под нос. Петру Петровичу только что, с час назад, сделалась известна, от того же Андрея Семеновича, история мармеладовского семейства. Повествование о гибели пропившегося чиновника Лужин слушал вполуха, равно как и рассказ о его дочери, пошедшей в проститутки, чтобы содержать семью (в Соне Лебезятников видел прообраз свободной от предрассудков женщины будущего). Но когда молодой человек упомянул фамилию бедного студента, на чье пожертвование вдова устроила и похороны, и поминки, Петр Петрович вздрогнул и далее слушал очень-очень внимательно, да еще и вопросов назадал, причем особенно интересовался, хороша ли собою

желтобилетная девица и точно ли студент отдал ей все свои скудные средства.

— Это он в нее врезался, в гулящую-то, — пробормотал Лужин, как-то по-особенному улыбнувшись. — До чего славно совпало-то... Ну-ну, поглядим-с.

И с того момента настроение у него делалось всё лучше и лучше, так что со временем, как уже было сказано, он даже принялся тихонько напевать.

Досчитав деньги и отложив пачку чуть в сторону, Петр Петрович прервал болтовню Лебезятникова:

— Послушайте, Андрей Семенович. У меня всё нейдет из головы история несчастных ваших соседей. Там ведь полная нищета? И за жилье, поди, платить нечем?

— Нищета полнейшая, и не то что за жилье, а пропитаться завтра не на что. А все же, потакая филистерской морали, ради соблюдения глупейшего обычая, тратят последние копейки на...

— Э, э, остановитесь. — Лужин поморщился. — Лучше попросите-ка сюда эту магдалину, как бишь ее. Я желаю с ней поговорить.

* * *

Минут через пять Лебезятников возвратился с Сонечкой. Всё это время Петр Петрович простоял у окна, сцепив пальцы за спиною и громко похрустывая суставами. Гостью он встретил ласково и вежливо, впрочем с некоторым оттенком какой-то веселой фамильярности, приличной, по мнению Петра Петровича, такому почтенному и солидному

человеку, как он, в отношении такого юного и в некотором смысле *интересного* существа. Он посадил ее за стол напротив себя. Соня села, посмотрела кругом — на Лебезятникова, на деньги, лежавшие на столе.

— Случилось мне вчера, мимоходом, перекинуть слова два с несчастною Катериной Ивановной. — Лужин скорбно потупился и сообщил Соне как некое открытие. — Больна-с. И весьма. А кроме того и в умственном смысле там очень и очень неблагополучно...

— Да, неблагополучно, — поспешила согласиться Мармеладова, очень робея этого важного господина.

Петр Петрович принял еще более солидный вид, хотя казалось бы уже и некуда, со значением оглянулся на Лебезятникова и молвил:

— Благоволите принять, для интересов вашей родственницы, на первый случай, посильную сумму лично от меня. Однако же имени моего при сем прошу не упоминать...

Он взял из пачки десятирублевый кредитный билет и протянул Соне.

Та вспыхнула, вскочила и залепетала:

— Да, хорошо-с, Бог вас за это-с... А не пожалуете ли к нам на блины? Катерина Ивановна была бы...

— Благодарю за милейший зов, но принужден манкировать. За множеством неотложных дел. И вообще-с, не смею долее задерживать.

Он тоже поднялся, с самым дружественным видом взял Соню под руку и проводил до дверей, напоследок уже совершенно по-отечески приобняв и сказав на прощанье:

— Бог милостив, сударыня. Как-нибудь образуется.

Во всё время этой сцены Андрей Семенович стоял у окна, как бы поглядывая в сторону, но и прислушиваясь к разговору. Теперь же он подошел к Петру Петровичу и торжественно пожал ему руку.

— Я всё слышал и всё видел! Это гуманно! Особенно ваше желание избежать благодарности! И хотя я не могу, по принципу, сочувствовать частной благотворительности, ибо она, не искореняя общественного зла, лишь...

— Э, всё вздор, — досадливо остановил его Лужин. — А вы бы чем языком молоть, лучше сходили бы, наведались к вдовице. А то подумают, что мы с вами нос дерем, нехорошо-с. У меня и вправду дела, — он кивнул на кредитки, — а вам всё равно заняться нечем.

— Я схожу, я непременно схожу. Я, собственно, и собирался...

Лебезятников и в самом деле напрямик направился к выходу.

— Единственно желаю попросить, — сказал ему вслед Петр Петрович. — Там обязательно явится студент этот, что в магдалину-то втрескался и все свои деньжонки ей вручил...

— Он, может, не из-за того, а просто по человечности, — попробовал заступиться за Раскольников Андрей Семенович, но Лужин лишь рассмеялся.

— Именно что по человечности. Вот по этой, — сделал он жест, мало того что непристойный, но еще и преудивительный в исполнении столь почтенного джентльмена. — Вы не перебивайте. Как

явится студент Раскольников, вы тихонечко выскользните ко мне сюда и дайте знать.

— Зачем? — удивился Лебезятников.

— Это же брат моей невесты Авдотьи Романовны, — как ни в чем не бывало сообщил ему Петр Петрович. — Она ведь Раскольникова, разве я не упоминал? Только вы брату ее отнюдь про меня не рассказывайте. Желалось бы сюрпризец сделать, родственный...

* * *

Когда Раскольников и два его спутника вошли в квартиру на Садовой, поминки уже не только начались, но и были в разгаре. Он, впрочем, очень быстро наступил, разгар, потому что среди многочисленных мармеладовских соседей большинство имели природную склонность к горячительным напиткам и сразу же очень споро взялись за стаканы.

Первые минут пять Катерина Ивановна до некоторой степени еще владела общим вниманием, успев рассказать публике о заслугах покойного (ею всецело нафантазированных). Однако когда вслед за тем вдова свернула на любимую свою тему — о том, как богато и чисто она проживала в девичестве у папеньки, и как танцевала танец с шалью в присутствии губернатора, и как к ней сватался князь, потихоньку поднялся нестройный шум, гости зашевелились, оживились и слушать перестали. Катерина Ивановна попробовала повысить голос, но лишь сорвалась в кашель, впала от этого во всегдашнее свое раздражение и начала довольно обидным образом пикироваться с немкой, хозяйкой квартиры, чего

делать ни в коем случае не следовало, ибо за жилье давно было неуплачено. И самих-то этих бестолковых поминок устраивать было ни к чему, уже в самом начале вечера почувствовалось, что ничем хорошим они не закончатся.

Появление Родиона Романовича, который извинился, что привел с собою двоих незваных гостей, на время отвлекло Катерину Ивановну от затевавшейся перебранки.

Она обняла своего благодетеля, посадила его рядом с падчерицей (та, и без того сидевшая тише мыши, теперь вовсе окоченела, залилась краской и очень старалась на Раскольникову не глядеть), Разумихина и Свидригайлова тоже поместила на почетные места, особенно последнего, который был бонтонно одет и, по замыслу вдовы, мог *облагородить* своим видом собрание.

Никто не заметил, как тихонько удалился Лебезятников, но зато пропустить момент, когда в комнату вошел, а точнее *вшеествовал* Петр Петрович Лужин, не смог бы никто. Створки двери хлопнули, широко распахнувшись, и на пороге возникла эффектная, осанистая фигура в светлом сюртуке. Строгим, даже суровым взглядом оглядев пирующих, которые поневоле притихли, Лужин коротко кивнул Раскольникову с Разумихиным (те оба не ответили), почтительно поклонился вдове, но направился не к ней, а к ее падчерице.

— Извините, что я, может быть, прерываю, но дело довольно важное-с, — заметил Петр Петрович как бы вообще и не обращая ни к кому в особенности. — Я даже и рад при публике. Тут

случай чернейшей неблагодарности и даже цинизма!

— Я вас не пойму, сударь, — растерялась Катерина Ивановна. — Не угодно ли сесть за стол!

— Не угодно! — отрезал Лужин и отнесся прямо к чрезвычайно удивленной и уже заранее испуганной Соне. — Софья... кажется, Ивановна?

— Семеновна, — прошептала та, предчувствуя, что надвигается нечто ужасное.

— Пускай Семеновна. — Он наклонился над нею, взгляд его был полон величавого презрения. — Со стола моего только что, не далее получаса назад, пропал государственный кредитный билет сторублевого достоинства. Кроме меня и моего молодого друга Андрея Семеновича, к которому я имею полное доверие, в комнату заходили только вы. Если вернете взятое, дело только тем и кончится. В противном же случае... пеняйте уж на себя-с!

В первые несколько мгновений после этого поразительного объявления вокруг стало очень тихо. Лишь мертво побледнела Соня, да приподнялся со стула Родион Романович. Он, впрочем, попробовал что-то и сказать, но тут заговорили и зашумели все разом, так что слова его были заглушены. Раскольников снова сел.

— Врешь, врешь, подлец! — надрывно кричала Катерина Ивановна. — Никогда дочь благородных родителей не опустится до кражи! Это Соня-то? Подлец, подлец!

Мнения среди гостей разделились. Некоторые, из числа уже хорошо *подкрепившихся*, были рады развлечению и в открытую скалили зубы. Лебезятников застыл у двери с разинутым ртом.

Очень хорош был Петр Петрович. Он стоял в эффектной позе, сложив руки на груди, и взирал на воровку с благородным, то есть сдержанным негодованием.

Если бы кто-то догадался в этот момент обвести взглядом лица Раскольников, Разумихина и Свидригайлова, то был бы поражен одинаковым выражением ненависти, с которой эти трое взирали на обвинителя. Однако никаких действий (если не считать попытки Родиона Романовича) пока не предпринимали.

— Тише! — вдруг гаркнул Лужин громовым голосом, да еще стукнул ладонью по столу. — Иль послать за квартальным?

По различным причинам визит полиции для многих из гостей был бы нежелателен, что Петр Петрович, человек острого ума, отлично угадал. Сделалось более или менее тихо, лишь давилась кашлем Катерина Ивановна да всхлипывали в своем углу перепуганные дети.

— Мадемуазель, — вновь обратился Лужин к девушке, — подумайте, еще есть время. Я в присутствии свидетеля выдал вам воспомоществование в размере десяти рублей. Так?

— Так, — беззвучно произнесли ее губы.

— Как же у вас хватило совести после сего похитить у меня деньги? — Петр Петрович скорбно покачал головой. — Есть ли предел глубинам человеческого падения?

Собрав все свои силы, Соня чуть громче, чем прежде, сказала:

— Я не брала-с.

— Не брали-с? Отлично! — Лужин царственным жестом указал на Катерину Ивановну. — Вот вы,

сударыня, только что посмели обозвать меня бранным словом. Могу ли я попросить вас вывернуть карманы на платье вашей родственницы?

Но Катерина Ивановна не могла ему ответить, ее согнуло в три погибели от кашля, и на платке, которым она прикрывала губы, отчетливо проступили красные пятна.

— Я сама... Сама! — Соня вскочила, отступила шага на два к стене и один за другим выворотила оба свои кармана. — Вот, смотрите!

И все увидели, как на пол падают сначала сложенный холщовый платочек, а за ним скомканная радужная бумажка.

Тут многие вскрикнули.

Петр Петрович нагнулся, взял бумажку двумя пальцами, поднял всем на вид и развернул. Это точно был сторублевый билет.

— Ах, Софья Семеновна, — горько произнес Лужин, глядя, однако, не на девушку, а на Раскольникова, прямо ему в глаза. — Жалкое, скверное вы существо. Да знаете ли вы, что теперь совершенно в моей власти поступить с вами, как мне будет угодно? Хоть бы и сослать вас в каторгу, потому что желтобилетным воровкам место именно в каторге, а не среди приличных людей-с...

Соня, кажется, его не слышала. Остановившимся от ужаса взглядом она смотрела на выпавшую из ее кармана купюру.

— А-а, вот оно что! — закричал вдруг Родион Романович, порывисто поднимаясь. — Софья Семеновна здесь средство, не более! Подлец, как есть подлец! До меня добираться? Психолог! Чтоб я

перед тобой унился, чтоб за нее просил, да? А ты надо мной раз и навсегда верх взял?

Он кричал и еще что-то столь же мало внятное большинству окружающих, но Петр Петрович, услышав на свой счет «подлеца», с презрительной улыбкой отвернулся.

— Так что, квартального? — сурово спросил он Соню. — Это можно-с. — И внезапно сменил тон, заговорил проникновенно, почти со слезным дрожанием. — Эх, Софья Семеновна. Что ж вы не захотели сознаться? Позора убоялись? Дело понятное-с, очень понятное-с. А теперь худо. Да не стойте вы! На колени, на колени падите, повинитесь! Быть может, я вас и прошу, сердце-то у меня не камень. Единственно лишь раскаяние искреннее увидеть хочу. Пойдете ведь по этапу, и что же ваши несчастные родственники без вас? С голоду помрут?

От этого вопроса Мармеладова вся затрепетала, закрыла лицо руками.

Тут у Разумихина терпение кончилось. Он с грохотом, опрокинув стул, встал и кинул Петру Петровичу уже третьего за последние пять минут «подлеца».

— А ведь это ты, подлец, ей в карман бумажку всунул! Как-нибудь исхитрился! Я не могу доказать, но я сердцем чувствую.

— Чувства ваши никому неинтересны, — пожал плечом Лужин. — А фактец вот-с. — Он потряс кредитным билетом. — И свидетелей полна комната. Так что, Софья Семеновна, скажете?

А посмотрел при том опять-таки не на нее, а на Раскольникову, и уж с почти нескрываемым торжеством.

Соня, не отнимая от лица рук, вдруг повалилась Петру Петровичу в ноги:

— Простите, — прорыдала она. — Ради них простите!

— Вот вам и еще одно доказательство, *чувствительный господин*. Сама созналась! — Лужин кинул взгляд сверху на Сонин затылок. — Простить бы, конечно, можно, так и христианский долг рекомендует, но... Есть еще и долг гражданский, повелевающий заботиться, так сказать, о чистоте общественных рядов. Или, скажем, ежели бы я в самом деле был подлец, как меня тут аттестовали... Так что, Родион Романович, подлец я или нет? — обратился он уже напрямую, не скрываясь, к Раскольникову. — Нынче вы как меня расцениваете-с? Давеча вы были говорливы. А теперь ничего сказать не желаете?

Родион Романович молчал. Грудь его вздымалась, глаза метали искры, он сделал порывистое движение, как бы намереваясь выбежать вон, но посмотрел на коленопреклоненную Соню и не смог тронуться с места.

Возникла пауза. Множество взглядов было устремлено на студента, все как-то почувствовали, что именно от него зависит исход дела. Мучительная гримаса исказила лицо Раскольникова, он вдруг стал блее мела, повернулся к Петру Петровичу и зажмурил глаза.

* * *

Бог весть, что случилось бы в следующую минуту, если бы тишину вдруг не нарушил спокойный голос Свидригайлова, до той поры никакого участия

в перепалке не принимавшего, а лишь с интересом наблюдавшего за событиями.

— Родион Романович сказать ничего не имеет, — вразяжку произнес Аркадий Иванович, — зато вон тот господин, судя по его виду, может сообщить нам нечто любопытное.

Он показал на Лебезятникова, по-прежнему торчавшего у двери, и все увидели, что тот стоит сам не свой. Очки так и прыгали на его куцоватом носу, губы пошлепывали, подбородок дрожал.

— Говорите-говорите, я давно за вами приглядываю. Вы ведь и есть «молодой друг», который также был на месте предполагаемой кражи?

Лужин, как и все, оглянувшись на Андрея Семеновича, нахмурился — ему очень не понравилось выражение лебезятниковского лица.

— Вряд ли господин Лебезятников мог что-то видеть, у него слабое зрение, к тому же... — поспешно заговорил было Петр Петрович, но недокончил.

Очки господина Лебезятникова

Лебезятников, нервически слотнув, пробормотал: — Да, я видел, видел... И, признаться, я в совершенном потрясении... Но... зачем?!

Вопрос этот был обращен к Лужину, и хотя ничего еще не разъяснилось, один тон, которым Андрей Семенович произнес это коротенькое слово, разом всё переменял.

— Ага, подсунул-таки! Я говорил, говорил! — взревел Разумихин. — Ну же, не мямлите вы! — налетел он на Лебезятникова. — Говорите, подсунул?

Сотрясаемый мощными руками Дмитрия, тот едва подхватил очки.

— Я полагал, он из деликатности... Не желая смущать... Явно дал немного, а потихоньку в карман целую сотенную... Но мог ли я...

— А-а-а, скотина, ну сейчас я с тобой без церемоний! — Дмитрий оставил Андрея Семеновича и, сжав кулаки, кинулся к Лужину. — За всё разом!

Величавость и неспешность манер, во всякое время свойственная Петру Петровичу, вмиг его оставила. Проворно развернувшись, недавний обличитель преловко уклонился от оплеухи, оттолкнул Лебезятникова и бросился вглубь квартиры.

— Ату его! Держи! — завопили гости, очень довольные оживленным оборотом, какой принимало дело, и многие побежали вдогонку за Петром Петровичем.

Но тот не оплошал. Стрелой пролетев через анфиладу, заскочил к себе в комнаты и заперся. Преследователи сколько-то потолкались, погрохотали, но створки были крепкие, дубовые, да и хозяйка квартиры воспротивилась порче имущества, поэтому

минут через пять все потянулись обратно, отметить торжество правды над клеветой.

Ни Соня, ни ее заступники, ни Катерина Ивановна в погоне не участвовали.

Когда в комнате стало почти пусто, вдова помогла падчерице подняться, обняла и со слезами воскликнула:

— Сызнова! Сызнова ради нас на крест пошла! Камень мы у тебя на шейке!

Соня же совсем не плакала и даже казалась удивительно спокойною, будто всё разрешилось именно так, как и должно было разрешиться.

— Благодарю вас, Андрей Семенович, — поклонилась она Лебезятникову. — И вас, Родион Романович. И вас, — это уже Разумихину. — А более всего, сударь, вас, ибо без вас не знаю, что и вышло бы.

— Это совершенная правда, — пробормотал Лебезятников. — Если б они меня прямо не призвали, я бы, может, и не решился бы. Очень уж потерял был...

Свидригайлов учтиво наклонил голову.

— Пустое, мадемуазель. Это мне было совсем нетрудно, и даже, наоборот, очень приятно. Рад также случаю, хоть и печальному, познакомиться со всем вашим семейством, которое, не знаю отчего, чрезвычайно мне симпатично. Известно ли вам, Софья Семеновна, что я довожусь соседом вашим по квартире мадам Ресслих?

Мармеладова вздрогнула и словно бы втянула голову в плечи, в ее взгляде появилось что-то молящее, будто она просила не продолжать. Но Аркадий Иванович продолжил:

— Да. Осведомлен и о вашей истории, и о предложении, которое поступило вам от Гертруды Карловны... Так вот, ничего этого не нужно. Я человек с состоянием. Куда тратить его, сам не знаю. Ежели вы приняли от малопочтенного господина Лужина десять рублей воспомоществования, то, надеюсь, не откажете и мне. Вас надобно в больницу, на хороший уход, — обратился он к Катерине Ивановне. — Это я обеспечу. А что до деток ваших, то их берусь определить в заведение для сирот дворянского звания и плату внесу вперед. Будут сыты, одеты и обуты. Вам же, мадемуазель, если пожелаете, помогу избавиться от желтого билета. Имею знакомства, только и надо, что одну записочку написать. Выделю также средства для начала независимой жизни...

— Благодарю, но этого уж не нужно! — всплеснула руками Соня, не верящая такому счастью. — Сама я себя как-нибудь прокормлю, лишь бы они были пристроены!

— Дети, дети! — возопила и Катерина Ивановна. — Ступайте сюда! Целуйте руку тому, кого послало само Провидение!

Здесь как раз вернулись преследователи посрамленного Петра Петровича и были изрядно удивлены открывшейся их взорам картиной. Свидригайлов с досадливой миной стоял, со всех сторон облепленный мармеладовскими детишками, послушно чмокавшими его пальцы; Катерина Ивановна воздевала руки к потолку, Соня же держалась чуть в стороне и улыбалась всегдашней своею робкой, забитой улыбкой.

— Пойдем отсюда, — зашептал приятелю Разумихин, несколько задетый тем, что его участие в

деле было столь мало отмечено, хотя именно он первым закричал про подsunутую купюру. — Неужто ты не видишь? Помещик не ради сирот старается, у него своя цель! Чтоб ты всю эту сцену после Авдотье Романовне пересказал, вот чего он хочет!

— Да ну тебя, — оттолкнул его Родион Романович и шагнул к Свидригайлову.

— Я... я хочу от себя вас поблагодарить, — тихо сказал он. — Ведь если бы не вы, я бы перед этим мерзавцем тоже на колени встал... Или убил бы, сам не знаю... Ну и за Мармеладовых, конечно, тоже. Вы, быть может, сумасшедший, но это пускай.

Аркадий Иванович ответил странно, да еще подмигнув:

— Совсем напротив, это я вас должен поблагодарить, что привели меня сюда. Тут, пожалуй, кредит можно взять, на выгоднейших условиях.

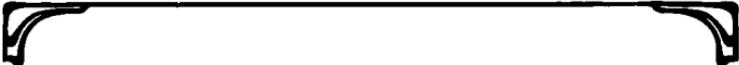
Вид у него и в самом деле был ужасно довольный.

Э, брат, ты и вправду не в себе, прочлось во взгляде Раскольникова, а все же студент протянул помещику руку и крепко сжал.

— Да чтоб вам всем... — застонал от этой во всех отношениях умильной сцены Дмитрий и бросился вон.

Уже в дверях он услышал ликующий голос Катерины Ивановны, обращавшейся к гостям и квартирной хозяйке:

— Ну что, нахлебники? Ишь, к столу-то кинулись. Ешьте, пейте! Мои дети будут в дворянском заведении учиться! Слыхала ты, колбаса немецкая?

Глава тринадцатая

ЗАКОЛЬЦЕВАЛОСЬ

Ноги сами вынесли Дмитрия за угол, на Вознесенский проспект, и уже через несколько минут он стоял перед домом, где остановились мать и сестра Раскольникова. Колебания, входить или нет, длились дольше, чем самое дорожка, однако в конце концов Разумихин решился. Не просто же он заглянет, безо всякого дела — ему есть, что рассказать, и даже очень есть.

Авдотья Романовна открыла ему сама, и при виде ее Дмитрий, как всегда, ступешевался. От встречи к встрече он успевал подзабыть, до чего она красива, то есть не то чтобы подзабыть (он очень хорошо это помнил), но все-таки настоящая Авдотья Романовна каждый раз оказывалась еще лучше.

— Вы? — радостно улыбнулась она. — Заходите. Маменьки только нет, она вышла чаю купить.

— Жалко..

Разумихину, действительно, хотелось рассказать про лужинскую подлость именно при старушке Раскольниковой, он догадывался, что может найти в ней союзницу. Но, с другой стороны, побыть наедине с *Дуней* (да, да — мысленно он уже называл девушку только так) было неожиданным подарком и даже счастьем.

— Или случилось что-нибудь? Что-нибудь с Родей? — изменилась в лице Дуня, заметив, как бычится и пыхтит Разумихин. — Мы с ним так скверно давеча расстались...

Она остановилась, не докончив, — так странно глядел на нее Дмитрий.

— Погубите, — быстро сказал тот хриплым голосом ни к селу, ни к городу. — Меня-то ладно, невелика птица, не жалко. Себя погубите. Нельзя вам за такого замуж. Лучше за меня выходите, честное слово...

Выпала и умолк. Лицо мучительно побагровело.

Авдотья Романовна глядела на него с удивлением — может быть, решила, что ослышалась. Оно бы и неудивительно, поскольку краткая речь Разумихина была маловразумительна и невнятна.

Сообразив это, он принялся рассказывать про лужинскую гнусность с подсунутым билетом, про трусливое бегство Петра Петровича. В отличие от предшествующей тирады, сообщение это было толковым и почти точным, лишь о роли Свидригайлова (да и о самом Аркадии Ивановиче) Дмитрий не упомянул, но это, пожалуй, учитывая его чувства, даже и извинительно.

Слушая, Дуня становилась всё бледнее, высокий лоб ее пересекала страдальческая морщинка, на глазах заблестели слезинки, но ни одна не пролилась.

— Неужто ж за этакого замуж выходить? — закончил Разумихин, не сомневаясь, что после случившегося вопрос этот чисто риторический. — Его прибить надо, как собаку, и я непременно это сделаю.

Он хотел повторить свое предложение сердца и руки, впрочем, сорвавшееся у него в тот раз экспромтом, безо всякого плану, однако теперь не хватило смелости.

Авдотья Романовна долго молчала.

А потом вдруг молвила:

— Так он подлец... Это ужасно. Я подозревала, что он человек нетонкий и нечуткий, но полагала, что это из-за практичности натуры. Он казался мне во всяком случае человеком порядочным... Я пропала!

И тут только слезинки сорвались из переполненных влагою глаз.

— Да отчего же пропали? — ахнул Дмитрий. — Отказать ему, и дело с концом. Вы, может, не желаете лично? И не нужно. Напишите записку, два слова, и я сам доставлю. Бить его не буду, пальцем не коснусь, если прикажете.

— Я честное слово дала, что буду его женой, — твердо ответила Дуня. — И взять слово назад невластна. У меня кроме чести ничего нет. Ежели я от честного своего слова отступлюсь, что ж от меня останется?

Он глядел на нее, как на сумасшедшую.

— Что у вас за порода такая, раскольниковская?! Себя убьет, меня, и все из-за гонора!

— Вы второй раз это говорите — про себя, что я вас убью, — всхлипнула Авдотья Романовна, но больше уже не плакала. — А еще мне слышалось...

— Не слышалось! Не слышалось! — Дмитрий осмелел. — Люблю вас, черт, ужасно люблю! А вы мне сердце разрываете... Да плевать на мое

сердце, не в нем дело! Вы о себе подумайте! Как с Лужином под венцом стоять, как с ним...

Он не мог договорить, из груди его вырвалось рычание.

Передернулась и Дуня.

— Я вот что сделаю, Дмитрий Прокофьевич. Я объяснюсь с ним, завтра же. Скажу ему прямо, что не уважаю, что презираю его, что жить с такою женой ему будет невыносимо. И попрошу... потребую, чтоб он освободил меня от слова. Он не сможет отказать. А когда с этим будет покончено, тогда мы договорим про ваше сердце, ибо мне совсем на него не наплевать.

Сквозь еще не просохшие слезы блеснул ответ лукавой улыбки, но даже это Разумихина не утешило.

— Ну а ежели он вас не отпустит, тогда что?! И он ни за что вас не отпустит, ведь он не идиот, а всего лишь подлец! Кто ж в здравом уме вас отпустит?

— Значит, воля Божья, — молвила на это Авдотья Романовна, и ясно было, что тут ее не сдвинешь.

Охваченный отчаяньем, Дмитрий хватил себя кулаком в лоб и чуть не с рыданием бросился вон.

Куда теперь бежать и что делать, он решительно не знал, а между тем кипучая его натура требовала какого-то немедленного действия.

Разумихин, как пьяный, потоптался на тротуаре, качнулся в одну сторону, в другую и вдруг надумал. Сначала быстрым шагом, потом бегом двинулся по направлению к Офицерской.

* * *

— Ну хорошо-с, хорошо-с, — повторил Порфирий Петрович уже Бог знает в который раз. — Студент наш так или иначе причастен ко всем трем жертвам, это установлено. Однако остается неразрешимым логический парадокс. Мы с вами оба уверены, что все три убийства совершены одной рукой, так-с?

— Так, — обреченно кивнул Заметов, ибо уже знал, что последует дальше.

— А между тем на третий случай, с госпожой Зигель, у нашего Родиона Романовича неприступнейшее alibi. Не подозреваем же мы с вами Авдотью Раскольникову в пособничестве? Я справки навел, достойнейшего поведения барышня.

— Не подозреваем, — вздохнул Александр Григорьевич, вынужденный признать, что его открытие насчет связи Раскольникова с «девушкой» убитой Дарьи Францевны, ради чего он несся на Офицерскую сломя голову, ничем не продвигает расследования.

— А если все-таки, не один? — спросил он после нескольких минут молчания. — Если преступников двое? Предположим, Раскольников убил процентщицу и стряпчего, а его какой-нибудь товарищ — сводню? Может, у них общество какое-нибудь, кровопийц истреблять — ради общественного блага или чего-то в этом роде?

Порфирий Петрович тускло ответил:

— Навряд ли-с. Ежели Родион наш Романович себя в *необыкновенные* зачислил, то их ведь, *необык-*

новенных-то, много не бывает-с, они поштучно обитают и в стаи не сбиваются.

Беседа опять умолкла. В высокие окна кабинета проникал унылый свет полуживого петербургского солнца — время шло к вечеру.

В этот-то безрадостный момент и явился встрепаный, с воспаленным взором Разумихин.

— Сидите? — сказал он, входя без стука и плюхаясь на диван. — Всё измышляете, как злодея поймать? Топором по голове тварь какую-нибудь тюкнуть — это не штука, это, может, и не злодейство вовсе. Вот я тебе, Порфирий, про настоящего злодея расскажу, которого по справедливости надо бы на кол посадить или, на китайский манер, в тысячу кусков порезать. Только не будет ему ничего, потому что на таких управы нет.

И он, уже во второй раз, принялся с жаром рассказывать про гнусный поступок Лужина.

Надворный советник слушал родственника не перебивая — видно было, что Дмитрию очень хочется выговориться.

— Отчего же-с, — задумчиво прищурился пристав, дослушав. — Привлечь этого господина к ответу очень даже возможно-с, тем более многочисленные свидетели. Наказания, правда, сурового законом за такие пакости не предусмотрено, однако консистория может наложить нравственно-исправительную меру в виде церковного покаяния.

Разумихин только плюнул.

— Однако вижу я, что ты на себя не похож и сильно чем-то расстроен, — продолжил Порфирий Петрович. — Полагаю, не одною только проделкой

господина Лужина. Верно, случилось с тобой еще что-то? Глаза сверкают, на щеках румянец — это одно-с. А другое — чисто выбрит, платье вычищено, и даже сапоги сверкают-с. Уж не влюбился ли ты, Митя?

Разумихин давно привык к удивительной пронизательности своего родственника и не слишком поразился. Тем более что в следующую минуту пристав, что называется, сел в лужу.

— Не вступил ли ты в соперничество с Родионом Раскольниковым из-за некоей белокурой особы предосудительного поведения, но прекрасной души? Тот из-за нанесенного ей оскорбления так на господина Лужина вызверился. Видно, девица и в самом деле хороша. Она и Александру Григорьевичу чрезвычайно понравилась.

— Попал пальцем в небо. — Разумихин тряхнул головой и вдруг решил высказать всё начистоту — захотелось. — Да, влюбился. Хуже чем влюбился. Болен совсем, и грудь болит, и голова думать не может. Только не в Софью Семеновну, хоть девушка она славная, а в Авдотью Романовну Раскольникову.

Надворный советник присвистнул и переглянулся с Заметовым.

— Красивая, должно быть?

— Ужасно. Да не в том только дело! Она... она... Таких больше нет!

Кажется, лишь теперь Дмитрий понял, что ему с самого начала хотелось поговорить с кем-нибудь о Дуне. Но, странно, когда возможность представилась, оказалось, что нужных слов у него не находится.

— Женщины, они ведь какие? Наобещают, любые клятвы дадут, да вмиг от всего и откажутся. А эта честное слово дала, и... — Он с досадою потер лоб. — Характер невыносимый, раскольниковский характер. Они с Родькой два сапога пара. А когда вместе — чирк, и вспышка, пороховой взрыв. Вчера-то, когда он ее провожать пошел, они пяти минут не ужались. Разругались, прямо на Кокушкином мосту, наговорили друг другу всякого — и в разные стороны. Она сама мне нынче рассказала. И видеть его не хочет. А ведь любит, жизнь за него отдаст. Дьявольский характер! Через него и погубит себя, я это очень хорошо вижу.

Он довольно долго еще говорил про Авдотью Романовну, не замечая, какая перемена произошла с его слушателями. Когда Дмитрий упомянул о ссоре на Кокушкином мосту, письмоводитель Заметов тихонько ойкнул и глянул на пристава. Тот же широко-широко раскрыл свои белесые глаза, отчего они сделались похожими на совиные, и сразу ушурил их в две маленькие щелочки.

— Поссорилась, значит, с братцем? — мягко перебил студента Порфирий Петрович. — И одна шла? Нехорошо, там Вяземская лавра близко — грязь, кабаки, барышне не место-с.

Кокушкин мост (современный вид)

— В том-то и дело! У Дуни, правда, такой взгляд, что не больно к ней подойдешь. Но всё равно ему не сле...

Надворный советник столь быстро, с кошачьей упротостью поднялся, что Дмитрий умолк на полуслове.

— Иди-ка, иди, — ласково, но твердо молвил пристав. — После про сердечные дела потолкуем. Дело у нас с Александр Григорьичем. Важнейшее и самое неотложное. Прощай.

И, чуть не подталкивая в спину, выпроводил растерявшегося родственника за порог.

* * *

— Какой вы! — вскричал Заметов, едва они остались одни. — Вы с самого начала всё правильно исчислили, только потом немножко сбились.

— Да-с, на всякого мудреца, — признал Порфирий Петрович. — А казалось бы, простейшая вещь. Не доверяйся словам других-с, проверь сам. Вчера еще могли покончить! Но теперь закольцевалось, кончик к кончику сошлось.

— Значит, Раскольников, — безо всякой вопро-сительности в интонации сказал письмоводитель.

— Он-с. Необыкновенный человек со своею необыкновенной теорией о том, что ему, в отличие от всех нас, мелких тварей, всё на свете дозволено, ежели только он высшую цель имеет-с.

— А что у него за цель?

Надворный советник развел руками:

— Откуда ж мне знать? Нетто ужасно возвышенное и благородное-с, претендующее не менее как на

осчастлививаиванье человечества. Что-нибудь настолько прекрасное, что ради этакой красоты вполне извинительно вредную вошь вроде какой-нибудь Алены Ивановны или Дарьи Францевны топором-с по макушке. Да, впрочем, я думаю, Родион Романович нам сам всё расскажет, и красноречивейшим образом.

— Арестовывать будем? Нынче же? — деловито спросил Александр Григорьевич, которому никогда еще не доводилось участвовать в задержании настоящего убийцы.

Сморщив нос, пристав покачал головой:

— На основании чего-с? Улик как не было, так и нет, одни лишь совпадения. Человек он умный, его совпаденьями не собьешь. — Тут Порфирий Петрович погрозил пальцем — неведомо кому, вроде как стене. — Но на свободе гулять я ему более не дам-с.

— Как же тогда?

— Сегодня возьмем, беспременно сегодня. При полной доказательности и по всей форме, так что уж не отопрется.

И пристав в немногих словах обрисовал письмоводителю свой план:

— Мы Родиона Романыча на месте нового преступления застигнем-с. Еще не с окровавленными руками, но с орудием в руках, с тем самым-с топором. Вы спросите: откуда мы узнаем, кого, где и, главное, когда наш студент пожелает умертвить на сей раз? Ну, первый вопрос, насчет *кого*, весьма прост. Петра Петровича Лужина, вреднейшую из всех населяющих вселенную вшей — именно тако-

вым теперь должен считать жениха своей сестры Раскольников. Вот именно: здесь кроме общественной пользы, избавить человечество от подлеца, еще и личный мотивец присутствует, а необыкновенные люди к своему личному интересу всегда очень равнодушны-с.

— Судя по рассказу Дмитрия Прокофьевича, Раскольников что-то в этом роде даже вслух сказал, — припомнил Александр Григорьевич. — Что хотел не то Лужина на коленях за Мармеладову просить, не то убить на месте. Теперь-то, надо думать, первое желание у него пропало, зато второе изрядно усилилось. Да только как же мы с вами узнаем, где и когда студент это исполнит?

— Даже и голову ломать не станем-с. — Порфирий Петрович вкусно улыбнулся. — Всё сами устроим-с, Родион Романычу останется лишь придти на готовенькое. Посудите сами. Гнуснейший Петр Петрович заперся в дальних комнатах квартиры и оттуда нипочем не выйдет, пока все гости окончательно не упьются и не повалятся замертво. Тогда уж он непременно, прихватив саквояж, чемодан, портплед — уж, право не знаю, с какой поклажею этот господин путешествует — прокрадется к лестнице и отряхнет прах сего места с ног своих.

— Обязательно так и будет, но откуда Раскольников узнает, в каком часу это случится? Гости там, может, до утра пьянствовать станут. На поминках водка кончится — еще купят, уж на свои, и принесут. Что ж, студенту до рассвета с топором на лестнице торчать?

На это отчасти остроумное замечание надворный советник залиvisto расхохотался — его настроение, по-видимому, с каждой минутой делалось всё лучше и лучше.

— Верно-с. Наш с вами фигурант нетерпелив, и ждать часами на лестнице не захочет. Тем более что увидеть могут. Весь мой главный расчет именно на раскольниковском нетерпении и построен-с. Вы поглядите на прежние убийства — он всегда на расправу скор. И тут ждать не захочет-с. А ему и не придется.

Пристав снова закис со смеху. Поневоле улыбаясь, Заметов ждал, когда объяснится причина такого веселья.

— Порфирий Петрович, но не может же он убить Лужина при всех? Даже если отлучится и подкрадется, то, во-первых, припомнят потом отлучку-то; во-вторых, Лужин никому не откроет; а, в-третьих, не с топором же он на поминки пришел?

— Мы с вами поможем Раскольникову от свидетелей избавиться. — Надворный советник больше не смеялся. — А уж он своего не упустит. Гости, поди, сейчас все перепились. Шумят, скандалят, кто-то даже и подрался. Вдовица, насколько мы слышали, тоже-с дамочка с характером. Не будет ведь ничего удивительного, если на квартиру заявится полиция, предположим, вызванная жильцами другой квартиры?

— Не будет.

— Явится полиция и всех буянов заберет в квартал, до утреннего разбирательства.

— Всех? — удивился Заметов.

— Кроме Раскольникова. Ему дадут уйти. Как — после объясню-с, вы пока не перебивайте. Петр Петрович, сидя в своей крепости, про сие событие даже не узнает-с. Возможно, удивится, что шум стих, однако на вылазку решится еще очень нескоро-с. Вполне достанет времени студенту за топором сбежать и вернуться, ведь недалеко-с.

— А мы с вами в засаде сядем, и когда он станет к Лужину в дверь ломиться, подскочим сзади да как схватим голубчика за шиворот! — воскликнул враз понявший всё Александр Григорьевич. — Ах, Порфирий Петрович, чудо что за план!

11. ФИНАЛЬНЫЙ МАТЧ

Как, это еще не конец?

Фандорин чуть не застонал.

Он полез в папку, надеясь, что вытащил не все листки — но увы.

Очередной фрагмент опять оказался не последним! В письме Федора Михайловича издателю говорилось, что повесть закончена и недописанной осталась только одна страница, но здесь-то явно отсутствовала вся развязка.

Проклятый Морозов, опять надул...

В эту кислую минуту ему и позвонил (или, как говорят на новорусском наречии, *отзвонил*) Аркадий Сергеевич.

— Николай Александрович, вы совершили чудо, — сказал. И еще много всяких приятных слов: что не ошибся в Нике, что счастлив за себя и мировую культуру. Еще сказал нечто не вполне понятное — что жизнь полна сюрпризов и, слава Богу, среди них иногда встречаются приятные.

Воткнуться в этот взволнованный монолог было невозможно, пришлось дослушать до конца и уже потом огорошить новостью.

На том конце воцарилось могильное молчание. Потом — взрыв матерной брани, которой от

народного избранника как-то не ждешь. И, после выплеска эмоций, резюме:

— Этого следовало ожидать. Чертов выжига, он еще кому-то кусок отдал. Ну и денек!

Сопоставив это последнее восклицание с репликой про сюрпризы, Николас спросил:

— У вас что-то случилось?

— Жизнь странная штука и полна чудес. Чем дальше, тем страньше и чудесатей, — процитировал Сивуха «Алису в стране чудес». — Представьте себе, мой Игорь уволился. Прислал заявление: по собственному желанию. И никаких объяснений. После стольких лет! Его мобильный молчит. Куда делся Игорь, непонятно... Это сюрпризец номер раз. Вы вот удивили, причем дважды. Ну, а еще достоевсковед наш выкинул штуку...

— Морозов? А что такое?

Сивуха неопределенно хмыкнул.

— Поезжайте, сами посмотрите...

Доктор Зиц-Коровин встретился Николасу в коридоре. Главврач только что вышел из морозовской палаты, но, увидев Фандорина, остановился. Вид у Марка Донатовича был ужасно довольный.

— Не слышали еще? — спросил он горделиво.

— О чем?

— Ну пойдёмте, пойдёмте. Покажу фокус.

Посмеиваясь, доктор пропустил Нику в дверь.

Тот вошел — и замер на пороге, охваченный ужасом.

Сумасшедший лежал на кровати, присоединенный проводами к каким-то медицинским агрегатам, но не пристегнутый ремнями. Рядом с ним сидела Саша, и он гладил ее по волосам!

— Спокойно, Саша, не делайте резких движений, — сдавленным голосом сказал Ника и медленно, плавно двинулся вперед.

Как это могло произойти?

И санитар нет!

Марк Донатович прыснул. Робко улыбнулась и Саша. Маньяк же, увидев Фандорина, конфузливо пробормотал:

— Здравствуйте.

— Подействовали мои укольчики и капельницы! — весь лучась, сообщил главврач. — Количество перешло в качество! Перед вами прежний Филипп Борисович, позитивный отпечаток. Серотониновый баланс восстановлен, перепроизводство тестестерона купировано. Первый подобный случай в мировой практике!

Поверить было трудно, но Саша подтвердила:

— Да, да, это мой папа! Прежний! Совсем такой, как был! А это Николай Александрович.

— Филипп Борисович Морозов. — Больной с трудом приподнялся. — Сашенька рассказывала мне о вас много хорошего.

— Все воспоминания посттравматического периода стерты, — зашептал на ухо Коровин. — Оно и к лучшему. Всё просто замечательно, только вот сердце не справляется.

Он подошел к кардиографу, дисплей которого чертил вялые, несимметричные зигзаги.

А Саша обняла Николааса, всхлинула:

— Я так счастлива, так счастлива!

— Он не прикидывается? Вы уверены? — тихонько спросил Фандорин, всё еще с опаской глядя на Морозова.

Она засмеялась сквозь слезы.

— Неужели не видно?

Бывший циник и охальник смотрел на дочку таким кротким, овечьим взглядом, что все Никины сомнения развеялись. Это действительно был совершенно другой человек, полная противоположность вчерашнего Морозова.

Кардиограф

— Значит, хэппи-энд? — Фандорин просиял. — Я так за вас рад! Знаете, я же нашел третью часть рукописи! Не мог до вас дозвониться — теперь понятно, почему. Вы были здесь, с отцом. Третья часть оказалась не последней, но это уже не имеет значения. Филипп Борисович, скажите, пожалуйста, на сколько частей вы разделили рукопись, на четыре, да? Первые три мы обнаружили, но где остальное? И куда вы спрятали «перстень Порфирия Петровича»? Я с ним просто извелся! О каких камешках речь?

Доктор филологии в панике повернул голову к дочери:

— Опять! То один допытывался, теперь другой! О каких частях вы говорите? Я же объяснил тому господину: рукопись Федора Михайловича нашлась в фонде неразобранных материалов, коробка № 3482, папка «СПИСАННОЕ. Архивы 3 квартала Казанской части за 1865 год»!

— Это Аркадий Сергеевич здесь был, — шепотом объяснила Саша. — Папа ничего-ничего не помнит. Но это ладно, главное, что он выздоровел!

— Как это «ладно»?! Что значит «не помнит»?! А ваш брат, а операция?! — Николас шагнул к больному. — Филипп Борисович, напрягите память. Вот вы взяли из папки рукопись, спрятали ее под пиджак...

— Что вы! — перебил его Морозов, ужаснувшись. — Я бы никогда так не поступил! Выносить материалы с территории архива строжайше воспрещается, особенно такие ценные! Это уголовное преступление!

— Бесплезно, — вполголоса проговорил главврач. — Мои препараты сняли отек мозга и вернули психику пациента в дотравматическое состояние. Но, как выяснилось, травматический период начался не в момент нападения, а гораздо раньше. Филипп Борисович рассказал, что, обнаружив рукопись, от волнения лишился чувств. Упал, ударился затылком о металлическую полку. Он уверен, что попал в больницу из-за этого. На самом же деле он, видимо, пролежал в хранилище какое-то время без сознания. Потом очнулся и, охваченный эйфорией, не придавал ушибу значения, хотя его несколько дней одолевали головные боли. Этот удар в сочетании с эмоциональным потрясением и стал поворотной точкой. Неадекватность в поведении началась именно с той минуты. Теперь очевидно, что похищение рукописи и все последующие действия он совершил, уже пребывая в болезненном состоянии. Повторная травма лишь перевела патологию в острую стадию. Он уверен, что рукопись по-прежнему лежит в хранилище. У меня был на эту тему доверительный разговор с Аркадием Сергеевичем. — Доктор приложил левую руку к сердцу, а указательный палец правой к губам. — И я сказал ему, что юридическая сторона дела меня совершенно не касается. Врач, как адвокат, обязан хранить тайны своих пациентов. Так что ни вам, ни вашему клиенту не нужно опасаться моей... нескромности. Меня сейчас беспокоит только одно — кардиограмма.

— Но я тоже не хочу участвовать в противозаконных... — начал объяснять Фандорин, однако Морозов не дал ему договорить.

— О чем вы шепчетесь? — нервно спросил он. — Вы подозреваете, что я мог забрать рукопись Федора Михайловича себе? И потом, что это за «перстень Порфирия Петровича», о котором вы упомянули? Неужели тот, который Федору Михайловичу собирались преподнести правоведы? Он что, нашелся? Уверяю вас, я перстня в глаза не видывал! Честное слово!

— Папа, папа, не волнуйся! Никто тебя не... — кинулась к нему Саша.

— Нет, Сашенька, стой! Про «перстень Порфирия Петровича» я ничего сказать не могу. Не помню. Но касательно рукописи я... я должен признаться. У меня было секундное искушение... взять ее себе. Но я не поддался! Это же очень просто проверить! Рукопись лежит там, где я ее нашел!

— Да-да, — пробормотал Фандорин. — Вы успокойтесь...

— Нужно сообщить в редакцию «Литературных памятников», это такая находка! — Большой снова вскинулся. — Знаешь, Сашенька, меня могут наградить медалью Филологического общества! Пригласят на разные международные конференции! Это, между прочим, неплохие деньги — долларов по пятьсот или даже по тысяче за поездку, представляешь? Вот Тонечка порадует! Когда же она приедет? Позвони ей еще раз!

Саша беспомощно оглянулась на Николаса.

— Подвиньтесь, пожалуйста, — озабоченно сказал Марк Донатович. — Сделаю еще укольчик. Волноваться ему совсем нельзя. А объяснить все-таки придется, — шепотом добавил он. — А то так и будет жену звать...

Филипп Борисович виновато сказал:

— Я знаю. Тонечка на меня сердится, поэтому и не хочет приехать. Я представляю, сколько стоит эта роскошная палата. Мы не можем себе позволить таких расходов. Доктор, нельзя ли меня перевести куда-нибудь попроще?

Ах, как нравился Николасу этот новый (то есть, старый) Морозов. Милый, скромный, честный. И в то же время сделалось жутко: какие же черти, оказывается, водятся, в самом наитишайшем омуте. Но ведь и наоборот! Как на дне души всякого хорошего человека копошится дрянь и мерзость, так и в душе законченного подлеца обязательно припрятано что-нибудь светлое, а значит, всегда остается надежда на чудо. Стукнет по башке какая-нибудь благословенная сила, и в мозгу у подонка приключится травматическое воспаление. Был человек черным — станет белым. Может, именно этим объясняются чудесные истории в святцах про злодеев, превратившихся в праведников.

Или такая версия: все законченные мерзавцы — жертвы синдрома Кусоямы. Их не надо ненавидеть, не надо истреблять. Их надо лечить. У них душа не проявлена, осталась в состоянии негатива. Но доктор Зиц-Коровин пропишет им

курс медикаментов, и душа вернется в нормальное, позитивное состояние...

— Ему лучше, — сказал доктор. — Теперь можете ввести его в курс дела.

Николас набрал полную грудь воздуха и приступил к трудному рассказу. Самое трагическое, вроде изнасилования Изабеллы Анатольевны и откушенного носа, конечно, опустил, старался в основном говорить о рукописи, но история всё равно получилась не из приятных.

Филипп Борисович слушал с расширенными от ужаса глазами, все время посматривал на дочь: неужели правда? Саша поглаживала его по руке, успокаивающе улыбалась.

— Я — вор? — промямлил филолог, дослушав до конца. — Я отдал бесценную реликвию бог знает кому? Каким-то проходимцам? И теперь она безвозвратно утеряна? Какой кошмар! Потомки меня не простят!

Пришлось его еще и успокаивать:

— Не всё так плохо. Местонахождение первой и второй части известно — их ищут. Третья часть у меня, до конца тринадцатой главы. Сколько там всего было глав?

— Я не успел посмотреть... Как узнал почерк, как увидел рисунки на полях — потемнело в глазах, потерял равновесие. Потом удар, и ничего не помню...

— Но, решив продать рукопись, вы обращались к разным людям: к коллекционеру автографов, к литературному агенту, к Аркадию Сергеевичу, еще к кому-то. Я понимаю, вы этого не

помните. Но вы же знаете свои собственные привычки. Куда бы вы записали имена, телефоны?

— Я просмотрела папину записную книжку и ежедневник, — сказала Саша. — Еще в самом начале. Там ничего.

— Конечно, ничего. Я не записываю туда вещей, о которых не нужно знать Тоне. — Видно было, что Филипп Борисович очень хочет помочь, но не знает, как. — Она такая... любопытная. Не любит, когда у меня секреты. Вот и перестень, если он, действительно, у меня был, я бы наверняка спрятал. Как вы сказали? «Пять камешков»?

Николас процитировал загадочный стишок:

«Пять камешков налево полетели.

Четыре — вниз и не достигли цели.

Багрянец камня светит на восход.

Осиротев, он к цели приведет».

И с надеждой спросил:

— Что вы могли иметь в виду? От какого первоисточника нужно шагать?

Но Морозов лишь развел руками:

— Ума не приложу. Честно говоря, меня больше заботит судьба рукописи. Бриллиант, даже если он в самом деле связан с именем Федора Михайловича, это всего лишь безделица. Другое дело — не известная человечеству повесть Достоевского! Если вся рукопись не найдется, я никогда себе этого не прощу! Куда же я ее подевал, куда?!

Он часто-часто заморгал, взъерошил редкие волосы.

— Думайте, думайте, думайте, — настойчиво повторил Ника. — Куда бы вы записали то, о чем *не нужно знать Тоне*.

— Разве что в Федора Михайловича, — неуверенно предположил Морозов и пояснил. — В тридцатитомник. Тоня никогда в него не заглядывает, и я туда иногда вписываю кое-что для памяти, по ассоциации. Например, в рассказ «Мальчик у Христа на елке» (это 22-й том) — что подарить жене и детям на Новый год. В 24-м томе, повесть «Кроткая» — идеи по поводу Сашенькиного дня рождения. Все заметки и координаты по поиску архива Стелловского у меня в первом томе, на полях фарса «Как опасно предаваться честолюбивым снам». Может, я туда что-нибудь записал?

— Саша принесет вам этот том, и вы посмотрите. — Здесь Николасу пришла в голову идея получше. — Знаете что, мы перевезем к вам в палату весь тридцатитомник. Может быть, вы перелистаете его страница за страницей и подчеркнете те пометки, которых не можете вспомнить? Конечно, если доктор разрешит.

— Марк Донатович, я вас очень прошу, позвольте! — взмолился Морозов. — Я ни о чем другом думать не смогу, я спать не смогу, пока не верну рукопись!

Подумав, Коровин согласился:

— Всё, что возвращает вас в прежний круг интересов, на пользу дела. Только не переутомляйтесь. Десять минут полистали, полчасика отдохнули. Хорошо?

— Хорошо, хорошо! Везите скорей Федора Михайловича.

Этот разговор был около полудня. Тридцатитомник привезли час спустя — на депутатской машине Аркадия Сергеевича. Саша осталась помогать отцу, всех остальных Филипп Борисович попросил удалиться.

А ночью Морозов умер.

* * *

Об этом печальном событии Ника узнал за завтраком. Позвонила Саша, сказала: у папы остановилось сердце, в третьем часу ночи. Раньше звонить не стала, чтобы зря не беспокоить. Всё равно ведь не исправишь.

Больше всего Фандорина поразило, что она совсем не плакала. Голос был печален, но спокоен. Пожалуй, в нем даже слышалось странное удовлетворение.

— Он неверующий был, а умер чистый. И покаяться успел, и даже причаститься, — объяснила она. — У него ведь ПээСэС вместо Библии было. Он всё время, до глубокой ночи тома просматривал. Сначала сам, быстро-быстро. Потом, когда руки устали, я помогала. Ни разу не отдохнул, сколько я ни упрашивала. Только чаю попил. Всё повторял: «Виноват я, доченька. Не дай Бог умру, а помочь не успею». И долистал-таки до самого конца... А потом уже умер.

Произнеся все положенные слова сочувствия, Николас спросил, чем он может помочь.

— Как чем? — удивилась девочка. — Рукопись искать надо. Илюшу спасать. Папа вам три закладки заложил, все из одного тома. Я сейчас привезу.

Она приехала, одетая во всё черное. Удивительно, но ей очень шел этот скорбный наряд, даже монашеский платок на голове. Подмышкой у девушки был зажат светло-горчичный томик с цифрой 6 на корешке.

Николас открыл титульный лист. Ну разумеется. «Преступление и наказание».

И он, и Валентина были готовы к последней мозговой атаке или, как выразилась ассистентка, к финальному матчу.

В своем депутатском кабинете нервничал у телефона Сивуха, ждал результата. Тяжелый разговор о юридическом статусе рукописи Фандорин оставил на потом. Сначала нужно было ее отыскать.

Саша тоже была настроена по-деловому.

— Вы знаете, память у папы очень хорошая... была. — Она шмыгнула носом, но взяла себя в руки. — Он все-превсе записи вспомнил и расшифровал. Кроме трех. Причем сделаны они одним и тем же механическим карандашом. Я его папе на последний день рождения подарила. Значит, недавние. А что они значат, он не понял. Может, вы догадаетесь?

И столько в ее взгляде было надежды, что Фандорин заколебался. В голове у бывшего подданного ее величества завертелся исконно русский, глубоко ненавистный ему оборот речи: *что государство, обеднеет что ли?* В самом деле, разве государство обеднеет, если повесть Достоевского попадет к читателям не из архива, а из частных рук? Читателю все равно, государству тоже. Зато спасут мальчика, который сейчас дожидается решения своей участи в швейцарской больнице. Зато ненапрасны будут муки и жертвы замечательной девушки, которая, может быть, одна такая на всем свете и есть. А свой гонорар, полмиллиона рублей, можно отдать в «Российский фонд помощи» — хорошая организация, больным детям помогает. Перебьемся как-нибудь без аквариума с акулой.

В общем, трудно оставаться англичанином, если живешь в России.

* * *

Первой открылась средняя из трех закладок, на странице 88. Подчеркнуто одно слово — «Херувимов» и на полях сбоку приписано карандашом «11/3».

Это была сцена, в которой Раскольников, уже совершивший Преступление и сверзшийся в ад Наказания, но еще не разоблаченный, приходит к своему приятелю Разумихину. Тот обитает в ясном, солнечном мире, не пасует перед жизненными невзгодами, не морочит себе голову разруши-

тельными идеями, и главному герою вдруг становится ясно, что проливать кровь было ни к чему, он мог выкарабкаться из нищеты и обычным, честным путем. Да только поздно уже, ничего не поправишь.

Николас прочитал это место очень внимательно.

«— Ну, слушай: я к тебе пришел, потому что, кроме тебя, никого не знаю, кто бы помог... начать... потому что ты всех их добрее, то есть умнее, и обсудить можешь... А теперь я вижу, что ничего мне не надо, слышишь, совсем ничего... ничьих услуг и участия... Я сам... один... Ну и довольно! Оставьте меня в покое!

— Да постой на минутку, трубочист! Совсем сумасшедший! По мне ведь как хочешь. Видишь ли: уроков и у меня нет, да и наплевать, а есть на Толкучем книгопродавец Херувимов, это уж сам в своем роде урок. Я его теперь на пять купеческих уроков не променяю. Он этикие изданьица делает и естественнонаучные книжонки выпускает, — да как расходятся-то! Одни заглавия чего стоят! Вот ты всегда утверждал, что я глуп; ей-богу, брат, есть глупее меня! Теперь в направление тоже полез; сам ни бельмеса не чувствует, ну а я, разумеется, поощряю. Вот тут два с лишком листа немецкого текста, — по-моему, глупейшего шарлатанства: одним словом, рассматривается, человек ли женщина или не человек? Ну и, разумеется, торжественно доказывается, что человек. Херувимов это по части женского вопроса готовит; я перевожу; растянет он эти два с половиной листа листов на

шесть, присочиним пышнейшее заглавие в полстраницы и пустим по полтиннику. Сойдет! За перевод мне по шести целковых с листа, значит, за все рублей пятнадцать достанется, и шесть рублей взял я вперед. Кончим это, начнем об китах переводить, потом из второй части «Confessions» какие-то скучнейшие сплетни тоже отметили, переводить будем; Херувимову кто-то сказал, что будто бы Руссо в своем роде Радищев. Я, разумеется, не противоречу, черт с ним! Ну, хочешь второй лист «Человек ли женщина?» переводить? Коли хочешь, так бери сейчас текст, перьев бери, бумаги — все это казенное — и бери три рубля: так как я за весь перевод вперед взял, за первый и за второй лист, то, стало быть, три рубля прямо на твой пай и придутся. А кончишь лист — еще три целковых получишь. Да вот что еще, пожалуйста, за услугу какую-нибудь не считай с моей стороны. Напротив, только что ты вошел, я уж и рассчитал, чем ты мне будешь полезен. Во-первых, я в орфографии плох, а во-вторых, в немецком иногда просто швах, так что все больше от себя сочиняю и только тем и утешаюсь, что от этого еще лучше выходит. Ну а кто его знает, может быть, оно и не лучше, а хуже выходит... Берешь или нет?

Раскольников молча взял немецкие листки статьи, взял три рубля и, не сказав ни слова, вышел. Разумихин с удивлением поглядел ему вслед. Но дойдя уже до первой линии, Раскольников вдруг воротился, поднялся опять к Разумихину и, положив на стол и немецкие листы, и три рубля, опять-таки ни слова не говоря, пошел вон».

Валентина, заглядывавшая в книгу через плечо шефа, спросила:

— Ну и чего?

Прочли еще раз. Потом третий.

Фандорин незаметно потер в кармане волшебный дублон. Не помогло.

— Ладно, — бодрым голосом сказал Ника. — Давай посмотрим следующую.

Следующая была на странице 31. В тексте подчеркнуто имя «Петр Петрович Лужин» и карандашом напротив семь цифр. Их Фандорин оставил на потом, сначала изучил текст на странице.

Это был фрагмент из письма матери Раскольникова. Рассказывая о событиях провинциальной жизни города Р., она, в частности, сообщала:

«Узнай, милый Родя, что к Дуне посватался жених и что она успела уже дать свое согласие, о чем и спешу уведомить тебя поскорее. И хотя дело это сделалось и без твоего совета, но ты, вероятно, не будешь ни на меня, ни на сестру в претензии, так как сам увидишь, из дела же, что ждать и откладывать до получения твоего ответа было бы нам невозможно. Да и сам ты не мог бы заочно обсудить всего в точности. Случилось же так. Он уже надворный советник, Петр Петрович Лужин, и дальний родственник Марфы Петровны, которая многому в этом способствовала. Начал с того, что через нее изъявил желание с нами познакомиться, был как следует принят, пил кофе, а на другой же день прислал письмо, в котором

весьма вежливо изъяснил свое предложение и просил скорого и решительного ответа. Человек он деловой и занятый, и спешит теперь в Петербург, так что дорожит каждой минутой. Разумеется, мы сначала были очень поражены, так как все это произошло слишком скоро и неожиданно. Соображали и раздумывали мы вместе весь тот день. Человек он благонадежный и обеспеченный, служит в двух местах и уже имеет свой капитал. Правда, ему уже сорок пять лет, но он довольно приятной наружности и еще может нравиться женщинам, да и вообще человек он весьма солидный и приличный, немного только угрюмый и как бы высокомерный. Но это, может быть, только так кажется с первого взгляда...»

— Шеф, вы чего, не видите, что ли? — спросила из-за плеча Валя.

— А? — Ника перелистнул страницу, чтобы читать дальше. — Погоди, не мешай. Для анализа нужно изучить весь фрагмент текста.

— Это же телефон Лузгаева. — Ассистентка перевернула страницу обратно и ткнула пальцем в набор цифр, оставленный Фандориным для дальнейшего изучения. — Забыли? 1002891.

Николас заморгал. Точно! Но причем здесь «Петр Петрович Лужин»?

А притом, что этот внешне уважаемый подлец чем-то неуловимо похож на Вениамина Павловича! Тот тоже «солидный и приличный». Кроме того... Фандорин зашуршал страницами, ища описание Лужина. Ага, вот: «Лицо его, весь-

ма свежее и даже красивое, и без того казалось моложе своих сорока пяти лет. Темные бакенбарды приятно осеняли его с обеих сторон, в виде двух котлет, и весьма красиво сгушались возле светловыбритого блиставшего подбородка». Похож! У Лузгаева даже бакенбарды есть!

— Ну-ка, а третья закладка что?

Страница 188. Опять подчеркнуто имя. На полях опять семизначное число, Фандорину неизвестное. Текст такой: Соня Мармеладова возвращается от Раскольниковца домой, а за ней следует некий господин — как потом выяснится, Свидригайлов:

«Дойдя до своего дома, Соня повернула в ворота, он за ней и как бы несколько удивившись. Войдя во двор, она взяла вправо, в угол, где была лестница в ее квартиру. «Ба!» — пробормотал неизвестный барин и начал взбираться вслед за ней по ступеням. Тут только Соня заметила его. Она прошла в третий этаж, повернула в галерею и позвонила в девятый номер, на дверях которого было написано мелом: «Капернаумов портной». «Ба!» — повторил опять незнакомец, удивленный странным совпадением, и позвонил рядом в восьмой номер. Обе двери были шагах в шести одна от другой.

— Вы у Капернаумова стоите! — сказал он, смотря на Соню и смеясь. — Он мне жилет вчера перешивал. А я здесь, рядом с вами, у мадам Ресслих, Гертруды Карловны. Как пришлось-то!

Соня посмотрела на него внимательно.

— Соседи, — продолжал он как-то особенно весело. — Я ведь всего третий день в городе. Ну-с, пока до свидания.

Соня не ответила; дверь отворили, и она проскользнула к себе. Ей стало отчего-то стыдно, и как будто она обробела...»

Какая еще мадам Ресслих! Кто бы это мог быть?

— Ой, это же Марфушин мобильный! — ахнула Валя. — Зачем он здесь? Непонятно.

— Да как раз очень понятно, — сначала медленно, а потом всё быстрее заговорил Ника. — Метод у Филиппа Борисовича был очень простой. Поскольку он жил, весь погруженный в мир Достоевского, то людей, которые встречались ему в реальной жизни, мысленно обозначал для себя именем того или иного персонажа. Лузгаев для него — Лужин. Марфа Захер — госпожа Ресслих. И вправду ведь похожа! Имя литературного героя Морозову было запомнить проще, а дальше... Ну-ка, проверим. — Он вставил в компьютер компакт-диск с сочинениями Достоевского, задал поиск. — Так и есть. На странице 31 Лужин упоминается впервые. На странице 188 впервые упоминается мадам Ресслих. Филипп Борисович придумывал новому знакомому литературного двойника и записывал данные на той странице, где имя этого персонажа встречается в первый раз. Очень просто.

Валентина, взявшая в руки книгу, увлеченно читала. Начала с первой по счету закладки, отли-стнула назад.

Сказала:

— Прикольно пишет. Надо будет почитать.

— Потом считаешь. У нас еще какой-то «Херувимов» на странице 88, и там явно не номер телефона.

Фандорин хотел отобрать у помощницы роман, но та попросила:

— Сейчас, до абзаца только дочитаю... Ой, смотрите, шеф. А тут вот еще подчеркнуто. Тоже в письме раскольниковской мамы. То есть было подчеркнуто, кто-то ластиком стер. Вот: «господин Свидригайлов».

Взяв том, Ника посмотрел страницу на свет.

— Действительно. След остался. И на полях, кажется, что-то было написано. Саша, помотри-ка.

Посмотрела и Саша.

— Нет, это что-то старое. Наверное, папа когда-нибудь раньше кого-то Свидригайловым обозвал. Иначе он мне сказал бы и велел закладку приклеить.

— Ну хорошо, — стал подводить предварительные итоги Фандорин. — Закладка на странице 31 обозначает коллекционера. Закладка на странице 188 обозначает литературного агента. Остается загадочный «Херувимов» на странице 88. Во всяком случае, радуется, что это уравнение с единственным неизвестным. Похоже, осталось найти только одну часть, последнюю. Вряд ли задача

окажется очень сложной. Как мы уже знаем, загадки Филиппа Борисовича всегда довольно просты, а уж в данном случае он не собирался нарочно морочить голову. Какая-нибудь вполне очевидная ассоциация. Хм, «книгопродавец Херувимов» плюс «11/3». Что бы это значило? Будем думать, барышни.

Саша поднялась.

— Николай Александрович, вы извините. От меня вам все равно никакой пользы. А мне к папе надо. Костюм отвезти, в котором его хоронить будут. Антонина Васильевна не придет, ей нельзя Илюшу одного оставить. Вы не беспокойтесь, я справлюсь. Аркадий Сергеевич обещал помочь...

— Да-да. Конечно, поезжай.

И стало Николасу стыдно. Увлекся разгадкой новых ребусов, забыл, что у девочки горе. Разве ей сейчас до Федора Михайловича. И потом, она права: в дедукции пользы от нее немного.

От Вали, впрочем, тоже, перевел он взгляд на секретаршу. Лучше всего, чтобы сейчас никто не мешал сосредоточиться. Анализировать и дедуктировать следует в одиночестве.

Попрощался с Сашей, Валентину отпустил домой, читать «Преступление и наказание». И остался наедине с загадкой — последней, на десерт.

Как истинный гурман, спешить не стал. Нужно было войти в правильное настроение, эмоционально релаксироваться.

Главное — чтобы не отвлекали никакие посторонние мысли и дела. Хуже нет, если сосредото-

чишься на интеллектуальной задаче, и вдруг вспомнишь, что обещал забрать ребенка из школы, или сходить в магазин, или еще что-нибудь в этом роде.

Дела же у Фандорина имелись. Обычные, житейские, требующие не мозгов, а некоторого количества времени.

Алтын, у которой утром планерка, а в два урок музыки, очень просила купить продуктов, чтобы после занятия она успела быстренько приготовить ужин и снова уехать в редакцию. Вернется она сегодня поздно, Ника должен в половине седьмого забрать дочку из театрального кружка и проследить, чтобы девочка как следует поела, а то она в последнее время что-то похудела.

Если уж жена, главный редактор журнала, не нанимает кухарку, а считает своим долгом готовить для родных сама, то ему, лицу свободной профессии, сам Бог велел не отлынивать от домашних обязанностей.

В магазине Николас всегда застревал надолго, поскольку страдал острой формой психологического дефекта, именуемого «проблемой выбора». Казалось бы, что может быть проще? Значится в списке «пачка масла» — хватай с полки и иди. Но там этих пачек столько, и поди знай, какая лучше.

И так у каждой витрины, у каждого прилавка.

Домой он попал лишь в начале четвертого, когда урок уже должен был закончиться. Думал, жена зажалась, сердится, но, выйдя из лифта,

услышал звуки фортепиано. Наверное гений позже приехал.

Теперь только отдать сумки и можно возвращаться в офис. Ох, как не терпелось попопальпировать загадочного господина Херувимова. За Геллей надо ехать в шесть, так что времени достаточно.

Он тихонько открыл ключом дверь, чтобы не мешать. Еще и мобильник отключил, вспомнив о консерватории.

На цыпочках прошел в кухню. Дверь в гостиную, где шел урок, была открыта.

По пути обратно Ника заглянул туда.

И тут его жизнь закончилась.

12. ФА-МИНОР

Нет, он не увидел в гостиной ничего ужасного, никаких пошлых объятий-лобзаний или чего-то в этом роде. Да и какие могут быть объятия, если исполняется шубертовская «Фантазия фа-минор» в четыре руки?

Сценка была отнюдь не пошлой, а, наоборот, чрезвычайно возвышенной. Яркий луч солнца, в котором кружились поблескивающие пылинки, освещал ее сбоку.

Черный профиль рояля, перед ним двое: Алтын и великий музыкант. Легкие руки скользят по клавишам, извлекая из них волшебную музыку, полную спокойной и благородной печали. Эти двое — одно тело и одна душа. Они понимают и чувствуют друг друга без слов, их связь величественна и прекрасна. Лицо мужчины невыразимо, божественно красиво, это лицо не человека, а ангела. Что же до лица женщины...

Это выражение было Нике знакомо. Глаза полузакрыты, губа прикушена, на щеках яркий румянец. А когда Алтын искоса взглянула на партнера, в этом взгляде было столько счастья, столько благодарности, что бедное сердце магистра истории сжалось и почернело. Он знал этот

взгляд, слишком хорошо знал. И не думал, что жена будет когда-нибудь так же смотреть на другого мужчину.

Фандорин отшатнулся в полутемный коридор и зажмурился. Но музыка-то осталась!

Он стоял и слушал ее, не в силах пошевелиться.

Ах, что это была за музыка! Под такую не терзаются ревностью, не мучаются уязвленным самолюбием, не строят планов мести. «Фантазия фа-минор» не пускала в душу ничего низменного или мелочного. Какой из этой мелодии получился бы аккомпанемент для мудрой, достойной старости, которая оглядывается на прожитую жизнь без горечи, со светлой грустью и пониманием.

Николас не был старым и не был мудрым, но в эту ужасную минуту Шуберт спас его от само-

Игра в четыре руки

го страшного, что может страстись с человеком — он не превратился в собственный негатив. Николас просто постоял, собрался с силами и тихо вышел за дверь.

— Значит, вот оно как, — сказал он вслух, спускаясь по лестнице. — По крайней мере, без пошлости. Даже красиво. Этюд в четыре руки, а не в четыре ноги.

Мелодия фа-минор была уже не слышна, иначе такой грубый каламбур не пришел бы ему в голову.

* * *

Ему казалось, что он ходит взад-вперед по рабочему кабинету целую вечность, а посмотрел на часы — десяти минут не прошло.

Когда жизнь разлетается вдребезги, что-то происходит со временем. Он читал про это в книгах. У тех, кто несчастен, время будто сбивается с ритма, и это самое мучительное. Оно то несется галопом, и тогда год кажется минутой, то застывает на месте, и тогда минута превращается в год.

Случай Николаса А. Фандорина явно подпадал под вторую категорию, а значит, с 15.20 до 15.30 он постарел на десять лет.

За этот срок Ника успел выдержать тяжкий разговор с женой, остаться без дома и семьи, сменить профессию и страну обитания, забыть нынешнюю жизнь и не найти новой.

— Э-э, стоп, — заговорил он сам с собой (следовало привыкать к этой форме общения, отны-

не она станет для него основной). — Так и свихнуться недолго.

Лучшее средство от сумасшествия — напряжение интеллекта. Можно поумножать в уме двухзначные числа. Или припомнить хронологию исторических событий. Отличное средство — порешать кроссворд или шараду.

Кстати о шарадах.

Он без интереса посмотрел на листок бумаги, где было крупно написано «книгопродавец Херувимов + 11/3».

Судьба П.П.П. и рукописи Ф.М. Достоевского Нику больше не занимала, нисколько. Даже странно, что еще совсем недавно он так волновался из-за подобной ерунды. Хотя как «недавно». Десять лет прошло.

Что ж, эта интеллектуальная гимнастика не хуже любой другой.

Книгопродавец так книгопродавец.

Временно забываем про фа-минор, концентрируем внимание...

Он сел за стол.

С чего бы начать?

Предположим, с самого элементарного. С того, с чего начинает любые поиски человек интернет-генерации.

Входим в поисковую систему, набираем кодовые элементы: «книгопродавец Херувимов» + «11/3». Нажимаем на кнопку «Найти».

Ответ: «Ничего не найдено. Попробуйте задать поиск с более мягкими условиями».

Ладно, попробуем.

Он вернулся на предыдущую страницу, чтобы убрать из задания слово «книгопродавец», поскольку в книге оно подчеркнуто не было.

В верхней части экрана, как обычно, висела «горячая пятерка» новостей. Взгляд Фандорина упал на нее совершенно механически. Глаза зацепились за смутно знакомое слово — «Шика». Недоуменно нахмурившись, Николас навел курсор на тему, щелкнул — и вскоре забыл не то что про Херувимова, но даже про крах семейной жизни.

* * *

«СТРАШНАЯ НАХОДКА В ПОДМОСКОВЬЕ.
Тайна исчезновения Шики, криминального авторитета 90-х раскрыта» — такой была строка, привлекающая внимание Фандорина.

Еще толком не вспомнив, откуда ему знакомо это прозвище, он перешел от заголовка к самой новости. О ней писали сразу несколько информационных агентств. Самое краткое из сообщений выглядело так:

«12.30. На окраине подмосковного города Люблин обнаружено несколько трупов со следами насильственной смерти. Кримьюс.ру.

Подростки, игравшие на территории заброшенной очистительной станции, обнаружили в старом коллекторе тела шестерых мужчин. Прибывшая по вызову группа экспертов-криминалистов установила, что убийства

были совершены в разное время. Личность четверых установлена, поскольку эти люди давно находятся в розыске как пропавшие без вести. Настоящей сенсацией стало опознание Алексея Шиканова (Шики), известного московского авторитета, бесследно исчезнувшего в 1995 году. Кроме него опознаны председатель правления «Данко-банка» П.П.Пилипенко (пропал в 1998 г.), бывший майор милиции З.Ф.Ляпунов (пропал в 2000 г.) и адвокат Г.И.Ковнер (пропал в 2003 г.). Еще два трупа, по выражению члена следственно-оперативной группы, «свежак». Они были сброшены в коллектор всего несколько дней назад. Фотопортреты размещены для опознания на сайте уголовного розыска Московской области «Помоги милиции». Версия у следствия всего одна: тайник для укрывательства следов преступлений использовался какой-то организованной преступной группировкой, существующей по меньшей мере 10 лет».

Кто такой Шика, Николас вспомнил, когда прочитал про бесследное исчезновение. Это же бандит, от которого «фри-масонский бог» чудодейственно избавил Аркадия Сергеевича десять лет назад! Вот тебе и мистика.

На имя каждого из опознанных покойников имелась отсылка в архив вездесущего «Кримньюс», сайта криминальной журналистики. Николас просмотрел три остальных досье. Во всех упоминалось имя А.Сивухи.

Руководитель «Данко-банка» вел против Аркадия Сергеевича судебный процесс, прекратившийся из-за пропажи истца.

Отставной майор милиции работал в службе безопасности депутата и, по сведениям «Кримньюс», пытался шантажировать своего работодателя, а когда не удалось, подался в бега.

Адвокат Ковнер тоже сначала сотрудничал в компании Сивухи, а потом перешел на службу в конкурирующую фирму, причем на очень высокую зарплату. В статье двухлетней давности, написанной вскоре после загадочного исчезновения Ковнера, высказывалось предположение, что он скрылся за границу, опасаясь мести со стороны прежнего клиента.

Можно было не сомневаться, что все три «исчезновения» записаны Аркадием Сергеевичем в послужной список «Чудесной Силы», оберегающей его от неприятностей.

Но если Сивуха — заказчик всех этих убийств, зачем же простодушно хвастаться первому встречному, что его враги пропадают сами собой? На идиота депутат-спонсор совсем непохож. Что-то здесь не так.

Встревоженный и напуганный, Ника решил заглянуть на сайт «Помоги милиции». Там-то его и ждал настоящий шок — такой, что застучали зубы и на лбу выступили капли пота.

«Свежак» уже вывесили, подмосковный угрозыск сработал быстро. Под кратким извещением о времени и месте обнаружения тел было помещено несколько жутких фотографий: крупный

план двух мертвых лиц (анфас, профиль); одежда; физико-метрические данные (рост, вес, особые приметы).

Николасу хватило и фотографий. С первой на него шурился Рулет. Со второй жмурился Вениамин Павлович Лузгаев.

Что там зубы, что холодный пот на лбу — это уже было потом. А в первый миг Фандорин пронзительно взвизгнул и отскочил от компьютера — кресло метра на три отъехало.

У большинства людей в минуту паники наступает ступор. На Николаса же приступ острого страха всегда действовал прямо противоположным образом — от инъекции адреналина его реакции убыстрялись, а мозг начинал работать на бешеных оборотах.

Игорь! — стукнула мысль. Уволился именно сегодня! Это не случайное совпадение!

Да-да, Игорь! Это всё он! Он при Сивухе с 93 года, правая рука. Это прирожденный убийца, достаточно один раз посмотреть ему в глаза. Обет он дал больше не убивать, как же! Убивал по приказу своего хозяина. Или без приказа? Из одной собачьей преданности? Очень похоже на то. Если на пути Аркадия Сергеевича вставал какой-то особенно опасный противник, верный Игорь переправлял такого человека напрямик в любичинский коллектор. Нет человека — нет проблемы. А нет трупа — нет дела об убийстве.

Всё сходилось.

Игорь каким-то образом раньше всех узнал о том, что тайник обнаружен. И, не вступая с хо-

зяином ни в какие объяснения, скрылся. Отлично понимал, что теперь следствие по старым делам тронется с мертвой точки, и все линии сойдутся к одному человеку — депутату Сивухе.

Теперь понятно, почему Аркадий Сергеевич не очень-то нервничал из-за первой и второй частей рукописи. Они уже находятся у «вольного каменщика», и претензий никто не предъявит, потому что Рулета с Лузгаевым нет в живых. Стоп, стоп, а смерть Марфы Захер! Кто теперь поверит, что это был несчастный случай? Ее убили, и убили из-за рукописи!

Значит, Сивуха к трупам все-таки причастен? Или убийства — самодеятельность психопата Игоря? Тут ведь явные признаки психопатологии. Никакая рукопись не стоит трех жизней. Для такого богатого человека, как Аркадий Сергеевич, уж во всяком случае...

Додумать эту мысль до конца Фандорин не успел, потому что ударила следующая.

Черт с ними, с дедукциями и мотивациями! Вне зависимости от того, кто убийца, все, причастные к поиску рукописи находятся в смертельной опасности. Душегуб, который устроил захоронение в заброшенном коллекторе, ценит человеческие жизни не дороже копейки.

Надо предупредить девушек!

— Алло, Саша, вы где?

— В больнице. То есть в морге. Я еще должна...

— Немедленно уходи! — от волнения перешел на «ты» Фандорин. — Ты в опасности. Объясню

потом. Лови машину... Нет, лучше на метро. Езжай к Вале. И делай всё, как она говорит. Запиши адрес.

Сразу же позвонил и Вале. Этой объяснил ситуацию чуть подробнее. Велел быть настороже и Сашу никуда из дома не выпускать.

В обычной жизни ассистентка была болтлива, временами до надоедливости, но в критическую минуту всегда оказывалась на высоте.

— Ясно, шеф. А вы?

— Тоже скоро приеду. Но сначала надо кое-что сделать.

Следующей в списке тех, кого нужно предостеречь, была экспертша. К ней сходилась слишком много нитей. Про нее знает Сивуха, а значит, и Игорь.

Ответил незнакомый женский голос, молодой.

— Элеоноры Ивановны нет. И не будет. Умерла она.

— Ее убили?! — крикнул Фандорин. — Когда? Женщина тоже перешла на крик:

— Вы что, с ума сошли?! Вы вообще кто?

— А вы?

— Я ее двоюродная племянница, квартира мне завещана. Вы что себе позволяете — «убили»! — Двоюродная племянница разволновалась не на шутку. — У меня медицинское заключение, даже вскрытие делали! Инфаркт у нее был. В кресле сидела перед телевизором, и умерла. Дай Бог всякому такую смерть! Кто вы такой?

— А когда это случилось?

— Тринадцатого. Послушайте, я не буду отвечать на ваши вопросы, пока вы не...

Фандорин разъединился.

Он был у Моргуновой именно тринадцатого, в среду. Потом сбил в подворотне Сашу, поехал к ее отцу в клинику и угодил в цепкие объятия Фантастического Мира, из которых, возможно, уже не выберется.

Взгляд Николаса упал на маленький огонек, помигивавший на телефоне.

Кто-то звонил на автоответчик. Три звонка: в 15.09, 15.11 и 15.15. У него как раз был отключен мобильный — из-за Шуберта.

Ничего, Алтын Фархатовна, горько подумал Ника. Обстоятельства складываются таким образом, что в скором времени вы, возможно, получите полную свободу без тягостных объяснений и развода. Для всех только лучше будет.

Он включил автоответчик.

Первый звонок — Геля:

— Пап, ты за мной заезжай не в шесть, а в пол-седьмого, ладно? У меня тут дело одно, важное. Только обещай, что спрашивать не будешь.

Он поневоле улыбнулся. Когда женщины, независимо какого возраста, так говорят, это значит, что расспрашивать обязательно нужно, иначе смертельная обида.

Второй звонок был от мужчины.

— Николай Александрович, это Игорь. Если вы дома, возьмите трубочку...

Пауза, во время которой у Фандорина непроизвольно задергался угол рта.

— ...Ладно. Попробую на мобильный.

Гудки.

Третий звонок:

— Снова Игорь. Мобильный не отвечает, а тут такие дела... Очень нужно встретиться. Вы меня не ищите. Я сам вас найду.

Ника опустил на стул. Сам найдет?

Господи, что делать?

Обратиться в милицию? Но всякий человек, живущий в России, знает, как мало проку от этого учреждения, когда действительно нужна помощь. За десять лет, прошедших с момента возвращения на историческую родину, Фандорин как-то свyksя с мыслью о том, что в случае беды здесь никто тебя не защитит — только ты сам. Живешь в России — будь сильным и самодостаточным. Или уж не взыщи.

Позвонить Сивухе? А если Игорь все-таки действует не сам по себе? Если он всего лишь исполнитель?

Зачем этому Азazelло понадобился Николас? «Очень нужно встретиться». Спасибо, как-нибудь в другой раз.

Ника метался по офису еще, наверное, с полчаса, не зная, как поступить, куда бежать и бежать ли вообще.

А потом раздался стук.

Кажется, Николас услышал его не сразу. Ходил по кабинету, остановился у двери, чтобы развернуться — вдруг слышит: тук-тук-тук.

От этого зловещего звука Фандорин даже попятился.

Почему не звонят, а стучат?

Господи, что делать?!

Тук-тук-тук — уже громче. Стучавший явно знал, что хозяин на месте.

Бесшумно ступая, Николас вышел в прихожую и встал сбоку от проема — вспомнил, как в фильмах убийцы стреляют через дверь.

— Кто там? — спросил он не своим, придурочным голосом.

— Дядя Коля, это Настя! Откройте! — раздался звонкий голосок соседской девочки.

Уф... Он обессиленно прислонился лбом к косяку. Девочка Настя была первоклашка, потому и стучала, а не звонила — где ей до звонка дотянуться?

— Сейчас, Настенька! — крикнул он, лязгая замком. — Сейчас!

Открыл дверь и увидел перед собой Аркадия Сергеевича Сивуху.

Про Валеру Расстригина

Если бы взгляд магистра не упал на сводку «горячих» новостей, всё повернулось бы совсем по-иному. Не узнал бы он про страшную находку в Любищах, не испугался бы за свою жизнь, а нажал, как намеревался, на поиск сочетания «Херувимов» + «11/3», и сразу выскочил бы результат: Херувимов переулочек, дом 11/3, издательство «Культуртрегер». Тут же обнаружился бы адрес издательского сайта, а из информации на сайте выяснилось и все остальное.

На том финальный матч благополучно бы и завершился. В самом деле, куда же нести рукопись, если не в издательство? Особенно, если оно называется «Культуртрегер» и, кроме книжной продукции, затеяло выпуск серии «Полные собрания сочинений русских классиков на CD», а первый комплект даже уже и выпустило: «Весь Достоевский» — тот самый диск, что сейчас был вставлен в CD-привод фандоринского компьютера.

В доме 11/3 по Херувимову переулку кроме самого издательства «Культуртрегер», занимавшего всего три комнатки в цокольном этаже ветхого особняка, располагалась книжная лавка с таким же названием. Еще там находился рабочий кабинет Валерия Сергеевича Расстригина, генерального директора и единоличного владельца холдинга «Культуртрегер-пресс». Кроме издательства в холдинг входило еще литературное кафе на четыре столика и пять книготорговых точек. Фирма была молодая, но очень активная, о ней в книжных кругах в последнее время много говорили.

У Валеры Расстригина (по отчеству его никто кроме налоговых инспекторов не называл) была давняя идея: устроить в Москве улочку книжных лавок. Небольших, уютных, а главное — специализированных. Чтоб люди ехали туда, твердо зная, что найдут нужную книжку или, по крайней мере, оставят на нее заказ. Парень Валера был шустрый, настоя-

чивый, да еще с даром убеждения, поэтому после нескольких месяцев хождения, переговоров и пихания «барашков в бумажках» (куда ж без этого?) сумел арендовать пять подвальных и полуподвальных помещений в Херувимовом переулке, месте не престижном, но зато находящемся недалеко от центра. Головное предприятие, магазин «Культуртрегер» (35 квадратных метров плюс подсобные помещения), специализировался на русской классике, и еще здесь можно было выпить кофе. Через два дома находился магазин «Зарубежная литература», потом шли «Историческая литература», «Словари-разговорники-путеводители» и «Шерлок Холмс» (детективы и приключения). В ближайших Валериных планах было открытие за углом, в соседнем переулке, магазинов «Фантастика», «Поэзия» и «Искусство».

Расстригину мечталось, что его маленькое книжное королевство обрстет славными кафешками, интеллектуальными видеотеками, литературными клубами и превратится в столичную достопримечательность.

Да, планы у Валеры были наполеоновские, а если учесть, что ему еще не стукнуло и тридцати, да помножить этот факт на оптимизм и бульдожьё хватку, то шансы на осуществление честолюбивого проекта выглядели неплохо.

В ту самую минуту, когда Николас Фандорин открыл дверь своего офиса и замер, уви-

дев нежданного посетителя, Расстригин стоял на пороге магазина «Культуртрегер» и прощался с двумя девушками-продавщицами. Они сегодня шли на концерт Гребенщикова и отпросились пораньше — надо же переодеться и привести себя в порядок. Валера поворчал, но отпустил, потому что он был не зверь, да и все равно пора произвести учет товара.

В общем проводил до двери, расцеловался на прощанье. Перед тем как повесить табличку «Извините, учет», вдохнул полную грудь свежего воздуха. Все-таки целый день сидеть в полуподвале — не сахар.

Вдруг видит — у обочины стоит реанимобиль — проблесковый фонарь крутится. Значит, агрегат работает. Плохо кому-то.

Будучи человеком отзывчивым и общительным, Валера подошел выяснить, что стряслось.

На шоферском месте сидела молоденькая сестричка в зеленой шапочке и халате, лицо прикрыто марлевой повязкой.

Реанимобиль

— Плохо кому? — спросил Валера.

— Совсем труба, — ответила девушка с типично московской растяжкой, которая Расстригину как человеку периферийному всегда казалась комичной.

— Может, выкарабкается?

Он с уважением посмотрел на вертящийся фонарь.

— Вряд ли.

Сестричка поглядывала на Валеру и (по глазам было видно) улыбалась. Видно, ко всякому на своей аховой работе привыкла. Тут если всё к сердцу принимать, никаких нервов не хватит.

— Эхе-хе, — вздохнул Расстригин. — Ну, может, все-таки обойдется.

Вернулся на рабочее место, открыл на компьютере «Excel» (все бухгалтерские дела он предпочитал вести сам), поработал некоторое время. Вдруг слышит: в торговом зале что-то звякнуло.

Вышел посмотреть. Вроде никого.

Потрогал дверь — незаперта. А ведь точно помнил, как ключ изнутри поворачивал. Что за мистика?

Высунулся на улицу. Там тоже ни души. Реанимобиль стоял на том же месте, и маячок вертелся, только медсестра куда-то подевалась.

Может, кто-нибудь вошел в лавку и между полок спрятался?

Расстригин был парень непугливый, да и со здоровьем всё окей, поэтому не испугался.

— Эй, кто здесь? — крикнул он. — Чего в прятки играть?

А когда отклика не последовало, запер дверь и прошел межполочным лабиринтом.

Не было там никого. Значит, показалось. Ладно.

Вернулся Валера к кабинету, открыл дверь — челюсть отвисла.

Возле стола, чопорно сложив руки на коленях, восседало невиданное чучело: белые космы ниже плеч, длинномордая собачья маска и красное кимоно.

Как человек веселый и ценящий юмор, Расстригин заржал.

— Классный прикид! Нин, ну ты даешь!

Подумал, что это Нинка, товаровед из «Шерлока Холмса», она обожает всякие приколы. В прошлом году на Хэллоуин пришла на работу в тыкве и целый день так просидела, только на обед сняла. Точно Нинка — у нее свой ключ от двери.

Но собака в красном кимоно покачала головой и хихикнула из-под маски.

— Лен, ты? — подумал тогда Валера на одну свою знакомую, которая работала в детском театре и в принципе могла одолжить какой-нибудь наряд из костюмерной. Правда, непонятно зачем.

Снова хихиканье, отрицательное покачивание мордой.

— А кто тогда?

Расстригин улыбался всё шире. Очень ему было любопытно.

Чучело церемонно поклонилось, достало из широкого рукава визитную карточку.

Там с одной стороны всё было иероглифами, а с другой по-русски напечатано непонятное слово «ИНУЯСЯ». Плюс цветной логотип: точно такая же полусобака-полчеловек в белых космах и в красном кимоно.

— Дзутораствуйте, — пропищало неведомое создание совершенно незнакомым Валере голосом, причем с сильным японским акцентом.

— Вы правда из Японии, что ли? — спросил Расстригин, обалдело вертя в руках карточку. — А почему в маске?

— Такой порядку. В насей фируме пародзено.

Известно, что японцы обожают всякую униформу. Валера где-то читал, что у них в «Макдональдсе» официанты гамбургерами наряжены.

— А что у вас за фирма?

— Публишный дому, — с поклоном сказала собака и снова подхихикнула.

Валера сначала опешил, а потом засмеялся. Понял: это она так «publishing house» перевела.

— «Публишный дом» — это супер. Только по-русски правильно говорить «издательство». Сотрудничать хотите? Буду рад. Осо-

бенно с такой прикольной фирмой. Я Валера Расстригин. А вы — Инуся-сан?

— Да-да, Инуся, — закланялась японка.

— Снимайте маску, познакомимся.

Японка прикрыла лицо, то есть морду, ладонью.

— Хи-хи-хи. Нерзья. Не пародзено.

Он развел руками:

— Ну не положено, так не положено. А по какому вы делу?

— Досутоевски.

Тут Валера, наконец, понял. И просиял. Он был уверен, что проект «Классика на CD» будет иметь резонанс. Идея — супер. На одном диске всё собрание сочинений, с указателями, с системой поиска, еще статьи про автора, биография, портреты и иллюстрации, комментарии, музыка. Штука затратная, но рано или поздно должна окупиться. Начал он с Достоевского. Чехов и Толстой были пока в работе.

— CD хотите? — понимающе кивнул он, прикидывая, сколько можно запросить за японские права.

— Нет, хосю пися-рука, — хихикнула Инуся-сан.

— А?!

— Рука-пися, — поправилась японка. — Рукапися Досутоевски.

Вон она про что.

Расстригин немного скис.

— Вы про рукопись, которую мне Филипп Борисович Морозов предложил?

Был недавно у Валеры один интеллигентный дядечка, доктор филнаук. Он добыл где-то раннюю редакцию «Преступления и наказания», никогда не публиковавшуюся. Валера взял кусок для проверки, отнес самому лучшему эксперту, одной ученой старушке. Оказалось, в самом деле Достоевский.

Инуясь-сан радостно закивала:

— Морозофу, Морозофу!

— Да, собираемся печатать. Я уж договор подготовил. Сенсация — можно сказать, мирового значения. Я пока об этом молчок, потому что Филипп Борисович попросил. А вы откуда узнали? От него?

Снова кивок.

— Где он? Обещал в прошлую пятницу позвонить и не позвонил. А я его телефон задевал куда-то.

— Умирар, — сообщила японка. — Совсем.

И протянула копию свидетельства о смерти.

Валера ужасно расстроился.

— Надо же, не такой старый.

— Вот есё бумазка.

На стол перед издателем легла нотариально заверенная выписка из завещания Ф.Б. Морозова 1945 года рождения, проживающего там-то и там-то. Документом удостоверялось, что все права по принадлежащим ему рукописям и объектам интеллектуальной собственности в случае смерти завещателя переходят к его дочери, Александре Филип-

повне Морозовой. Завещание было свежее, от вчерашнего числа. Подписано в каком-то медицинском центре, в присутствии свидетелей. Всё честь по чести.

— Есё бумазьяка.

Умеют все-таки японцы работать. Эта Инуяся, хоть и выглядела в своей собачьей маске дура душой, но к встрече подготовилась как следует.

Валера прочитал доверенность, написанную на листке бумаги аккуратным ученическим почерком: дочка покойного, та самая Александра Филипповна, поручала подателю забрать хранящуюся в издательстве «Культуртрегер» часть рукописи Ф.М. Достоевского.

— Хотите сначала в Японии напечатать? — огорчился Расстригин. — Я знаю, у вас там любят Достоевского. Четыре раза собрание сочинений переводили. Или даже пять. Жалко, конечно. Но ничего не попишешь — право публикатора. Только учтите: текст находится в общественном владении. Сразу после первой публикации я тоже его издам. Странно все-таки, что произведение русской классики впервые выйдет на иностранном языке. Много вы заплатили Морозовым, если не секрет?

— Секурет, хи-хи.

Издатель уже рылся в столе.

— Вот, держите. — Он протянул синюю кожаную папку, в которой получил рукопись

от покойника. — Только бумажку от дочки оставьте. Для порядка.

Глаза в прорезях маски совсем не казались раскосыми. Или тень так падала?

Инуяся взяла папку, недоверчиво полистала страницы. Повела острой мордой из стороны в сторону, совсем по-собачьи.

Настороженно спросила:

— Сикоку?

— А? — не понял Расстригин.

— Сикоку денег?

Он пожал плечами:

— Нисикоку. Я Морозову аванс не платил. Договорились, что он будет получать 10% от отпускной цены. Эх, жалко дядечку...

Японка встала, взяла папку и довольно долго разглядывала издателя, будто никак не могла на что-то решиться.

А потом взяла и сказала очень странную вещь:

— Ну, живи тогда, Валера Расстригин.

И, главное, чисто так выговорила, фактически без акцента.

Это она опять неудачно на русский скалькировала, предположил Валера. Как с «публишным домом». Наверно, по-японски «до свидания» буквально будет «живи тогда» или что-нибудь в этом роде.

— И ты живи, Инуяся-сан, — засмеялся он. — Дочке Морозова мои соболезнования. А прикид у вас в фирме, правда, супер. Никогда такого не видал.

13. ФАНТОМАС И МУРЗИЛКА

— Спасибо, Настенька, — склонился Сивуха к стоящей рядом девочке. — Видишь, как дядя Коля удивился? Здравствуйте, Николай Александрович. Позвольте войти?

Он прошел мимо потерявшего дар речи Фандорина прямо в кабинет.

— Стоял перед вашей дверью, боялся не откроете. А тут девочка мимо. Ну и говорю ей: давай дядю удивим. Он подумает, что это ты, а на самом деле это я.

Перед дисплеем, на котором так и висели страшные фотографии, Аркадий Сергеевич остановился.

— Я так и думал, что вы уже в курсе. И до смерти меня боитесь. — Он повернулся к Николасу и доверительно понизил голос. — Вы еще не все знаете. Я мог бы утаить, но скажу. Первый и второй фрагмент рукописи у меня, я от вас это скрыл. — Сивуха кивнул на экран. — Те самые, что были у наркомана и коллекционера. Теперь я окончательно погубил себя в ваших глазах?

— Что вам от меня нужно? — хрипло спросил Николас. — Зачем вы пришли? Неужели вы ду-

маете, что после всего этого я продолжу поиск последней части?

— Вы разрешите? — Депутат устало опустился на стул, положил на колени портфель. — Мне теперь не до рукописи. Хотите верьте, хотите не верьте, но я ко всему этому, — он кивнул на монитор, — не имею никакого отношения. А что до первого и второго фрагментов, то они пришли ко мне по городской почте, без каких-либо объяснений. Сначала первый, потом второй. Вот почтовые извещения, можете удостовериться. — Он вынул из кармана две серых бумажки. — Отправитель — Ф.Михайлович. И адрес: улица Достоевского. Я проверил, там находится музей-квартира Федора Михайловича. Шутка такая. Я был уверен, что это Фантомас с Мурзиком шалят — вполне в их духе...

Николас взглянул на Аркадия Сергеевича с таким ужасом, что тот невесело рассмеялся.

— Вы подумали, я умом тронулся? Нет, Николай Александрович, со мной все в порядке. Фантомас и Мурзик — это два шустрых паренька из Криминально-аналитического центра МВД, они со мной сотрудничают. За хороший гонорар. Симпатичные такие ребята-оборотенята. Поручил им разыскать беглого Рулета, а когда пропал Лузгаев, то и его тоже. Я подумал: нашли рукопись и оригинальничают. Они парни веселые. Сами увидите.

— Зачем мне их видеть? — еще больше насто-рожился Фандорин.

Депутат удивился:

— То есть как? А Игорек? Вот кого бояться надо. Ведь это он, сволочь полоумная, натворил дел — я сразу понял. Что он псих, я давно подозревал, но думал, могу его контролировать. А Игоряша, благодетель хренов, все эти годы моим ангелом-хранителем работал! — Сивуха скривился и мучительно застонал. — Фри-масонский бог, мать его! Это же надо быть таким самовлюбленным идиотом! Можете надо мной потешаться. Но, знаете, даже умному человеку очень легко поверить, что он избранный и находится с Высшей Силой в эксклюзивных отношениях. Особенно если неоспоримые факты имеются...

Аркадий Сергеевич выглядел таким несчастным и сконфуженным, что Ника, наверное, ему поверил бы. Если б не одна неувязочка.

— Хватит делать из меня болвана, — процедил магистр. — Откуда вы узнали, что это Рулет и Лузгаев? — Он показал на компьютер. — Вы ни того, ни другого никогда в глаза не видели.

— Фантомас с Мурзиком сообщили. У них в Криминально-аналитическом все данные по людям, объявленным в розыск. А Рулета и коллекционера они сами искали.

— Погодите, но Рулет пропал еще до того, как я вам про него рассказал!

Сивуха вздохнул.

— Да знал я про наркомана и без вас. Мои ребята его установили сразу же, в день нападения на Морозова. По разбитому шприцу, который валялся там в подворотне. Фантомас с Мурзиком уже через сутки выяснили, что он там же, в Сав-

винском переулке, комнату снимал. Наблюдение организовали. Докладывали: объект не появляется, но его ищут — это про вас. Еще через день по почте начало рукописи пришло. Говорю вам, я решил, что это мои веселые «оборотни» развлекаются. А на самом деле Игорек расстарался. Он же в курсе всех моих дел был. Заботушка, *****! — выругался депутат. — Ну подставил меня, ну подставил! Разрулю, конечно, но придется повозиться. — Что вы на меня так смотрите! — взорвался Сивуха. — Я такой, сякой, пятый-десятый, но я, ** **** ****, не серийный убийца!

— Значит, во всем Игорь виноват? — не скрывая скепсиса, поинтересовался Ника.

— Послушайте, вы — человек с аналитическим даром. Вот вам вся логическая цепочка. Чудеса в моей жизни начались вскоре после того, как Игорь поступил ко мне на службу. Не успеет появиться сложная проблема — вдруг бац, и нет ее. Там не только исчезновения были. С одним несчастный случай, другой ни с того ни с сего в сумасшедший дом загремит — и все очень кстати. Помните, я вам про пожар на яхте рассказывал? Как же мне было в Высшую Силу не поверить? А это всё Игорек подстраивал. Каким образом — не спрашивайте. Он профессионал высшей пробы, свое черное дело на все сто знает. Я никогда не поручал ему никого убивать или устранять, честное слово! Ну хорошо, вы не знали меня раньше и можете предполагать, что в девяностые я запросто убирал со своего пути врагов и конкурентов. Но сейчас-то мне это зачем? Конечно,

рукопись Федора Михайловича для меня важна, и даже очень, но не до такой же степени, чтобы людей мочить? Сколько она может мне принести? Миллион-два? Для меня это не такой большой куш. Престиж и репутация существенней. Но зачем тогда я бы стал так рисковать, причем именно репутацией? Я же в дерьме по уши. Удружил мне Игоряша, псих воцерковленный. Теперь не до рукописи.

Звучало убедительно. Тем более, что Николасу и самому уже приходили в голову эти соображения. Непонятно было одно.

— Вы говорите, что вам сейчас не до Федора Михайловича. Могу себе представить. Но зачем вы пришли ко мне? Чтобы я про вас плохо не думал? Вряд ли. У вас сейчас и без меня хлопот хватает.

— Я пришел дать вам новый заказ. — Сивуха подался всем телом к Николасу. — Найдите мне Игоря. Вы можете. У вас талант.

В первый миг Фандорин опешил — этого он никак не ждал. Но сразу же сообразил, в чем дело:

— Чтобы... концы в воду? Ну уж это без меня.

— Снова он за свое! — всплеснул руками депутат. — Я-НИКОГДА-НИКОГО-НЕ УБИВАЛ! И не намерен в дальнейшем. Да и невыгодно мне, чтобы Игорь бесследно исчез — это бросит на меня такую тень, не отмоешься. Единственный мой шанс выйти из этой мокрой истории более или менее сухим — найти поганого маньяка и сдать милиции. Я должен от него дистанциро-

ваться. Что он псих законченный, мне Марк Донатович давно говорил, да я отмахивался. Нужно найти Игоря! Хочу спросить, на хрена он меня так облагодетельствовал. Поговорю — и сдам ментам, в наручниках.

Заодно договоритесь, как ему ловчей невменяемость изображать, подумал Фандорин. А соответствующую психэкспертизу вам Коровин устроит.

Поняв по молчанию собеседника, что аргументы подействовали, Аркадий Сергеевич вскочил со стула.

— Фантомас и Мурзилка, конечно, его уже ищут. Они профессионалы, но Игорь тоже профессионал. Все их методы, ход их мыслей он знает. А вы дилетант, причем дилетант с острым, парадоксальным умом, то есть непредсказуемы. Забудьте про рукопись, помогите найти Игоря. Я заплачу вдвое, даже втрое. Вот здесь, — он достал из портфеля папку со скоросшивателем, — полное досье. Почитайте, прикиньте. Если кто и сообразит, как выйти на Игоря, то только вы.

Вы даже не представляете, насколько вы правы, подумал Ника, но до папки не дотронулся.

— Соглашайтесь. Ну пожалуйста! — Голос депутата проникновенно дрогнул. — Наши интересы в этом вопросе совпадают. Раз в базе данных имеются отпечатки пальцев наркомана, труп опознают моментально. Наверняка это уже произошло. Установят место проживания. А вы с вашей помощницей там здорово наследили... Ну же, берите досье.

И Фандорин решился.

— Мне не нужно досье. И гонорара не нужно. Добуду я вам Игоря и так.

Он подошел к телефонному аппарату и включил автоответчик.

* * *

«Оборотни в погонах» прибыли в течение получаса. Были они, правда, без погон и вообще совершенно не похожи на милиционеров. Фантомас брит наголо, с серебряной серьгой в левом ухе и татуировкой на шее — из-за ворота рубашки выглядывала зеленая игуана с красными глазами. Мурзилка оказался щеголеватым длинноволосым брюнетом с аккуратно подбритой эспаньолкой и золотой серьгой в правом ухе. Обоим не больше тридцати. Они беспрерывно подкалывали друг друга, Аркадия Сергеевича с фамильярной почтительностью называли «боссом».

Послушали запись на автоответчике, переглянулись.

— А вы, сэр, Игорьку зачем? — спросил Мурзилка. — Имеете на этот счет версии, гипотезы, комментарии?

— Не имею, — хмуро ответил Фандорин.

Бритый сказал:

— Несущественно, Мурзик. Есть живец — будет и рыбец. Спиннингуем?

— Спиннингуем, Фантик.

Кто такой Фантомас, Ника, конечно, знал. Злодей из романов Пьера Сувестра и Марсея Аллана. Но что значит «Мурзилка»?

— Что такое «Мурзилка»? — спросил он. — И что такое «спиннингуем»?

— Эх, гражданин, сразу видно, у вас не было детства, — с укором сказал брюнет, оставив оба вопроса без ответа.

— Ну вы, Бивис и Батхед, ближе к делу, — поторопил молодых людей депутат. — Время дорого. Идеи есть?

— А какие тут могут быть идеи, босс? — удивился Мурзилка. — Сейчас напичкаем гражданина техникой и пустим в свободное плавание. Фантик, не сверкай лысиной. Давай, мечи начинку.

Второй открыл большую спортивную сумку и со сноровкой бродячего коммивояжера принялся доставать оттуда разные предметы.

Сначала летнюю куртку из ткани защитного цвета.

— Повернитесь. Оп-ля.

Помог Фандорину просунуть руки в рукава.

— Куртец всегда должен быть на вас. Наша разработочка. В верхней пуговице объектив, еще один в хлястике. Вы идете себе, ворон считаете, а у нас на мониторе полный обзор, 360 градусов. Ничего, если я вас немножко пощекочу?

Он засунул Нике под рубашку какую-то плоскую металлическую таблетку на липучке.

— Магнитофончик. На случай, если разговор идет в экранирующем помещении и нам не слышен. Очки наденьте и не снимайте.

Он сунул Фандорину солнцезащитные очки.

— В правой дужке телефончик.

— Зачем?

— Чтоб мы могли вас инструктировать по ходу.

— И крикнуть вовремя: «Фандорин, сливай воду!» — в рифму подхватил Мурзилка.

Сивуха фыркнул:

— Тарапунька и Штепсель. Ильф и Петров.

Кто такие первые двое, Ника понятия не имел, но на писателей-сатириков сталинской эпохи молодые люди, на его взгляд, похожи не были. Скорее уж они напоминали ему Дживза и Вустера. Кого угодно, только не работников правоохранительных органов. Как полагается выглядеть нормальному полицейскому? Он должен быть туповат, честен и надежен, как каменная стена. Главная его задача — всем своим обликом вызывать у людей доверие, соответствовать лозунгу «служить и защищать». А у этих двоих на лбу написано: «надуть и обобрать». Нет, молодые сотрудники Криминально-аналитического центра МВД Николасу решительно не нравились.

— Я, кажется, знаю, зачем вы Игорю понадобились, — сказал Сивуха. — Он тоже очень высокого мнения о ваших способностях. Сам мне это говорил, когда вы первый ребус расщелкали. Посоветоваться желает, не иначе. Но чего желает этот идиот, неважно. Главное, чтобы он на вас вышел.

Фандорин кашлянул.

— Даже если он хочет меня убить?

— Хотел бы — убил бы. — Аркадий Сергеевич пожал плечами. — Зачем звонить-то? Чтоб вы насторожились?

Хорошо бы он оказался прав...

— Что я должен делать?

Мурзилка почесал переносицу.

— Вы что бы сейчас делали, если бы не эта заморочка?

Посмотрев на часы, Ника сказал:

— Дочку бы из театрального кружка поехал забирать. У нее сегодня генеральная репетиция.

— Вот и езжайте. Живите в обычном режиме.

— А если он меня перехватит, когда со мной будет ребенок? Я не стану рисковать дочерью!

Фантомас полуобнял его за плечо:

— На кой ему ваша дочь, сэр? Это во-первых. Во-вторых, мы с Мурзиком все время будем у вас на хвосте. Ну а в-третьих, что вам теперь, под кровать залезть и не вылезать оттуда? Мы же не знаем, когда и как он на вас выйдет. Скорей всего просто звякнет на мобильник.

И Фантомас не ошибся.

* * *

Звонок раздался, когда Николас вез Гелю домой.

Как раз перед этим дочка, не пожелавшая ничего рассказывать о репетиции и всю дорогу напряженно о чем-то думавшая, вдруг заговорила:

— Пап, я хочу спросить очень-очень важный вопрос.

Ему тоже было не до разговоров. Молчал, часто посматривал в зеркальце. Ничего необычно-

го не заметил. Зеленый «пассат» оборотней то мелькал сзади, в потоке машин, то исчезал, то появлялся опять.

— Задать, — поправил Ника. — «Спросить вопрос» — это не по-русски.

— Пап, я хочу задать очень важный вопрос. А правда, что мы на свете не один раз живем, а много-много раз? Мне один человек сказал. Будто все эти жизни похожи, как две капли воды. И происходит в них одно и то же. И человек тоже ведет себя одинаково, потому что он так устроен. Но если кто-нибудь вдруг возьмет и поступит не как в прежних жизнях, а по-другому, то вся остальная жизнь тоже поменяется. Ты что про это думаешь?

Спросила — и замерла. Значит, для нее это действительно важно. Ника сделал усилие, чтобы сосредоточиться.

— Никогда не слыхал про такую теорию. Разве всё, что с нами происходит, уже было?

— Ты чего? — удивилась Геля. С манерами у нее все-таки было не очень — мамино воспитание. — Разве у тебя не бывает, когда вдруг замечаешь: это уже было раньше, железно было. Такое у всех бывает.

— Ты про дежа-вю?

— А?

— Переспрашивать «А?» невежливо. Нужно сказать...

Тут и зазвонил телефон. Очки немедленно отреагировали — в правой дужке запищал голос Фантомаса:

— Про дежа-вю потом перетрете. Спокойненько берем трубочку. В правую руку, чтоб мы тоже слышали.

— Писк какой-то, — завертела головой Геля. — Пап, ты трубку-то возьмешь?

— Алло, — не своим голосом произнес Фандорин.

— Это Игорь. Встретиться надо.

— Хорошо...

— Сейчас дочку домой отвезете... — (Следит! — ёкнуло в груди.) — ... И давайте в детский скверик на Покровском бульваре. Знаете?

— Знаю.

— Через полчаса.

И всё, конец разговора.

— Слышали-слышали, окей, — сообщил наушник.

— Пап, опять пишит. Так что, правильно мне человек сказал?

— А?

В висках стучало так сильно, что он почти ничего не слышал.

— Сам же говорил: «А?» переспрашивать невежливо. Так правильно или нет?

— Да.

«Через полчаса... Почему так быстро? Может быть, отказаться и не ходить? Это не мои игры, они мне даром не нужны», — металась в голове обрывочные мысли.

— Я так и думала! — с облегчением воскликнула дочка. — Значит, смерти бояться нечего.

Если в жизни что-то не заладилось — можно поставить точку, начать всё сначала и в следующий раз попробовать по-другому.

Фандорин так дернулся, что чуть не въехал в соседнюю машину.

— Что ты несешь?! Постой, ты меня не так поняла. Вот я вернусь вечером, и мы с тобой подробно всё обсудим.

Он вспомнил, что Алтын велела проследить, как девочка поужинает. Нет, не успеть. Плохой у Гели отец. А скоро, возможно, вообще никакого не будет.

* * *

Полчаса спустя он полз вниз по Покровскому бульвару, плотно забитому автомобилями. Вечерний час пик еще не кончился.

— ...В это время в парке пусто, он это учел, — пищал наушник. — Значит, нам к нему близко не подобраться. Ваша задача — подвести его как можно ближе к ограде. Что он вам будет говорить, не суть важно. Главное, чтоб он в зону вошел.

— В зону?! Вы же говорили, что не собираетесь его убивать!

— Фантик, этот человек считает нас уголовниками. Ты обиделся? Я тоже. Николай Александрович, золото вы наше, да если б мы хотели Игоряшу грохнуть, это и со ста метров можно. А нам он живой нужен. Мы его шприцем подстрелим. Как он Марфу Захер.

— Что? Каким шприцем?

— У красотки на груди был след от укола. Усыпляющего. Вот и мы Игорька баиньки уложим. Но для этого он должен в пятнадцатиметровую зону попасть. Ясно? К оградке его ведите, к оградке... Всё, приехали. Паркуйтесь и, как говорится, храни вас Аллах.

На сей раз зеленого «пассата» в зеркале Ника так и не обнаружил, сколько ни вглядывался.

Он остановился у входа. Провел маленький аутотренинг: вспомнил, как Алтын смотрела на пианиста — чтоб не так жалко было расставаться с жизнью. Если придется.

Вошел за ограду мирного детского парка, как в клетку с хищниками. Осмотрелся по сторонам. Игоря нигде не увидел.

В крохотном парке, который весь просматривался насквозь, вообще почти никого не было. Малышей увели домой, ужинать и смотреть мультики. Алкаши еще не сползлись.

Около детской площадки не было ни души, в чаше роллердрома самозабвенно гонял на скейтборде какой-то одинокий парнишка в красной бандане, да на баскетбольной площадке, что примыкала к задней стороне ограды, стучала мячом девчонка в спортивном костюме, тоже совсем одна.

Где-нибудь здесь он, подглядывает из укромного уголка, сказал себе Фандорин. Тем лучше. Можно занять скамейку поближе к оградке. Но куда подевались «оборотни»? «Пассат» так и не появился. С тех пор как Ника подъехал, у ограды не припарковалось ни одной новой машины.

Ну где же эти клоуны? Тупой и Еще Тупее — вот как их следовало бы назвать.

Пару минут он сидел более или менее спокойно, только головой вертел. Мимо по бульвару двигались машины, ни одна не остановилась. Паренек с грохотом навернулся со скейтборда. И хоть бы что ему — вскочил, снова закрутился вверх-вниз. На баскетбольной площадке оранжевый мяч влетел в корзину. Девчонка подпрыгнула, победоносно махнула рукой. Из-под шапочки у нее болтался длинный золотистый хвост.

А если он меня сейчас в оптический прицел рассматривает, вдруг стукнуло Николаса.

И в ту же секунду раздался оглушительный выстрел — во всяком случае, так показалось Фандорину.

Хотя нет, для выстрела грохот был слишком мощным.

Сзади налетела горячая, упругая волна воздуха. Заложило уши.

Николас обернулся и увидел, что взорвалась старая, пыльная «тойота», припаркованная по ту сторону ограды. Из-под капота валил черный дым, вырывались языки пламени. Кузов перекосило.

Внутри сидели люди, двое. Кажется, они остались живы — Ника увидел, как они дергаются, пытаюсь открыть дверцу. Один локтем вышиб стекло, полез головой вперед.

Голова была голая, блестящая. В ухе что-то сверкнуло.

Фантомас!

Николас сам не заметил, что уже не сидит, а стоит. Хотел броситься на помощь, но сзади налетел кто-то, схватил за руку, поволок.

Подросток с роллердрома!

Его макушка была Николасу по грудь.

— Быстро! Быстро!

Поднял голову. Дико было увидеть под банданой немолодое, морщинистое лицо. И эти страшные, неподвижные глаза!

— Шевелите ногами! — прикрикнул на магистра Игорь.

Пальцы у него были, как клещи. Попробуй не побег.

— Вы подорвали их! — крикнул Фандорин. — Вы их убили!

— Нет. Потому что сказано «не убий».

Николас на бегу оглянулся и увидел, что жуткий человек не врет.

Фантомас уже вылез на тротуар и выволакивал из горящей машину Мурзилку — тот отчаянно тряс дымящимися волосами.

Рывок — Ника крутанулся на месте. Это Игорь сорвал с него куртку. Отшвырнул в сторону. Сдернул с носа солнечные очки.

— Вы что?!

— Магнитофон есть? Ладно, потом!

Теперь кошмарный Азazelло схватил Фандорина за запястье, побежал еще быстрее.

Отрывисто заговорил:

— Мне без вас не разобраться... Голова кругом. Помогите, вы умный.

— Куда вы меня тащите?

— В переулок. У меня тачка. В клинику надо.

— Зачем?

Игорь остановился возле баскетбольной площадки, до задней калитки оставалось всего несколько метров.

— Надо же его как-то... Он опасен, ужасно! — Только теперь стало видно, что беглый охранник бледен и очень взволнован. — Десять лет, даже больше! ...А ему бесполезно, ни за что не поверит... Главное, он там один, без присмотра...

— Кто «он»? — ничего не понял Николас.

Игорь с досадой посмотрел на него снизу вверх. Потом бешеные черные глаза зафиксировались на какой-то точке, находящейся у Фандорина за спиной, и расширились.

Николас начал оборачиваться, чтобы посмотреть — чему это Игорь так удивился. Но охранник вдруг стал заваливаться в сторону. Ника рефлекторно подхватил маленькое, неожиданно тяжелое тело.

Посреди нагрудного кармана куртки поблескивала металлическая точка. Нет, не точка — игла!

Попали-таки шприцем!

Фандорин разжал руки, тело грохнулось на землю.

Напарники бежали по дорожке, размахивали руками. У Мурзилки, кажется, обгорела шевелюра — левая половина головы была явно меньше правой.

— Вы его вырубите? — крикнул Фантомас. — Самого Игорька? Ну вы даете! Босс говорил, что вы уникам, а мы не верили.

Мурзилка присел на корточки, пощупал Иго-рю пульс.

— Э, Фантик, да он того... Готов... Гляди-ка! — И показал пальцем на иглу.

— Что вы дурака валяете! — взвился Ника. — Это вы в него выстрелили! Вы меня обманули! А теперь хотите на меня свалить...

Какой же он идиот! Как можно было так по-пасться!

Он попятился. Развернулся и кинулся бежать вдоль бортика баскетбольной площадки — стремительным рывком, как во времена, когда сам играл в баскетбол.

— Куда вы? Стойте! — раздалось сзади.

Ага, сейчас.

14. ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА

Мимо гаражей, мимо жилого дома, мимо припаркованного микроавтобуса с красным крестом.

Длинные ноги несли перепуганного магистра истории на такой скорости, что никаким Фантикам-Мурзикам не догнать.

Скорей! В Хохловский переулок, потом по Малому Ивановскому и домой, домой!

Николас резко остановился.

Домой?

Нельзя домой. Ни в коем случае!

А куда можно?

Он сжал пальцами виски, чтобы унять биение пульса.

Думай, думай!

Места были хорошо знакомые, Хитровка. Фандорин знал здесь каждый закоулок.

Свернул в подворотню, мало изменившуюся с тех пор, когда дедушка Эраст Петрович охотился здесь на хитровских разбойников.

Сел на скамейку, перевел дыхание.

Спокойно и по порядку.

Кто выстрелил в Игоря отравленной иглой?

Веселые оборотни?

Но они не могли этого сделать! Они бежали по аллее, метрах в пятидесяти. К тому же иголка попала Игорю в грудь, то есть прилетела с противоположной стороны, из-за спины Николаса. Что увидел беглый охранник в последнюю секунду своей жизни? Почему на его лице появилось выражение страха и удивления?

Сзади никого не было, Ника заметил бы, когда пробежал мимо баскетбольной площадки.

А там никого и не было! То есть раньше там прыгала девчонка с золотистым хвостом, а когда Николас бежал от оборотней, площадка была пуста, лишь сиротливым апельсином валялся мяч.

Может быть, девочка испугалась и убежала?

Тогда уж ей следовало испугаться раньше — после взрыва машины. Но когда Ника бежал за Игорем по дорожке, на площадке стучал мяч — сейчас это отчетливо вспомнилось. Не странно ли? В ста метрах горит машина, а девочка, как ни в чем не бывало, играет.

Вывод ясен. Игоря убила девчушка с золотистым хвостом. Кто она, откуда? Сообщница оборотней? Или работает на Сивуху?

Так или иначе, версия о маньяке-охраннике больше не работает. «Потому что сказано: не убий». Игорь произнес это с глубоким убеждением. И в самом деле же, рассчитал заряд так, чтобы сидевшие в машине остались живы. Нет, похоже, что убивал врагов Сивухи не он.

Игорь выглядел очень взволнованным и испуганным. Что он такое говорил про клинику? Кто-то опасен, кто-то ни за что не поверит.

Стоп, у нас же есть магнитофон.

Николас достал плоскую коробочку, минут пять возился с ней, пока не разобрался в кнопках. Наконец получилось. Динамика в магнитофоне не было, пришлось прижать его к самому уху.

«— Вы что?!

Звуковые помехи.

— Магнитофон есть? Ладно, потом!

Снова шум.

— Мне без вас не разобраться... Голова кругом. Помогите, вы умный.

— Куда вы меня тащите?

— В переулок. У меня тачка. В клинику надо.

— Зачем?

— Надо же его как-то... Он опасен, ужасно! ...Десять лет, даже больше! ...А ему бесполезно, ни за что не поверит ... Главное, он там один, без присмотра...

— Кто «он»?»

Всё, дальше сдавленный стон, шорохи, голос подбежавшего Фантомаса.

Прослушал еще раз, записывая в блокноте каждое слово.

Итак, что успел сказать Игорь?

Что нужно срочно ехать в клинику. Это понятно. Путаница начинается дальше, и связана она главным образом с местоимением «он» в разных падежах. Разобьем непонятный текст на смысловые группы.

«Надо же его как-то». Что — предупредить? Остановить? Спасти? Видимо, первое. Потому

что дальше идет фраза: «Он опасен, ужасно». Десять лет — это, вероятно, про убийства.

Хорошо, допустим. Но как ужасный и опасный «Он», которого необходимо остановить, сочетается с «Ему», который ни за что не поверит? Да тут еще один «Он», который без присмотра.

Минутку. Один, без присмотра и притом в клинике — это наверняка про Олега. Олег опасен и ужасен быть не может, тем более с десятилетним стажем злодеяний.

Значит, первый «Он» и третий «Он» — разные люди. Тогда, возможно, и второй «Он», который ни за что не поверит, отдельный персонаж. Похоже, в данном случае Игорь говорил про своего шефа.

Николас затряс головой.

Еще раз.

1. Есть «Он», который опасен. Этот человек неизвестен.

2. Есть «Он», который не поверит. Это предположительно Сивуха.

3. Есть «Он», который один и без присмотра. Это наверняка Олег.

4. Наконец, все эти персонажи каким-то образом привязаны к клинике, куда Игорь собирался немедленно везти мастера умных советов.

А убил Игоря, между прочим, никакой не «Он». Убила Она. Девчушка в спортивном костюме с золотистым хвостом.

Не складывается.

Николас встал, потерянно побрел по пыльному двору.

Около мусорного бака, раскинув руки, спал знакомый бомж Коля. Каждый раз, когда Ника встречал этого опухшего, спившегося мужика в каком-нибудь из окрестных переулков, происходил один и тот же ритуал. Коля сипло говорил: «Живу пока. Чего и вам» — после чего нужно было выдавать ему десятку. Если десятки в бумажнике не оказывалось, Николас говорил: «В следующий раз». И при следующей встрече давал двадцатку.

Надо отдать Коле должное: два раза в день он никогда не подходил и нарочно Фандорина у подъезда не подстерегал. Человек был хоть и пропаший, но с принципами.

Конвенция есть конвенция. Хоть Коля сейчас находился в отрыве от реальности, Ника полез в бумажник, чтобы оставить деньги возле лежащего. Ведь проснется — будет набирать на опохмелку.

Десятки не было.

Придется монетами.

Фандорин присел на корточки и вывернул содержимое отделения для мелочи в Колину кепку. Выпала монета в пять рублей, два рубля, какие-то копейки и — чертова рассеянность! — фальшивый испанский дублон.

Фердинанд Арагонский и Изабелла Кастильская лежали в драной кепке мирно и достойно, будто в усыпальнице. Да и сам бомж, погруженный в безмятежный алкоголический сон, пожалуй, был похож на усопшего в бозе монарха.

Криво улыбнувшись, Фандорин подобрал фальшивую монету и вдруг дернулся.

Он и она!

Поза трупа!

Доктор Зиц-Коровин на полу своего кабинета и его секретарша Карина!

Он связан с Сивухой, Олегом и Игорем десять лет!

Она ловкая, сильная, гибкая! Йога, карате и прочее!

А главное — клиника!

Игорь сказал: «В клинику надо».

Значит, Сивуха здесь не при чем — ведь депутат находится не в клинике А вот доктор и его верная помощница...

* * *

— ...как раз в клинике. За всем этим стоит Коровин, у меня сомнений нет. Олег хотел меня о чем-то предупредить, намекал, что доктор — фигура зловещая. Но я не придавал значения. Конечно, многое еще неясно, я могу лишь строить гипотезы. Полагаю, что все эти годы Сивуха оказывал спонсорскую поддержку медицинскому центру не только из-за сына. Олег назвал главврача «фарширователем мозгов». Что мальчик хотел этим сказать? Уж не подчинил ли Коровин спонсора своей воле, не *нафаршировал ли ему мозги*? Разве навязчивая идея о некоей Чудесной Силе, якобы охраняющей Сивуху от всех врагов, не отдает психической патологией? Марк Донатович, безусловно, выдающийся ученый, да и человек незаурядный. Он вполне может владеть ка-

кими-то особыми нейрофизиологическими технологиями.

— Запросто, — подхватила Валя, внимательно слушавшая шефа. — Я книжку читала, в детстве. «Властелин мира» называется. Там один мужик тоже научился всем мозги фаршировать. Как захочет — так человек и делает. Читала, Саш?

Саша покачала головой.

Обе девушки сидели на ковре, потому что у Вали дома нормальной мебели не было: только футоны, тюфяки, огромные бесформенные подушки, столы на крошечных ножках. Сам Фандорин пристроился на подоконнике, откуда открывался вид на Москву-реку и островерхий сталинский небоскреб.

Квартира была однокомнатная, так называемая *студио*, но стоила, наверное, в несколько раз дороже Николасовой четырехкомнатной. Стиль — тщательно продуманная небрежность. Даже пятна на обоях не просто так, а концептуальные.

— Он же доктор, — сказала Саша. — Он папу вылечил... Ой, неужели вы думаете...

Она прикрыла рот ладонью и побледнела.

Вид из Валиного окна

— Запросто, — снова сказала Валентина. — Как вылечил, так и... — Она провела рукой по горлу. — Короче, шеф, к доктору есть вопросы.

— И к его секретарше, — кивнул Фандорин. — Конечно, она слишком молода и не могла убить бандита Шику. Но у Коровина тогда могли быть другие помощники или помощницы. Этот человек умеет привязывать к себе людей. Помните, как Карина шнуровала ему ботинки?

— Хотите, я вам тоже буду шнуровать? — промурлыкала Валя. — Только свистните.

Ника покраснел.

— Это она так шутит, — объяснил он Саше. — Не обращай внимания.

Но девочка не улыбнулась. Наоборот, тяжело вздохнула.

— Валя правду говорит. Если кого-то очень любишь, можно ради этого человека много плохого сделать. Знаешь, что грех, а куда деваться?

— При чем тут «любишь — не любишь». Зазомбировав он Каринку, это без вариантов, — отрезала неромантическая Валя. — Впрыскивает ей чего-нибудь. Или кодирует. Я в кино такое видела. Что будем делать, шеф? Надо бы фарширователя потрясти, вы как считаете?

— Да, нужно получить от него ответы на ряд вопросов. — Фандорин уже и сам пришел к этому решению. — Только обойдемся без Аркадия Сергеевича. Его роль во всей этой истории не очень ясна.

— Когда? — деловито спросила ассистентка.

— Прямо сейчас. Во-первых, опасно терять время. Меня наверняка уже ищут. Вычислить, что я отправился к тебе, несложно. Добыть твой адрес — тем более.

— А во-вторых?

— А во-вторых, я уже позвонил в клинику. И мне сказали, что Марк Донатович сегодня допоздна пробудет на работе. Готовится к выступлению на какой-то конференции. Игорь наверняка об этом знал. Потому и хотел везти меня в центр.

— Супер. Завалимся без приглашения. — Валентина хищно оскалилась. — Если Кариночка на месте, беру ее на себя. Поговорю с ней по-девичьи, пока вы с доктором разбираетесь. Тен минитс энд ай эм реди.

Она вскочила и скрылась в гардеробной, где сразу же загрохотали какие-то ящики, дверцы, заклацали вешалки. Валя экипировалась для вечерней экспедиции.

— Может, не надо? — тихо сказала Саша. — Если доктор такой опасный человек, всякое может случиться.

— Еще опасней не нанести упреждающий удар. — Ника мужественно выдвинул нижнюю челюсть, хотя, что греха таить, Валиного боевого задора не разделял.

— Это всё из-за меня... — Саша порывисто поднялась. В ее глазах блестели слезы. — Это я вас втянула... Вы столько раз могли мне сказать: всё, хватит, дальше разбирайся сама. Но вы меня не бросили. А теперь вот как вышло... Вы для меня... А я...

Она закрыла лицо руками и разревелась.

— Ну ладно, ладно... Мне самому было интересно... Рукопись Достоевского... «Перстень Порфирия Петровича»... Я же не думал, что всё это так закончится.

Николас осторожно обнял ее, погладил по спине. Под тонкой майкой торчали острые лопатки, и у него судорожно сжалось сердце.

— Ну-ну, как-нибудь обойдется. Не плачь.

А Саша уже и не плакала. Широко раскрытыми глазами, разинув рот, она смотрела мимо фандоринского плеча.

И было на что. Из гардеробной эффектно появилась Валентина.

Она была в черном костюме японских ниндзя. На голове плотно облегающий капюшон с прорезью для глаз. За плечами рюкзачок, тоже черный. На ногах мягкие, бесшумные тапочки.

— Ну, как я смотрюсь?

Ниндзя

* * *

Пока были в квартире, смотрелась она, прямо скажем, по-дурацки. Но когда вышли в темный двор, Валю в ее черном японском наряде стало почти не видно.

В связи с этим в дороге даже произошел небольшой казус.

Едва отъехали от дома, у Фандорина зазвонил, или вернее, заиграл телефон («Хоральный прелюд»). Определился номер Сивухи, поэтому отвечать Николас не стал. Минуту спустя Валин мобильник врубил зажигательный «Рок-эраунд-зэ-клок». Высветился тот же номер. Помучив не расположенных к веселью слушателей лихими ритмами, телефон умолк, и почти сразу же из Сашиного кармана запипикала песенка крокодила Гены. Опять Сивуха.

— Со всех сторон обложил, сволочь. — Валентина забарабанила пальцами по рулю (ехали на «альфа-ромео»). — Шеф, хрен их знает, какие у них технические возможности. Как бы не засекли. Давайте лучше выкинем мобильники к черту.

Она кинула в окошко и свой дорогой телефон, и фандоринский дешевый. Хотела отобрать аппарат и у Саши, но та не отдала.

— Я лучше просто выключу.

— Не жмоться. Я читала, теперь и по выключенному пеленгуют.

— Ну пожалуйста! Он совсем новый! Мне его папа купил!

В разгар дискуссии и приключился вышеупомянутый казус.

Сзади, рыкнув сиреной, вынырнул автомобиль автоинспекции. Голос из репродуктора, назвав номер Валиной машины, велел водителю остановиться.

Выругавшись, Валентина затормозила у тротуара.

Но милиционер почему-то подошел не к ней, а к Николасу.

Представился, спросил:

— Что это у вас из машины телефоны летают?
Документы попрошу.

— Почему у меня? — удивился Ника.

— Оригинально. — Гаишник наклонился. — Ну-ка, дыхнем...: Хм, не пахнет. На игле, что ли?
Фандорин начал злиться:

— Что вы ко мне пристали? Почему я должен на вас дышать и давать вам документы?

— Оригинально, — повторил милиционер. — Пятнадцать лет работаю, чего только не слышал, но такого... Оригинально. — Всем видом изображая безграничность своего терпения, он начал. — Объясняю: гражданин, находящийся за рулем, является участником автодорожного движения и обязан выполнять все требования работника дорожно-патрульной службы согласно статье...

— За каким еще рулем?!

— Судя по тому, что вы сидите справа, за правым, — со вздохом ответил странный гаишник. — У вас японская машина?

Тут он наконец удосужился взглянуть в салон, увидел, что никакого руля перед Фандориным нет. Челюсть у него отвисла.

Только теперь стало ясно: инспектор Валю не заметил и был уверен, что Николас сидит впереди один.

— Спокойно, мужчина. Я тут, — подала голос Валентина, очень довольная эффектом. — Ненавижу мобильники, вот и выкинула. Еще вопросы есть?

С полминуты милиционер остолбенело разглядывал диковинную фигуру в черном. Собственно, видна была только полоска белой кожи возле глаз, один из которых нагло подмигнул.

— Мы в клинику едем. Физиологии мозга, — тоненьким голосом сказала сзади Саша.

— ...Понятно. Можете продолжать движение.

Инспектор выпрямился, потер рукой глаза, затряс головой.

И движение было продолжено.

* * *

— Значит, так, — с фальшивой бодростью сказал Фандорин девочке, когда машина остановилась на темной улице, метрах в ста от медицинского центра. — Сидите тут и ничего не бойтесь. Думаю, мы скоро вернемся. Лучше, если вы пригнетесь. Человек, сидящий в машине с выключенными огнями, смотрится подозрительно.

Саша молча его перекрестила. Он мысленно сделал то же самое — не помешает.

— Ну хватит уже, пора! — поторопила изнывавшая от жажды действия Валентина. — Шеф, за мной!

Как и во время «флангового маневра» на Рублевке, сейчас ассистентка была в своей стихии.

Она выскочила из машины и стала почти невидимой.

— Через забор перелезть сможете?

Ловко вскарабкалась, бесшумно спрыгнула с той стороны и просунула сквозь железные прутья

сложенные ковшом руки, чтобы Фандорину было на что опереться.

Тот тоже перелез через изгородь, хоть и менее грациозно. Оглянулся назад.

● В машине было темно. Молодец девочка. Спряталась.

— Со двора, — шепнула Валя.

Стремительной тенью прошмыгнула через аллею, прижалась к стене главного корпуса. Ника старался делать всё в точности так же.

Обзавестись костюмом ниндзя он как-то не удосужился. Был в обычной одежде: пиджак, брюки, мокасины. Только белую рубашку, чтоб не выделялась в темноте, сменил на одну из Валиных маек — черную, с пессимистической надписью «Life sucks».

Свернули за угол.

В глубине территории, освещенный лунным светом, серел ангар, в котором находилась «палата» Олега. «Один, без присмотра», вспомнил Николас. Может быть, всё же следовало предупредить Сивуху? Что, если мальчику угрожает опасность?

Ничего, сейчас всё выяснится.

— Раз, два, три, четыре.... — Валя вычисляла по окнам кабинет главврача. — Вон там. И свет горит.

— Но как мы попадем на третий этаж?

— Спокойно, шеф. Для воинов ночи преград не существует.

Остановившись под пожарной лестницей, начинавшейся на уровне второго этажа, помощни-

ца достала из рюкзака моток бечевки с крюком на конце. Раскрутила, кинула — и зацепила с первой же попытки. Подтянулась, села на перекладине. Спустила вниз металлическую раздвижную секцию.

Николасу вроде бы осталось только перебираться руками-ногами, но оказалось, что лазить по пожарной лестнице — дело непростое. Она скрипела, качалась, а расстояние в метр от края лестницы до балкона на третьем этаже без Валиной помощи магистр вообще не преодолел бы.

Наконец он кое-как перевалился через перила и перевел дыхание. Надо же, а считал, что находится в неплохой физической форме.

Валя тем временем ощупывала раму темного, запертого окна.

— Шайзе! Стеклопакет. Придется пожужжать...

Из рюкзака был извлечен маленький ящичек с инструментами; из ящичка — миниатюрная дрель. Валя просверлила отверстие в углу рамы. Вставила какой-то штырь, повернула — и окно с легким скрипом отворилось.

— Где ты только этому научилась? — прошептал Николас — не с осуждением, а с восхищением.

— Кабинет Зица справа, через три окна, — прикинула помощница, идя через комнату (кажется, это была процедурная) к двери. — Теперь очень-очень тихо.

Они выскользнули в неярко освещенный, совершенно пустой коридор.

Валя не ошиблась: чтоб добраться до кабинета со знакомой табличкой, нужно было миновать три двери.

Теперь, когда до цели оставалось всего ничего, сердце Николаса стало вести себя несолидно: заныло, заметалось.

Прыганье через забор и лазанье по пожарной лестнице было похоже на игру, но сейчас придется вступить в контакт с живым человеком. Очень возможно, опасным. А еще хуже, если ни в чем не повинном. Вдруг вся пресловутая дедукция гроша ломаного не стоила? Что, если Марк Донатович не хитроумный злодей, а тот, кем он кажется: уважаемый ученый, врач от Бога, исцелитель больных душ.

— Валя, подожди, — слабым голосом позвал Ника ассистентку, прижавшуюся ухом к двери, но та уже повернула ручку.

В секретарской было светло, но пусто. Грозной Карины, которую Николас опасался еще больше, чем Коровина, слава Богу, на месте не оказалось.

Валентина перебежала по мягкому паласу к следующей двери, ведущей непосредственно в кабинет. Прислушалась. Попробовала повернуть ручку — нет, дверь была заперта.

«Здесь он, здесь», показала ассистентка жестом. Что это за звуки?

Из кабинета доносилась тихая, ритмичная музыка. Опять, что ли, йогой занимаются?

— А что если секретарша тоже там? — шепнул Николас в самое ухо Валентине. — Жалко, теперь

не делают замочных скважин, в которые можно заглянуть.

Помощница почесала нос сквозь черную маску.
— Не проблема.

Из чудесного рюкзака появился необычного вида шнур: на одном конце пластиковая трубочка, на другом плоская металлическая заклепка с крошечным стеклянным кружочком посередине.

— Что это?

— Оптиволоконный объектив. Полгода назад купила, за конкретные бабки. Я вам показывала, не помните?

Нет, Николас не помнил. Валя была помешана на технических новинках и вечно покупала всякую шпионскую дребедень, которая «могла пригодиться в деле», но до сих пор как-то ни разу не пригождалась.

— Вещь! — похвасталась она. — Смотрите, просовываем плоским концом в щель под дверь, чуть-чуть... Смотрим в видеоискатель.

Она подвигала пластиковую трубочку туда-сюда и вдруг присвистнула, причем довольно громко, так что Николас пихнул ее в бок.

— Ты что! — зашипел он. — Услышит!

Губы ассистентки расплзлись в плотоядной улыбке.

— Ага. Услышит он... Вот, шеф, полюбуйтесь. Она сунула Нике видеоискатель.

Сначала Фандорин увидел — резко, в отличном фокусе — стену с многочисленными фотографиями. Ага, это справа от письменного стола.

Нашел стол.

Доктора за ним не было.

Порыскал объективом туда-сюда.

— Левее и ниже, — подсказала Валя.

Левее и ниже, насколько помнил Николас, должен был находиться кожаный диван.

Именно там главный врач и обнаружился. Его секретарша тоже — сидящей сверху.

— Это уже не йога, а камасутра. — Валентина хихикнула. — Доклад он пишет, как же. Повезло нам. Момент идеальный, возьмем врасплох.

Она вернулась к выходу, выключила свет в приемной. Это потому что в кабинете горит одна настольная лампа, сообразил Ника. Врываться из ярко освещенного помещения в полумрак неправильно. О, Господи, что сейчас будет!

— Может быть, все-таки как-нибудь по-другому... — нервно начал он.

Поздно.

Валентина разбежалась, подпрыгнула и мощным ударом ноги вышибла дверь кабинета — что-то, а это она умела. Сгруппировалась, приземлилась на корточки, снова оттолкнулась и с размаху ударила коровинскую секретаршу ребром ладони по затылку, каратистка даже не успела обернуться. Будто сорвавшаяся с ниток марионетка, она опрокинулась с дивана на пол и осталась лежать.

— Шеф, ваш выход, — обернулась к двери Валентина, и Николас переступил порог кабинета. Даже блистательному Эрасту Петровичу вряд ли когда-нибудь удавалось войти в помещение столь же эффектно.

Голый Марк Донатович съезжился на диване, в ужасе глядя на привидение в черном. Увидев Фандорина, закричал с явным облегчением:

— Ой, это вы! А я подумал кто-нибудь из пациентов. У меня тут буйных хватает. Кто это с вами?

— Моя ассистентка, — сурово произнес Николас. — *Моему* появлению вы, кажется, не очень удивились?

Зиц-Коровин потянулся за одеждой.

— Вы же частный детектив или что-то в этом роде? Я понимаю, вас наняла моя жена. Вы выполнили свою работу, застали меня, так сказать, на месте преступления. Но только зачем бить Кариночку? Это, знаете, уже бандитизм.

— Я ее вырубил, чтоб не набросилась, — сказала Валя. — Или стрелой отравленной не пальнула.

Марк Донатович застыл с носком в руке.

— Какой еще стрелой? Вы бредите? Она умеет стоять на голове и заниматься любовью в позе лотоса, она чемпион Москвы по бесконтактному карате, но, уверяю вас, Кариночка — милейшее существо, мухи не обидит. Как вам не стыдно! Вы не имели права применять насилие! У вас отберут лицензию!

— Хватит дурака валять! — рявкнул выведенный из себя Николас. — Вы нам лучше про фримасонского бога расскажите. И про любичинский коллектор. Не изображайте удивление, вы должны были знать, куда девались трупы. Ведь этой девчонки, — он кивнул на неподвижное

тело, лежавшее на полу, — десять лет назад у вас не было. Были какие-нибудь другие. Мальчики, или девочки, или мужчины с хорошими навыками убийства. У нас в стране со времен Афганистана полным-полно отлично подготовленных убийц с расстроенной психикой и отличной внушаемостью. Вы использовали их, чтобы подчинить своей воле Сивуху. Крутили этим «вольным каменщиком», как хотели. Опутали по рукам и ногам: тут и фри-масонские «чудеса», и больной сын. Что вы здесь делаете с Олегом? Он, действительно, так болен или это всё ваши фокусы? Молчите?

Главный врач, действительно, молчал. С одной стороны, это было неудивительно — ошарашен, растерян, раздавлен. Но почему тогда взгляд доктора делался всё спокойнее, а движения всё уверенней? Застегнув последнюю пуговицу на рубашке, Коровин присел на корточки возле голой секретарши, как ни в чем не бывало пощупал ей пульс.

Это была уже наглость.

— Ничего, сейчас я выведу вас из равновесия, — пригрозил Фандорин. — Позвоню Аркадию Сергеевичу, объясню ему, что он был при вас дрессированным медведем. И с удовольствием понаблюдаю, как зверь растерзает своего укротителя. Не знаю, как насчет всего остального, но колодца с трупами он вам точно не простит. Попробовали свалить всё на Игоря, да? А когда не вышло, убрали беднягу. Но вы просчитались. Игорь перед смертью успел сообщить мне, что

виновника нужно искать в клинике. Вам конец, понятно?

Марк Донатович прикрыл Карину халатом. Надел очки.

— Вы не от жены. Это уже неплохо. Еще из ваших слов я понял, что Игорь погиб, что в каком-то коллекторе найдены какие-то трупы. И вы почему-то решили, будто к ним имею отношение я. Могу я узнать подробности?

С язвительной улыбкой Николас сказал:

— Извольте. В заброшенном коллекторе, про который вам, конечно, ничего неизвестно, найдены тела людей, в разное время оказавшихся на пути вашего спонсора. Аркадий Сергеевич — человек увлекающийся, но весьма неглупый. Представляю, как вы потешались над ним, когда он хвастался своей «чудесной силой». Про «вольного каменщика» он вам рассказывал? Наверняка. Надо думать, это и натолкнуло вас на продуктивную идейку — взять функции фри-масонского бога на себя.

— Нехорошо, — вздохнул Зиц-Коровин. — Господин Сивуха, в самом деле, человек увлекающийся. Вполне может поверить в вашу версию. Тем более, что и про каменщика, и про чудеса он мне действительно рассказывал. Мы же с ним знакомы больше десяти лет.. Но погодите ему звонить, сначала выслушайте меня. По двум причинам. Во-первых, представьте себе, ну просто предположите, что ваша стройная гипотеза ошибочна. Ну, конечно, я умею манипулировать волей и поступками людей, это

часть моей профессии. Иначе я не смогу помочь моим пациентам. Не скрою, это приносит мне большое удовлетворение, что тоже в своем роде патология. Да, иногда я использую психологические методики в личных целях — особенно когда имею дело с хорошенькими женщинами. — Доктор показал на бесчувственную секретаршу. — Но я не монстр и тем более не убийца. Вы врываетесь в интимный момент, бьете ни в чем не повинную девушку, пугаете меня до полусмерти. Так можно импотентом остаться. А мне, знаете ли, и без того уже 58. Мало того, — всё больше раздражаясь, повысил голос врач, — вы собираетесь натравить на меня акцентуированного невропата Сивуху, который, находясь в состоянии аффекта, вполне может меня избить, покалечить...

— Убить и труп на куски разодрать, — подхватила Валя. — Еще мало тебе будет, крыса. Оборотень в халате!

— Мерси на добром слове, — поклонился Марк Донатович. — А если, повторяю, вы ошибаетесь?

— Маловероятно, — угрюмо сказал Фандорин. — Кто еще столько лет был связан с Сивухой? К кому кроме вас Игорь мог везти меня в клинику?

— Есть у меня одно предположение... — Коровин развел руками. — Довольно дикое, но не более дикое, чем то, что вы тут наговорили... — Он задумчиво добавил. — Странно, но меня бы это не удивило. Я всяких патологий насмотрел-

ся, но от этого пациента у меня иногда, знаете, мороз по коже.

— От какого пациента? Про кого вы?

Доктор ответил невпопад — вопросом на вопрос:

— Вы когда-нибудь слышали про гипопитуитаризм?

— Что-что?

Объяснить Коровин не успел — из приемной донесся голос:

— Марк Донатыч, это Котелков из охраны. У вас всё в порядке? Тут звонок был...

Фандорин испугался, что главврач, воспользовавшись ситуацией, позовет на помощь, но Коровин нервно оглянулся на секретаршу и крикнул:

— У меня все нормально. Что за звонок?

— От пациента одного, — в голосе охранника звучало явное смущение. — Будто в окно на вашем этаже влезли две, то есть два... ну короче, две ниндзи... Мы на всякий случай проверили. Во второй процедурной, правда, окно открыто. Вот и осматриваем.

Главврач подал Николасу успокаивающий знак.

— Нет-нет, это я забыл закрыть. А пациентов наших вы знаете. Ну какие ниндзя, подумайте сами? Вы-то ведь нормальный.

Из приемной донесся сконфуженный смех.

— Погодите-ка, Котелков, я с вами.

Коровин быстро вышел из кабинета — не хватать же его было при охраннике.

— Подождите меня здесь, — обернулся Марк Донатович к Фандорину, оказавшись в безопасности. — Я скоро вернусь. И, может быть, сообщу вам нечто интересное.

Сделал ручкой, наглец, и был таков.

— Что вы стоите? — схватила Нику за руку помощница. — Сейчас они с Котелковым этим еще мордovorотов приведут! Бежим через балкон!

— Никого он не приведет. — Николас с нарочитой неторопливостью отошел к книжным полкам. — Скандал не в его интересах. Думаю, просто смоемся, и всё.

— И вы так спокойно про это говорите? Он же гад, убийца!

Странно, но Фандорин уже не был в этом уверен на сто процентов.

— Подожду 15 минут. Не вернется — позвоню Сивухе.

— А что сразу-то не позвонить?

Николас укоризненно покачал головой:

— Чтобы «акцентуированный невропат» в самом деле убил Коровина и на куски разорвал? Хочет бежать — пусть бежит. Это будет равносильно признанию. Хватит трупов. Их в этой истории и так слишком много.

Миниатюрная брюнетка простонала, зашевелилась. Как некстати! Сейчас еще с ней объясняться!

Но прежде чем Ника придумал, что скажет коровинской секретарше, Валя быстро шагнула вперед и стукнула несчастную Карину по затылку еще раз. Та затихла.

Фандорин поморщился:

— А вдруг она, действительно, не при чем?

Валя (тоже еще моралистка) отрезала:

— Не будет на рабочем месте бардак устраивать. Я, например, себе такого не позволяю! Ничего, полежит с полчаса и оклемается... Шеф, ну вы даете! Нашли время книжки читать!

Гипо... Гипо-питу... Николас листал медицинскую энциклопедию.

Вот оно.

«Гипопитуитаризм (синдром Симмондса, синдром Шиена). Заболевание, характеризующееся снижением и выпадением функции передней доли гипофиза или аденогипофиза. Гипофиз или питуитарная железа состоит из двух долей — передней и задней. В передней доле гипофиза происходит продукция шести гормонов (адренокортикотропин, пролактин, соматотропин, фоллитропин, лютропин и тиротропин). При гипопитуитаризме продукция всех гормонов гипофиза резко снижается или исчезает. В результате резко снижается функция периферических эндокринных желез, работу которых контролируют гормоны гипофиза», — читал Фандорин, мало что понимая.

Валентина коротала время, разглядывая фотографии на стене. Кажется, среди пациентов Зиц-Коровина попадались люди известные.

— Ух ты, и Наволочкина у него лечится! — восхитилась Валя. — То-то она на куклу похожа.

— Кто? — рассеянно спросил Фандорин.

— Балерина. Вы чего, телевизор не смотрите?

«К недостаточности функции гипофиза могут привести аномалии развития гипофиза. В послеродовом периоде при патологических родах может произойти некроз передней доли гипофиза. При полном некрозе передней доли это состояние называется синдромом Симмондса, при частичном — синдромом Шиена. При гипопитуитарном синдроме происходит разрушение гормонопродуцирующих клеток передней доли гипофиза».

Ну и что, пожал плечами Николас. Какое всё это имеет отношение к трупам в коллекторе?

— И у Грызунова тоже фаршированная башка? — обнаружила на стене Валя известного парламентского деятеля. — Класс!

«Самым ранним признаком заболевания обычно бывает недостаточность со стороны гонадотропной функции гипофиза — снижение количества гормонов гипофиза регулирующих функцию половых желез. Если гипопитуитаризм возник в детстве или имеет наследственную природу, нарушается развитие в период полового созревания. Половое созревание задерживается, формируются евнухоидные пропорции тела, задерживается костный рост скелета. Не формируется либидо и потенция, вторичные половые признаки выявлены неявно. Не выражено оволосение в подмышечных впадинах и на лобке; замедляется рост бороды и усов; уменьшаются в размерах яички и предстательная железа; мышечная ткань атрофируется и заменяется на жировую. Больной, страдающий врожденным гипопитуитаризмом в острой форме, из-за замедленности пубертатного процесса нередко выглядит...»

— Ишь, пижон, бородку носил, крашеную! — снова помешала сконцентрироваться Валя. — Зря сбрил, так он лет на десять моложе смотрится.

— Да кто «он»? — раздраженно спросил Николас.

— Коровин. Вот он тут, с Олегом, гением этим.

Не выпуская том из рук, Фандорин подошел. Действительно, с темной бородкой Марк Донатович выглядел гораздо свежее.

Николас широко раскрыл глаза и неинтеллигентно ткнул пальцем:

— Смотри, что это?!

15. ФУКАИ МОРИ

— Как что? — не поняла Валя. Главврач и Олег были сняты на крыше какого-то здания, наверное, этой же клиники. Во всяком случае на заднем фоне было видно Москву-реку и Храм Христа Спасителя. — Собор строят.

— Да его давным-давно достроили!

— Точно. То-то доктор моложе выглядит. А я подумала, из-за бородки.

— Доктор-то моложе, но Олег!

Глаза Фандорина вернулись к статье о дико-винном заболевании и прочли предложение до конца: *«Больной, страдающий врожденным гипопитуитаризмом в острой форме, из-за замедленности пубертатного процесса нередко выглядит намного моложе своего настоящего возраста».*

— Не может быть! Вот он куда пошел! — закричал Николас. — Но это... Скореей, бежим!

Он первым кинулся в коридор, но Валя схватила Фандорина за руку.

— Шеф, куда я через охрану в таком прикиде? В окно надо!

— Нет уж, с меня хватит.

И каждый спустился своим путем: Ника по обычной лестнице, Валя по пожарной.

На первом этаже, в центральном коридоре, который было никак не миновать, звучали мужские голоса.

Прежде чем свернуть туда, Николас осторожно выглянул из-за угла.

Охранники, четверо.

— Почему я знаю? — сказал один, черноусый. Судя по голосу, тот самый Котелков. — Сказал, быть здесь, значит будем. Врубится сигнал — побежим. Наше дело маленькое.

В руке он держал какой-то маленький, черный прибор, не сводя с него глаз.

Значит, Марк Донатович отправился туда один! Нельзя терять ни секунды.

Фандорин вышел в коридор и громко спросил:

— Главврач у Олега? Здравствуйте.

Все к нему обернулись. Кажется, узнали.

— Здравствуйте. Да. А вы не в курсе, что там случилось?

Значит, Коровин ничего им не объяснил, только велел быть наготове, понял Николас.

Он тоже ничего объяснять не стал, потому что некогда. Только спросил про прибор:

— Это для срочного вызова? Отлично.

И побежал к двери, ведущей во двор.

Там перешел на полурысцу. Гипопитуитаризм! Бред какой-то!

Как он ни спешил, а Валентина поспела к ангару первой.

Сидела на ступеньке с таким видом, будто ждет уже очень давно.

— Что за гонки, шеф? Чего мы так с места сорвались?

— Проверим «дикое предположение» доктора Коровина.

Фандорин толкнул дверь.

В ангаре горел свет, причем в нескольких местах, но поскольку помещение было таким большим, оно все равно тонуло в полумраке.

Играла музыка. Мягкий голос, не поймешь, мужской или женский, тихо пел грустную песню на незнакомом языке.

Коровина вошедшие увидели почти сразу. Он сидел на диване, спиной к двери. А вот Олега видно не было.

— Марк Донатович! — позвал Фандорин. — Решили к вам присоединиться. А где Олег?

Доктор не удостоил ответом. Даже не шевельнулся. Это было по меньшей мере невежливо.

— Послушайте, — сердито продолжил Николас, направляясь к дивану. — Свалить всё на Олега Сивуху у вас не получится. Ну хорошо, предположим, он гораздо старше, чем кажется. Но это еще ничего не доказывает. Нездоровый, физически слабый человек не мог совершить все эти..

Он замолчал.

Главный врач сидел, откинув голову назад. Глаза его были закрыты.

— Что с вами?!

Валентина бросилась к дивану, тронула доктора за плечо, и тот медленно повалился вбок.

— Шеф, он мертвый! А это что за штука?

Она подобрала маленькую пластмассовую коробочку, выпавшую из руки Коровина.

Ответ на этот вопрос прозвучал откуда-то слева, из неосвященной зоны:

— Это тревожная кнопка. Чтоб охрану вызывать. В заведении, где много психов, без этого нельзя.

Фандорин и его помощница резко повернулись. Из темного угла неторопливо надвигалось диковинное существо: белый парик, красное кимоно, вместо лица — остроухая маска собаки.

— *«Ицувари я, усо-о матои, татисукуму коз мо наку...»* — подпело песне существо голосом Олега. — Дай-ка сюда. — В широком рукаве кимоно что-то шелкнуло, что-то блеснуло, и коробочка сама собой вырвалась у Валентины из пальцев. Черным пятном мелькнула в воздухе и оказалась в руке у ряженого. — Зачем нам охрана? — Он уронил тревожную кнопку и как бы по рассеянности наступил на нее ногой. — Ой. Раздавил.

— Спокойно, Валя, — шепнул Фандорин ассистентке, ошарашенно разглядывавшей свои пальцы. — Это такое изобретение. Будь наготове. Возможны сюрпризы. — И громко спросил. — Что с доктором?

— Инфаркт. Сердце не выдержало. Не жалел себя Марк Донатович, горел на работе. Вдвоем с секретаршей. А возраст-то уже не юный.

Человек-собака хихикнул.

Нужно подыграть — сделать вид, что верю в инфаркт, сказал себе Николас.

— Надо скорей вызвать дежурного врача! Может быть, Марка Донатовича еще можно спасти!

— Нельзя, — вздохнул Олег. — Уже никого нельзя спасти. Поздно. Сами виноваты, Николай Александрович. Ай-кью у вас больно высокий. Вам только кончик ниточки покажи — весь клубок разматаете.

— О чем вы говорите? Я вас не понимаю.

Фандорин все еще пытался изобразить неведение. Очень уж ему не нравились широкие рукава кимоно. Мало ли что там у Олега еще припасено. Например, шприц-пистолет, стреляющий иглами.

Здесь правая рука юноши (а может, совсем даже и не юноши — черт знает, сколько ему на самом деле лет), действительно, нырнула в левый рукав. Но достала не шприц и не пистолет, а обычный дистанционный пульт.

— Смотрим на экран, — показал Олег на компьютер с большим монитором.

Нажал кнопку, и на дисплее появился кабинет главного врача. На полу сидела секретарша Карина, держась за ушибленный затылок. Заторможенно осматривалась вокруг.

Из-под маски снова раздался смешок.

— Это всё Игорек, золотые руки. Скучно ему тут было, по всей клинике объективов понатыкал. Чтоб меня развлечь. Обожаю подглядывать. Цирк — за психами наблюдать. Да и за персоналом тоже. Такого насмотришься.

Голая девушка на экране жалобно позвала:

— Марик! Ты где? Что со мной?

Олег хихикнул:

— Насмешили вы меня, Николай Александрович. Вообразить, что эта киска могла Игорька замочить!

Он снял маску, сдернул белый парик, и по плечам рассыпались длинные золотистые волосы. Такие же, как у девчонки, бросавшей в корзину баскетбольный мяч.

— Шеф, пора? — шепнула из-за спины Валя. Кажется, ей не терпелось ринуться в бой.

А Николас все не мог поверить, хотя сомнений уже не оставалось. Худощавое полудетское лицо убийцы смотрело на него спокойными, совсем не юными глазами.

— Это вы позвонили в охрану? — спросил Фандорин.

— Конечно я. Только они, идиоты, долго проваландались. Коровин успел наболтать вам лишнего. И себя погубил, и вас.

— Не надо, Валя, — остановил Николас рванувшуюся с места ассистентку. — Идем отсюда. Пускай им занимается охрана. Или милиция. Мы свое дело сделали.

Он чуть не силой потащил помощницу к двери. Сзади доносился тихий, с придыханием смех.

Дверь с треском захлопнулась перед самым их носом.

— Это умный дом, я сам здесь всё спроектировал, — сообщил Олег, покачивая пультом. — Куда вы торопитесь? Зачем нам посторонние? Что мы, без охраны не разберемся?

— Разберемся! — крикнула Валя, вырвав руку. — Пустите, шеф! Ты кем себя воображаешь, урод?

Сивуха-младший церемонно поклонился:

— Я Инуяся, японский пес-демон. Не смотрела мультик? Классный. И песня из него. — С неожиданной ловкостью он увернулся от атакующей Вали, вскочил на стол, оттуда на другой и снова подпел саундтреку. — *«Бокутати ва самаё-инагара икитэ ику доко мадэ мо...»*

Ассистентка коротко оглянулась на Нику:

— Шеф, вы главное не суйтесь помогать. Займите место в партере. Сама справлюсь.

Она тоже скакнула на стол, смахнув ногой монитор — он с грохотом полетел на пол.

Загоняет в угол, понял Николас и отошел подальше — знал, что Валентина отлично обойдется без его помощи.

Отступить Олегу было некуда: сзади стена, над головой металлическая галерея, опоясывающая весь периметр ангара.

— Иди сюда, песик, це-це-це, — позвала Валя, перепрыгивая на соседний стол и снова сшибая ногой компьютер — надо думать, из чистого вандализма.

— Инуяся не столько собака, сколько демон, — сообщил Олег, засовывая длинные полы кимоно за пояс. — Он, например, летать умеет.

Взялся рукой за какой-то свисающий трос. Дернул — и вдруг взмыл вверх, оказавшись на втором ярусе, сплошь увешанном постерами. Валя только и успела, что голову задрать. Заози-

ралась по сторонам, увидела лесенку, кинулась к ней.

Олег поджидал противницу, прохаживаясь по галерее, среди афиш и постеров, густо облепивших стену. Николас разглядел там и Человека-паука с Суперменом из фильмов, и Красную шапочку из диснеевского мультлика. Был там и герой японских анимэ пес-демон Инуяся.

— Бой Черного Ниндзя с Псом-Демоном! — объявил Олег, вставая в картинную бойцовскую позу. — Потерпите, Николай Александрович, это недолго.

Валя бежала ему навстречу по галерее, повизгивая от ярости.

— Я тебе дам «недолго»!

Высоко подпрыгнула, метя противнику ногой в грудь. Но удар пришелся по воздуху.

Инуяся

Олег легко перемахнул через перила, пружинисто приземлился и, неестественно высоко подпрыгнув, оказался на галерее с противоположной стороны.

— Это у меня шузы на пружинной подошве, — похвастался он. — Лично изобрел. Я же гений. Сейчас песню по второму разу запущу. Момент. Слова классные, с сайта списал.

Щелкнул пультом и запел вместе с саундтреком:

— «Фукаи, фукаи мори-но оку-ни...»

— Я тебя все равно достану! — крикнула Валентина, бросаясь по галерее вдоль стены.

— Всё, надоела, — пожаловался Олег. — Петя мешает.

Снова нажал на кнопку, и у фандоринской ассистентки под ногами провалился люк. Валя полетела со второго яруса, ударилась о металлический шкаф и растянулась на полу.

Вскрикнув, Николас кинулся к ней.

Помощница лежала ничком, неловко подвернув руку. Кажется, жива, но без сознания.

— Отрубилась? — равнодушно спросил сверху Олег. — Туда ей и дорога. Хоть поговорим спокойно.

Он взялся за трос, грациозно соскользнул вниз — широкие рукава кимоно взметнулись диковинными красными крыльями.

Фандорин попятился и выставил вперед кулаки, хоть это было совершенно бесполезно. Странный человечек непонятно какого возраста не доходил ему и до плеча, а все же Николас был полностью в его власти.

О том же заговорил и Олег:

— Бросьте, Николай Александрович. Вам со мной не справиться. И потом, я ничего плохого вам не сделаю. Я только подонков в ноль вывожу, а хороших людей не трогаю. В тот раз не дал нам доктор по душам поговорить. А ужасно хочется. Мне кажется, вы единственный, кто сможет меня понять. Вот скажите, как по-вашему: легко это — быть старше всех на свете?

— А... а сколько вам лет? — спросил Фандорин, опуская кулаки.

— Скоро тридцать. Неважно, сколько. Важно, как ты жил. А я жил очень интенсивно. И спал всего по два часа в сутки. Так что мне тысяча лет, Николай Александрович. И прожил я их в полном одиночестве. Папа у меня смешной, славный, я его очень люблю, но он как ребенок. Всё в кубики играет, вольный каменщик. Папа ко мне прислушивается, во всем со мной советуется. Ведь я — гений. Меня обожает, пылинки сдувает, только поговорить с ним по-настоящему нельзя. Я для него не человек, а драгоценная фарфоровая статуэтка. Вы комиксы Фрэнка Миллера знаете? Там у всякого мерзкого уroda, кото-

Мерзкий урод из комикса
Фрэнка Миллера

рый по ночам девочек насилует и убивает, обязательно есть какой-нибудь могущественный папаша. Папаша в курсе, но прикрывает сынулю, потому что тот — единственный свет в окошке. В моем случае, правда, не совсем так.

Во-первых, папа, святая душа, про мои бабы ничего не знает. А во-вторых, никого изнасиловать я не могу. — Олег горько засмеялся. — Гипофиз подкачал. Папочка, бедный, платит бешеные бабки за гормональную терапию, все надеется внуков иметь. Зря. Покойник Коровин за десять лет добился только того, что у меня пушок на верхней губе наметился и яйца в мошонку опустились. Обычно у мальчиков это происходит до трехлетнего возраста, а у меня в двадцать два. — Он снова хохотнул, но теперь уже зло, ядовито. — Да если б я и мог девок трахать, нипочем не стал бы. Фу, гадость: мокрое, склизкое, пахучее. — Олега всего передернуло. — Хорошо, мамочка у меня померла. А то не знаю, как бы вынес ее поцелуйчики. Что за мерзость — другого человека слюнями мазать.

Он опять гадливо поежился, а Фандорин подумал: тут не только с гормонами неладно, с психикой тоже проблемы.

— Значит, вы убивали «подонков» ради отца?

— А ради кого еще? — удивился Олег. — Единственный человек, которому нужен такой урод, как я. Он за меня жизнь отдаст, буквально. Эх, рассказать бы вам, как изобретательно проворачивал я «чудеса»! Особенно, когда папа мне реанимобиль подарил. Столько новых воз-

возможностей открылось! Удобная штука: можно с мигалкой гонять, правила нарушать. Оформлен чин чинарем, приписан к Центру физиологии мозга. У меня там компьютерный центр, лаборатория, гримерка. Могу превращаться хоть в ангела, хоть в дьявола, хоть в Красную Шапочку. К Рулету вашему я Спайдерменом нарядился. Перчатки на липучках, тапки с присосками — чтоб по отвесной поверхности ползать. Голливуд отдыхает. Эх, жалко, не видел никто. Какое кино можно было бы снять! Реалити-шоу нового типа, ей-богу. Зрители все поумирали от восторга.

Он рассмеялся, довольный своей шуткой, и вдруг всплеснул руками:

— Хотя постоит! Один эпизодик все-таки заснят для потомства. Называется «Допрос партизана в гестапо». Показать? — Он стал рыться среди коробок с дисками, сваленных на столе. — Снято студией «Лузгаев-продакшнз». Рабочее название «Грязный папочка и зеленая папочка». Черт, куда я его задевал?

— Я понимаю, почему вы ... устранили врагов вашего отца. Но зачем вы убили всех, кто имел отношение к рукописи? Неужели она того стоит?

— Чего «того»? — Олег обернулся, забыв о диске. — Жизни нескольких вредных насекомых? Вконец сколовшегося наркомана, который грабит на улице людей? Подлого хапуги Лузгаева? Рублевской стервы Марфы Захер? Или, может, алчной старушечки Моргуновой? Какой тонкий, изящный этюд я для нее подготовил! Хотел, что-

бы рассказала обо всех, кто к ней являлся с разными кусками рукописи. Увы, не рассчитал эффекта. Гикнулась старушка. — Молодой человек брезгливо поморщился. — А что до рукописи... Папе так хотелось ее получить. Он никогда не жалел для меня игрушек. Что ж я, отцу родному приятное не сделаю? Между прочим, когда рукопись расплзлась по всей Москве, это я посоветовал папе вас ангажировать. Посмотрел на вас тогда в коридоре, послушал, как вы с Морозовым объясняетесь, и понял: этот докопается. Вроде дурень дурнем, Паганель какой-то, но видит то, чего другие не видят. И мозги не с правой резбой, как у всех, а с левой. Ах, как приятно поболтать с человеком, перед которым можно не прикидываться! Вы спрашивайте, спрашивайте, а то время-то идет. Охране надоест доктора ждать, припрутся сюда, и разговору конец. У Коровина-то в груди иголочка торчит. Как у Игорька. Так что номер с инфарктом не пройдет. И возьмут меня под белы ручки. В тюрьму, конечно, не посадят — я окажусь психически невменяемый. Но от общества, как говорится, изолируют, причем надолго. До тех пор, пока папа не вытащит, а это, я думаю, минимум полгода-год.

Олег рассмеялся, а Николас подумал, что скорее всего именно так и будет. Через какое-то не слишком продолжительное время врачи, соответствующим образом простимулированные Сивухой, дадут заключение, что больной излечен, опасности более не представляет. И убийца выйдет на свободу. У нас в стране с сыновьями боль-

ших людей ничего особенно плохого случиться не может. То-то Олег так благодушен. Знает, что бояться ему нечего.

— Значит, первые две части рукописи Аркадию Сергеевичу отправили вы?

— А кто ж еще? Теперь вся рукопись в сборе, папина мечта осуществилась. Первую часть мне отдал Рулет, а я ему за это вручил баян с таким ломовым концентратом, что улетишь — не вернешься. Вторую часть я получил от героя-партизана. Хоть пыток он и не выдержал, все равно вечная ему слава. Третью гениально добыли вы — у меня не получилось. А четвертая, последняя, вон она. — Олег достал из ящика синюю кожаную папку и подмигнул. — Херувимская. Тут я без вашей дедушки обошелся. Между прочим, чисто взял, без мокрухи. Я же не зверь человека просто так мочить, если он ко мне по-доброму.

— А Игорь? — спросил Николас. — Он ведь вам помогал. Зачем же вы его убили?

— Помогать-то помогал, но больше по мелочи. Он после истории с иконой малость не в себе был. «Не убий» — и баста. Перестарался я тогда, в часовне. — Олег прыснул, но объяснять ничего не стал. — Игорек научил меня массе полезных вещей. Махать руками-ногами, стрелять и прочему подобному. Но он тупой был, терминатор с дистанционным управлением. Все основное я делал один. Однако к литагентше Захер я взял его с собой. Знал, что баба железная, не труханет, как Лузгаев. Придется как следует

трясти, тут без профессионала не обойдешься. — Молодой человек скривился. — Ну и вышла лажа. Марфа эта, сука, в лицо мне плюнула своей гнойной, мерзкой слюной. — Он передернулся. — Ненавижу, когда хватают потной рукой, или плюются, или собака подбежит и лизнет! Мне папа один раз сдуру щенка подарил. Так я его... Ладно, неважно. Дело прошлое. Этот, — Олег кивнул на мертвого Зиц-Коровина, — как увлечется чем-нибудь, тоже всё слюной брызгать начинал. Потом минут по сорок губкой оттираешься. И еще трогал все время. То обнимет за плечо, то по волосам погладит. А у самого ладони липкие... Гадость! — Психопат сконфуженно улыбнулся. — Короче, когда сучка эта в меня плюнула, я малость сорвался. Со мной это бывает. Правда, нечасто... В себя пришел, только когда Игорек меня оттащил. Крестится, бормочет: «Сатана, сатана!» А тут еще, как назло, коллектор нашли. Ну, Игорек сопоставил и с перепугу ноги сделал. Помощничек... Ничего, если я «Фукаи мори» еще раз заведу? Уплываю от этой песни.

Он нажал кнопку на пульте, и японская песня заиграла снова, а Олег запел:

— *«Фукаи, фукаи мори-но оку ни има мо китто окидзари-ни сита кокоро какуситэру ё...»*. «Фукаи мори» это по-японски «густой лес», «чаша», — объяснил он. — Песня будто обо мне написана. Там про одинокое сердце, которое сохнет и ржавеет в темном-претемном лесу. И еще про время, которое вдруг взяло и свихнулось. Прямо как у

Шекспира: «The time is out of joint».¹ Мой случай. Это я — вывихнутый сустав времени.

Морщина перерезала чистый лоб. И Никола-су стало жалко этого калеку с его вывернутыми набекрень мозгами. Представить только: время идет, меняется жизнь, взрослеют или стареют окружающие, а ты от них отстаешь, и с каждым годом всё больше. Твои ровесники оторвались вперед, ты остался один в глухой чаще. Как это, наверное, горько и обидно. Поневоле начнешь всех ненавидеть. Можно не сомневаться, что врачи признают этого преступника психически больным и без усилий Аркадия Сергеевича.

— Уф, от души наговорился. Впервые в жизни. — Олег растроганно шмыгнул носом — совсем по-детски. — Умолкаю. Пора и честь знать.

Фандорин завздыхал и по привычке профессионального советчика с ходу прикинул, как наименее болезненно разрешить ситуацию.

— Я думаю, нужно поступить так. Не будем дожидаться охраны. Следует немедленно позвонить Аркадию Сергеевичу и всё ему рассказать. Он придумает, как обойтись без наручников. Во-первых, существует добровольная явка. Во-вторых, вы ведь, действительно, страдаете тяжелым заболеванием мозга. Я понимаю, что рассказать такое отцу непросто. Но ведь вы совершили все эти... ужасные вещи ради него. Он поймет и простит. Если вам тяжело, ему могу позвонить я. Хотите?

¹ «И вывихнут у времени сустав» (англ.).

— Спасибо, Николай Александрович. Но лучше я сам. — В глазах Олега сверкнули смешливые искорки. — Папочка, действительно, ужасно расстроится. Еще бы! Человек, которого он нанял отыскать рукопись, оказался преступником. Сначала убил доктора, потом попробовал убить больного ребенка, единственного сынулю.

У Фандорина от изумления отвисла челюсть. Он подумал, что ослышался.

А Сивуха-младший покатился со смеху.

— Вы правда поверили, что я добровольно в психушку пойду? Чтоб чужие дядьки и тетки трогали меня руками, щупали, мяли, совали ложку в рот, держали в общей палате? Чтоб санитары меня под душ Шарко затаскивали? Да я лучше сдохну. И потом, разве могу я так сильно огорчить папу? Нет-нет, я никого не убивал. Это всё вы. Вы и убили-с, как сказано в романе писателя Достоевского. Молчите, молчите! — поднял он руку, видя, что Николас хочет что-то сказать. — Минутку. Дайте реконструировать ситуацию...

Он сел на стол, подпер рукой подбородок, приняв позу мыслителя, и уставился на Николааса, который всё не мог прийти в себя.

— Есть, готово! Дело было так. Вы вступили в преступный сговор с Игорем, профессиональным киллером, который по собственной инициативе уничтожал врагов своего босса. С какой целью? Это ясно: он хотел прибрать папулю к рукам, собирался шантажировать. Это одна история. Другая связана с нечистоплотным частным сыщиком

Н.А. Фандориным. Получив от депутата А.С.Сивухи задание найти рукопись Достоевского, вы при помощи злодея Игоря разработали дьявольский план. Убивали людей, имевших отношение к рукописи, а Игорек прятал трупы в ту же яму — чтобы папе было трудней отвертеться. Но по счастливой случайности захоронение было обнаружено, планы преступников были сорваны. Героические работники правоохранительных органов сработали оперативно, и Игорек психанул — пустился в бега. Тогда ваша помощница и сообщница по вашему приказу и на глазах у свидетелей убила беднягу отравленной иглой. Понимая, что земля горит у вас под ногами и боясь, что депутат А.С.Сивуха до всего докопается, вы с вашей телохранительницей проникли на территорию клиники, чтобы взять меня в заложники. Вы знали, что ради сына папа согласится на всё. Ваша девка убила доктора. Тем же способом, что Игоря. Потом стала гоняться за мной по лестнице, упала, свернула себе шею. (Шею я ей потом доверну, не проблема.) Ну вот и всё. По-моему, довольно складно. Кое-какие детали пока не проработаны, но это мы с папой и юристами после обмозгуем. Что скажете, Николай Александрович, разве я не гений?

Он смотрел на замороженно слушающего Нику с торжествующей улыбкой. Можно было не сомневаться, что всё произойдет именно так, как описало это маленькое чудовище. Вполне правдоподобная, а главное очень удобная версия. Волки будут сыты, а овцы... Но кого волнуют овцы?

— А что же вы про себя не спросите? — вкрадчиво спросил Олег. — Неужели не интересно?

У него была такая тонкая, хрупкая шея. Казалось бы, сдави ее как следует — и дух вон. Но Фандорин видел, как этот хилый на вид парень позабавился с непобедимой Валентиной — будто кошка с мышью. Посопротивляться, конечно, можно. Однако исход известен заранее.

— И так ясно, — сказал он сухо, чтобы не дай Бог не дрогнул голос. — Вы нанесете мне травмы, несовместимые с жизнью. Кажется, в протоколе вскрытия пишут именно так.

— А вот и не угадали! — Олег картинно простер руку. — Организатор дьявольского сговора, человек сомнительной профессии Н.А. Фандорин, увидев, что его inferнальная помощница погибла, не пожелал предстать перед правосудием и наложил на себя руки. Это, извините, не обсуждается. Но я дам вам выбор.

— Какой?

А если рвануть с места, как в баскетболе, и толкнуть его в грудь, прикидывал Николас. Ну и чего я добьюсь? Дверь-то все равно заперта. Окон нет. А он грохнется со стола, да снова вскочит.

— Вы можете выбрать смерть легкую и красивую — или ужасную и безобразную.

Убийца прыгнул со стола, тем самым положив конец фандоринским сомнениям — толкать или не толкать. Подошел к висевшему на стене шкафу и открыл дверцы. Выехал окованный металлом столик, а внутри на полках стояли какие-

то стеклянные приборы, емкости, пузырьки — целая химическая лаборатория.

— Вот. — Олег взял маленькую коробочку, вынул из нее таблетку. — Клеопатрин. Очищенный экстракт яда египетской кобры. Известен с античности. В концентрированном виде вызывает мгновенную смерть. Без мучений, без рвоты. На лице отравившегося даже застывает улыбка. Возможно, конвульсивная, но все равно лежать с улыбкой в гробу — это красиво.

Он открыл бутылку минеральной воды, налил в стакан, выпил.

— Много болтаю, горло пересохло. — Бутылку поставил на край стола, таблетку положил рядом. — Вам, запить. Только, пожалуйста, прямо из горлышка. Это мой любимый стакан. Если кто до него губами дотронется, выкидывать придется. Жалко.

— А если я глотать таблетку не стану?

— Если вы откажетесь от таблетки, или начнете звать на помощь, или, чего доброго вздумаете на меня наброситься, — Олег подмигнул, давая понять, что ход мыслей собеседника для него тайной не является, — тогда вы изберете иной способ самоубийства. Расшибете себе голову об один из этих столбов.

Он показал на четырехгранные металлические колонны, подпиравшие потолок ангара.

— То есть на самом деле башку вам, конечно, проломлю я. А потом подтащу труп к столбу и приложу пробитым местом. Получится очень правдоподобно. Выбирайте: таблетка или вот это.

Молодой человек отошел в угол, где стояло японское чучело для кэндо, и вынул из гнезда деревянный меч.

— Хха! — выдохнул он, рассекая воздух молниеносным ударом сверху вниз. — И череп напололам. Меч я помою с мылом, никто не догадается. Да и не будут особо копать, папа позаботится. Ну так что? Таблетка и улыбка на лице или вышибленные мозги и похороны в закрытом гробу?

Всю последнюю минуту Николас медленно, как бы ненароком, перемещался вбок — туда, где у стены лежали всякие спортивные принадлежности. Оставалось преодолеть еще какие-нибудь два метра.

— Ну и зря. — Олег даже расстроился. — Предстоит унижительная сцена. Сейчас будете от меня убежать, орать во всю глотку. Кстати, это бессмысленно — тут полная звукоизоляция. А то умерли бы красиво, с достоинством, по-античному. Как Сократ или Сенека.

— Хрен тебе! — злобно выкрикнул Ника, должно быть, заразившись хамской лексикой от Валентины.

Он метнулся к стене и схватил с подставки бейсбольную биты.

— Не стану я от тебя бегать, огрызок!

Когда-то в юности Ник Фандорин неплохо играл в бейсбол, даже был лучшим хиттером школьной команды. Конечно, он не надеялся перефехтовать шустрого гения, но появилась одна идея — дикая, даже полоумная. Шанс она давала самый крохотный. Но утопающий ведь хватается и за

соломинку, а тут все-таки бита. Прочная, ухватистая, тяжелая.

Ника взял битку покрепче, встал в угрожающую позу.

— Ого! — Олег смотрел на него с радостным изумлением. — Беру свои слова обратно. Так даже интересней. Бой Пса-Демона с Красноволосям Дьяволом.

Он тоже встал в боевую стойку: руки подняты над головой, меч вытянут параллельно полу.

— Можно глоток воды? — попросил Фандорин.

Противник учтиво поклонился в пояс:

— Последнее желание осужденного всегда выполняется.

Подойдя к столу, на котором лежала таблетка, Ника плеснул в стакан воды и отпил.

— Эй, я же просил стакан не трогать! — закричал Олег. — Неужели трудно? Я теперь из него пить не смогу!

Ответа он не дождался. Ника молча двинулся навстречу врагу, помахивая своим оружием.

— Кяааа! — истошно возопил Пес-Демон, скакнул вперед и ударил мечом по бите.

Деревянный меч против бейсбольной биты

Потом еще, еще и еще — Николас еле успевал закрываться. Да не очень-то и успевал.

— Атари! — крикнул Олег, слегка коснувшись клинком его лба. — Снова атари! — Теперь меч несильно шлепнул Николаса по плечу. — И опять атари!

Последний удар — по колену — был довольно чувствительным.

Прихрамывая, Фандорин отступал к середине ангара. Его начинало охватывать отчаяние — из идеи ничего не выходило.

— Сделаем задачу более интересной, — объявил Олег и, достав из рукава пульт, открыл входную дверь. — Попробуйте прорваться. Ну-ка?

Николас скосил глаза. До двери было каких-нибудь пятнадцать метров. Нет, нечего и пытаться. Пустой номер.

В этот миг сзади раздался стон. Это зашевелилась Валя. Она еще не очнулась, но начала двигаться и даже приподнялась на локте, озираясь вокруг тусклым, невидящим взглядом.

— Двое на одного! — шутовским тоном провозгласил Олег. — Но Инуяся не сдастся!

Взгляд Вали остановился на черном прямоугольнике распахнутой двери — должно быть, оттуда потянуло свежим воздухом.

Ассистентка приподнялась на четвереньки и медленно поползла к выходу. Ее голова раскачивалась из стороны в сторону — похоже, сотрясение мозга.

— Идет бычок, качается, вздыхает на ходу, — продекламировал Олег, перемещаясь так, чтобы

перекрыть Вале дорогу. — Ой, доска кончается, сейчас я упаду..

Николас бросился на него, со всей силы нанес удар, но бита наткнулась на меч и вылетела у него из рук.

— Оп-ля! — удивился Олег. — И весь поединок? Нет, в кино так не бывает. Можешь подобрать свое оружие, благородный чужеземец.

На всякий случай Ника прикрыл голову скрещенными руками. Так не ударит — с переломанными запястьями самоубийства не получится.

— Берите, берите, — разрешил Олег, толкая Валу ногой — та бессильно завалилась на бок.

Фандорин сделал шаг вперед и осторожно наклонился.

Ухмыляющийся подросток посетовал:

— Ну что вы все молчите? Даже невежливо. Будто воды в рот набрали.

Пора!

Николас ринулся вперед и выплюнул ему в лицо согревшуюся во рту минералку.

— А-а-а-а! — захлебнулся воплем Олег. Выронив меч, зажмурился. — Гадость! Гадость!

Что было сил Ника пихнул его в грудь — так что тщедушное тельце отлетело метра на два и ударилось о металлический стол. Оно еще не успело грохнуться на пол, а Фандорин уже подхватил подмышки Валу и поволок к двери.

Ни разу не обернулся — дорога была каждая секунда. Догонит так догонит.

Кое-как перевалил через порог, столкнул безвольное Валино тело с крыльца и захлопнул за собой дверь.

— Помогите! На помощь! — крикнул он.

Вскочил, ринулся к главному корпусу.

Навстречу по дорожке бежали охранники.

— Туда... нельзя... опасно! — задыхаясь, пробормотал Фандорин. — Вызывайте милицию! Нет, ОМОН! Нет, спецназ!

Четверо здоровенных парней смотрели на него, как на сумасшедшего. Валю в ее наряде человека-невидимки они пока не заметили.

Николас попытался взять себя в руки, изъясняться понятней. А то они тут привыкли иметь дело с психами. Разбираться долго не станут — скрутят и смирительную рубашку наденут.

— Олег, сын господина Сивухи, впал в буйство. Мы с помощницей еле унесли ноги.

Он показал на Валю, которая свернулась калачиком на земле и снова погрузилась в забытие.

— А Марк Донатович где? — недоверчиво спросил Котелков.

— Убит.

Охранники переглянулись. Их лица сделались напряженными.

Один расстегнул кобуру.

Котелков (очевидно, он был старшим) быстро сказал:

— Даже не думай. Чтоб депутат нам бошки открутил?

— Сергеич, пули же резиновые.

— С этого хлюпика и резиновой хватит. А потом отвечай. Ничего, так скрутим. Только полегче, мужики, ясно?

— Вы не понимаете! — снова повысил голос Николас. — Он не хлюпик! Он вооружен и очень, очень опасен! Знаете что, я позвоню его отцу. Пускай сам решает, как быть.

Этому предложению Котелков обрадовался:

— Вот это правильно,

— Из ангара другой выход есть?

— Нету.

— Тогда будьте здесь и держите оружие наготове. Если выйдет, стреляйте своими резиновыми пулями. Сразу и без разговоров. За последствия я отвечаю. Единственное — отнесите мою ассистентку внутрь. У нее сотрясение мозга. Как раз по профилю вашей клиники.

Фандорин быстро вышел на улицу. Слава Богу, Саша не выкинула свой мобильный.

«Альфа-ромео» стояла на прежнем месте. Девочки внутри не видно — молодец, не высовывается.

Он подбежал, дернул дверцу.

— Скорее! Дайте теле...

Саши в машине не было.

16. ФОКУСНИК-МАНИПУЛЯТОР

Но испугаться Николас не успел. Заоглядывавшись по сторонам, он почти сразу увидел ее. Саша была в каких-нибудь тридцати метрах, просто стояла за фонарным столбом, поэтому он ее и не заметил. Девочка разговаривала по мобильнику, к Нике была повернута спиной.

Он хотел ее окликнуть, но Саша вдруг выскочила на проезжую часть и замахала кому-то рукой.

По улице на большой скорости неслись две машины: длинный лимузин и, прилипнув почти вплотную, большой черный джип.

Заскрежетали тормоза. Лимузин остановился, из него выскочил высокий мужчина в летнем светлом пальто, а из джипа в ту же секунду выпрыгнули двое телохранителей.

Сивуха!

В руке у депутата тоже был телефон.

Саша бросилась к Аркадию Сергеевичу и начала что-то говорить, показывая на место, где Фандорин с Валею перелезли через забор.

Не может быть... Этого просто не может быть! Наваждение какое-то!

Ника вскинул руку, чтобы потереть лоб. Это резкое движение его и выдало.

— Осторожно! — крикнул один из охранников.

Дюжие парни, двигаясь синхронно, прикрыли собой Аркадия Сергеевича и выхватили оружие.

— Эй, ты чего там спрятался? — позвал один. — Ну-ка, выйди на свет! Только медленно.

Глядя не на пистолеты, а только на Сашу, Николай вышел. Каждый шаг ему давался с трудом, ноги были как ватные.

Сивуха и Саша, обернувшись, смотрели в его сторону. Когда он попал в освещенную фонарем зону, узнали.

— Николай Александрович? — удивился депутат.

А Саша попятилась, споткнулась о бровку, чуть не упала.

— О господи! — со страданием выкрикнула она. — Простите меня, простите!

Развернулась и побежала прочь, по-девчоночьи выбрасывая ноги в стороны.

— Всё нормально, парни. Это свой, — сказал Аркадий Сергеевич.

Как телохранители опустили оружие и расступились, Фандорин не видел. Он стоял, опустив глаза. Ощущение было такое, словно в сердце воткнулся гвоздь — не острый, но длинный и, кажется, ржавый. От этого сердце тоже будто подернулось ржавчиной, как в японской песне. Но это было неплохо. Похоже на анестезию.

Зато мозг вышел из ступора и заработал четко, быстро. Онемение сердца явно было на пользу логическому мышлению.

Цепочка выстроилась моментально. Все звенья встали на свои места. Прояснилось даже то, о

чем прежде Николас не задумывался. Потому что сердце мешало.

Всё очень просто.

Саша с самого начала была подослана Сивухой. Тогда в подворотне она оказалась неслучайно и под колеса фандоринского автомобиля попала намеренно. Ей было поручено заманить Николаса в больницу. Выходит, Аркадий Сергеевич уже тогда знал о существовании Фандорина. Откуда?

Ах, Саша, Саша...

Теперь понятно, от кого Аркадий Сергеевич (а стало быть, и Олег) узнали про Лузгаева и про Марфу Захер. Понятно, почему Саша не выбросила мобильный — ей нужно было предупредить своего нанимателя о том, что Николас с Валея проникли на территорию Центра.

Ход мыслей, пронесшихся в голове магистра истории, очевидно, отразился на лице, потому что Сивуха сказал:

— Не судите девочку слишком строго. Ей надо брата спасать. Она честно выполняла условия договоренности со мной, но очень из-за этого мучилась. Неприятно, конечно, я понимаю — вы ей доверяли. Но должен же я был держать ситуацию под контролем. Ладно, не суть важно. Лучше расскажите, удалось ли вам расколоть Коровина? Вы говорили с ним? Он признался?

Депутат так и впился в Николаса взглядом.

Ах да, Саша ведь ничего не знает про Олега, она могла доложить Сивухе лишь про то, что Фандорин подозревает доктора.

Нехорошо, конечно, но в этот миг Ника ощутил что-то вроде злорадства.

— Эту ситуацию под контролем вам не удержать, — мстительно произнес он. — Давайте-ка сядем.

Он показал на «альфа-ромео».

— Сядем? — В глазах Аркадия Сергеевича читалась тревога. — Зачем?

— Чтоб у вас ноги не подкосились.

* * *

За всё время, пока Николас говорил, Аркадий Сергеевич не произнес ни слова. Смотреть на него Фандорин не решался. Мстительное чувство прошло, осталась только неловкость, усиливающаяся с каждой секундой. У человека рушится мир, сердце разрывается на куски — какое тут может быть злорадство. Особенно если и сам сидишь на пожарище собственного мира, с разбитым, заржавевшим сердцем.

Договорил, умолк. Какое-то время оба погорельца сидели молча. Потом Ника наконец осмелился взглянуть на слушателя — и увидел, что сраженный горем отец улыбается. Улыбка была странная, адресованная не собеседнику, а куда-то в пространство. При этом в глазах депутата блестели слезы.

— Я только одно скажу, — нетвердым голосом проговорил он. — Я ни о чем не знал. Даже не догадывался. Говорю не для того, чтобы отгородиться от сына. Он мне всякий дорог, а такой еще больше. Как же он меня любит!

Сивуха смахнул слезу, и Николас вдруг понял: Аркадий Сергеевич растроган и горд. Такой реакции магистр никак не ожидал.

— Говорю, чтобы вы меня не боялись: покрывать и заметать следы не стану. Я же член Государственной Думы, — с достоинством продолжил Сивуха. — Наше дело — выработать законы, а не нарушать их. Мое появление здесь объясняется очень просто. Мне позвонила Саша. Сообщила, что вы собираетесь учинить допрос доктору Коровину. Я знаю Марка Донатовича много лет, мне было ясно, что ваша версия нелепа. Но он мог с перепугу наговорить вам лишнего — например про мои отношения с Сашей, это ведь он нас свел. Вашей беседе нужно было помешать. Я немедленно связался с Олегом — предупредить и посоветоваться. Я привык во всем с ним советоваться, он же гений. Олежек сказал: я все улажу.

И позвонил в охрану, сообщил, что в окно третьего этажа влезли ниндзя, сообразил Ника.

— ...Потом я перезвонил Саше и сказал, что выезжаю. Ждал всякого, но такого... Значит, Марк Донатович умер?

— Не умер, а убит! — жестко поправил Фандорин. — Вашим сыном. Как и многие другие.

— Не кричите, — попросил Сивуха. — Я это и так понял. Сказал же: покрывать Олега не буду.

Дальнейшие слова депутата не стали для Николаса неожиданностью.

— Да и зачем? Сына все равно освободят от уголовной ответственности. Он болен. Вы знаете, что это правда. Мы его подлечим, и как только

позволят врачи, я увезу Олега за границу. В Америке. Там у нас будет другая жизнь. Без грязи, без охранников, без политики. Ему не придется убивать, чтобы защитить отца. Денег у меня достаточно. Мы будем жить в покое, цивилизованно, общаться с приятными, культурными людьми — знаменитыми писателями, режиссерами, продюсерами...

— Да на что вы им сдались? — не выдержал Ника, выведенный из себя мечтательной улыбкой Аркадия Сергеевича. — Подозрительный иммигрант из подозрительной страны с богатством подозрительного происхождения!

Сивуха хитро взглянул на него.

— А вот тут вы ошибаетесь. Я им всем очень даже сдался. Не из-за депутатства, конечно, которому грош цена и от которого я откажусь. Не из-за денег. А из-за Федора Михайловича. Вы извините, но пока вы тут играли в казаки-разбойники, третью часть рукописи из вашего офиса мы забрали. Четвертую раздобыл Олег. Значит, вся повесть в сборе. Я владею культурно-историческим сокровищем.

— Да что с того? Ну, продадите вы манускрипт на аукционе. Прибавьте к этому какие-то деньги за первую публикацию — и всё.

— Не продам. — Аркадий Сергеевич взял с сиденья портфель и открыл его. — Я буду издавать повесть сам, буду продавать права во все страны, буду давать интервью, вести переговоры об экранизациях и театральных постановках. Это же мировая сенсация, вне зависимости от лите-

ратурных достоинств произведения. А когда умру, правопреемником станет Олег. Наше имя станет неразрывно связано с именем Федора Михайловича. Видите ли, Николай Александрович, когда я показывал вам документы, один, самый ценный, приберег. Вот, почитайте-ка. Это распечатка, оригинал я храню в сейфе.

Он протянул Николасу какой-то листок.

УСЛОВИЕ, ЗАКЛЮЧЕННОЕ МЕЖДУ КУПЦОМ
2 ГИЛЬДИИ Ф.Т.СТЕЛЛОВСКИМ И ОТСТАВНЫМ
ПОДПОРУЧИКОМ Ф.М.ДОСТОЕВСКИМ

С.-Петербург, тысяча восемьсот шестьдесят пятого года, августа 15 дня.

Я, нижеподписавшийся подпоручик Федор Михайлович Достоевский, заключил настоящее Условие с купцом Федором Тимофеевичем Стелловским в том, что Достоевский собственное свое сочинение под заглавием «Теорийка» продал ему, Стелловскому, за аванс в сто семьдесят пять риксталеров с последующей по издании уплатою в семь тысяч рублей серебром на вечное время с переходом права издания и всех прочих прав к наследникам Стелловского.

К сему условию с.-петербургский 2 гильдии купец Федор Тимофеев Стелловский руку приложил.

/Подпись/

К сему условию отставной поручик Федор Михайлов Достоевский руку приложил.

/Подпись/

Составлено 1865 года, августа, первого дня в СПбурге в конторе маклера Б.Г. Брандта и подписа-

но Ф.Т.Стелловским тогда же, а Ф.М. Достоевским в Висбадене того же месяца 15 дня в присутствии свидетелей коллежского советника Ивана Пантелевича Суркова и его камердинера мещанина Прохора Савельевича Леонтьева.

/Подписи/

В маклерскую книгу под № 49 вписано.

/Подпись маклера/

— Документ интересный, но что это меняет? — пожал плечами Николас. — Авторские права сразу после первой публикации будут принадлежать всему человечеству. Не станут с вами общаться ни продюсеры, ни режиссеры, ни издатели. Зачем?

Улыбка Аркадия Сергеевича стала еще шире.

— То, что Морозов отнес свою находку сначала к коллекционеру автографов, потом к литературному агенту, потом к издателю, понятно. Но разве вас не удивило, что затем он обратился ко мне? Какое отношение депутат и портфельный инвестор имеет к Достоевскому? Эх вы, мастер дедукции. На всякого мудреца довольно простоты. — Сивуха рассмеялся. — Просто, когда Морозов в очередной раз перечитал это завещание, ему пришла в голову идея получше. «С переходом права издания и всех прочих прав к наследникам Стелловского» — так сказано в «Условиях». Морозов выяснил, какое потомство оставил Федор Тимофеевич Стелловский. И оказалось... Нука, отгадчик ребусов, а?

— Не может быть! — пролепетал Ника.

— Да, Николай Александрович, да. По отцу-то я Сивуха Сивухой, но моя покойная матушка Октябрина Игнатьевна — урожденная Стелловская, родная правнучка Федора Тимофеевича, скончавшегося в сумасшедшем доме ровно сто тридцать лет тому назад. А я, стало быть, его праправнук и единственный наследник, поскольку иных потомков не обнаружено. В нашей семье к Федору Михайловичу всегда было особое отношение. Потому-то я и купил пресловутый «перстень Порфирия Петровича» — вдруг, действительно, тот самый? Ладно, черт с ним, с перстнем. В конце концов это всего лишь кусок золота с блестящим камешком. Зато рукопись у меня в руках. Знаете, я уже решил, что мы с Олегом возьмем двойную фамилию. «Сивуха-Стелловский» звучит вполне аристократично, не хуже, чем какой-нибудь «Миклуха-Маклай» или «Говоруха-Отрок». Срок владения авторским правом — 50 лет с момента первой публикации, так что хватит и на мой век, и на век Олечки.

В сотне метров, запертый в своем логове, ждал своей участи его кошмарный отпрыск, а депутат с блаженным видом разглагольствовал о том, как чудесно заживут они вдали от России.

— ...В Америке приятно быть богатым, не то что у нас. У нас сидишь в какой-нибудь «Ванили», обедаешь, любишься видом на чудесный храм — и вдруг увидишь за окном бомжа или нищую старуху, лягушачья ножка в горле-то и застрянет. А там все сыты, одеты, ухожены. Ну, машина у соседа попроще и дом поменьше. На

психику это не особенно давит. У меня еще многое впереди. Человек я не старый, нахожусь где-то в середине августа...

Заговаривается, дошло вдруг до Фандорина. От нервного шока.

— Какого еще августа?

Сивуха охотно объяснил:

— Это я сам придумал. Если человеческую жизнь уподобить одному году, получится, что мой возраст, пятьдесят лет, — это середина августа. Отличная пора. Время сбора урожая, а впереди еще и золотая осень. Ну и про бабье лето не будем забывать, — подмигнул он. — Калифорния, Голливуд, модельки, старлетки...

— Вы что, боитесь идти к сыну? — перебил Николас. — Время тянете?

Улыбка на лице Аркадия Сергеевича из хитрой сделалась смущенной.

— Честно говоря, робею. — Депутат виновато поежился. — Я всегда знал, что Олег гений, но это... это... — Сивуха задохнулся. — Он фри-масонский бог. Мой Бог! У нас всё наоборот, понимаете? В Библии Бог — Отец, а у меня Бог — Сын.

Он с восторгом обернулся к Фандорину, наткнулся на суровый, неприязненный взгляд и коротко вздохнул.

— Ладно. Пошли.

Охранники так и торчали во дворе. Один держал в руке пистолет, остальные — резиновые дубинки. Правда, увидев депутата, все четверо, как по команде, оружие спрятали.

— Мы не сами, — нервно сказал Котелков и показал на Фандорина. — Это вот он. Говорит, будто ваш сын... Ну, короче... — Он совсем смешался. — Мы ничего такого, даже не совались. Я только к двери подходил, слушал... А там тихо...

— Всё правильно, — оборвал Сивуха, не глядя на говорившего. — Идите. Вы больше не нужны. С милицией свяжутся мои ребята. Когда понадобится.

Входить в дом он не торопился. Наверное, ждал, когда уйдут посторонние. Даже телохранителей с собой не взял.

Фандорин выяснил, отнесли ли Валю в приемное отделение, и присоединился к Аркадию Сергеевичу.

Во дворе остались только они двое.

Лицо депутата подрагивало, глаза опять были на мокром месте.

— Бедный мальчик... Сидит там, как загнанный зверь, и думает: предал я его или нет.

Он пошел вперед, а когда Николас хотел последовать за ним, властно бросил:

— Нет. Я один.

Поднялся на ступеньку, открыл дверь, скрылся внутри.

Его не было очень долго, тридцать девять минут (Фандорин засек по часам).

Из главного корпуса выглянули телохранители — начали нервничать. Но топтались у выхода. Очевидно, получили твердый приказ не соваться.

— Ну что там? — крикнул один — тот самый, что первым заметил Николаса возле «альфа-ромео».

Ника лишь пожал плечами.

Ну, а потом наконец появился Аркадий Сергеевич. Он был в одной рубашке. Дернувшимся с места телохранителям махнул рукой — не надо.

Поманил только Фандорина.

* * *

— Ну что же вы? — шепотом поторопил он медлившего Николаса. — Пойдемте.

И снова сделал манящий жест, показавшийся Фандорину очень странным и даже таинственным.

Отчего-то ужасно волнуясь, Ника осторожно переступил порог и огляделся. Олега нигде не было.

— Где же... Олег? — выговорил магистр, задыхаясь.

Сивуха пристально смотрел на него:

— Пойдемте...

Он по-прежнему говорил шепотом, медленно и как-то странно задумчиво.

Николас вышел на середину просторного помещения, огляделся и задрожал: Олег лежал на полу, возле стола — там же, где упал от толчка в грудь. Красное кимоно разметалось по полу, и показалось, будто мальчик лежит в огромной луже крови.

Вскрикнув, Фандорин подбежал к лежащему. Нет, крови не было, но открытые глаза преступника смотрели в потолок взглядом пустым и безжизненным.

— Мертв, — шепнул Николасу на ухо депутат. — Я ему голову приподнял, а она, как на нитке. Перелом шейных позвонков. Это вы его толкнули. А он о край стола ударился. Вот этим местом.

Жесткий палец Аркадия Сергеевича ткнул Нику пониже затылка.

Только сейчас Фандорин заметил, что глаза у Сивухи такие же мертвые, как у лежащего. Будто смотрят и не видят.

— Я не хотел его убивать! — пробормотал магистр. — Это он хотел меня... Видите, меч лежит! А вон там, на столе таблетка. Это яд! И доктор — видите? — показал он на тело Зиц-Коровина. — Убит выстрелом из шприца!

Тяжелая рука Аркадия Сергеевича легла ему на плечо.

— Тсс! Не надо кричать. Нехорошо, — с укором сказал депутат. — Я знаю, что вы не хотели его убить. Просто вы толкнули моего мальчика слишком сильно. Много ли ему надо? У него такие хрупкие косточки. Как у ребенка.

Сивуха перевел взгляд на мертвеца.

— Смотрите, какой он красивый. Какие у него тонкие черты лица, какие золотые волосы. Правда, он похож на ангела? — Он неожиданно хихикнул. — Я вам сейчас смешную историю расскажу. Это Олежек придумал вас на-

нять. Но на одни деньги, говорит, этот интеллигентик не клюнет. Тут нужен магнит попри тягательней. Давай, говорит, пап, ему нимфетку эту подсунем. Жалость — вот на что мы его подцепим. Саша Морозова сначала ни в какую не соглашалась. Тогда Олежек к ней в виде ангела явился. Наутро звонит она мне, согласна, говорит. Видение мне было. Явился златовластый ангел, разрешил.

Тихий восхищенный смех перешел во всхлип, депутат шмыгнул носом, а Ника вспомнил, как Саша, увидев Олега в коридоре, сказала: «на ангела похож».

— Отлетел мой ангел-хранитель. Навсегда...

Аркадий Сергеевич беззвучно заплакал. То есть слезы-то текли, но лицо в плаче участвовать будто отказывалось, оставалось совершенно неподвижным. Да и голос не дрожал.

— Да, вот еще что, — перешел Сивуха на деловой тон. — Я там на столе чек положил. На шестьдесят тысяч евро. На имя Александры Филипповны Морозовой. Она эти деньги честно заработала. Отдайте ей. И простите вы ее Бога ради, а то она ведь с ума сойдет. Это она всё из-за брата. Ничего не поделаешь — цельный человек. Если кого полюбит, ни перед чем не остановится. Вроде нас с Олегом... Ну, что еще? — Он как бы задумался, но смотрел по-прежнему не на собеседника, а на мертвого сына. — Вам я ничего не должен, потому что ни одно из поручений до конца вы не выполнили. Разве что... — Он взял со стола синюю папку. — Держите. На па-

мать об этой веселой истории. Мне больше не нужно. Из-за этой проклятой пачки бумаги я потерял сына... Пить хочется.

Он повернулся и неуклюже, словно вслепую, пошел мимо столов. Задел плечом стеллаж, с него на пол посыпались книги.

Аркадий Сергеевич присел на корточки, аккуратно подобрал их, положил на стол. А одну — старую, растрепанную — как взял, так и застыл с нею в руках.

— **«ФОКУСНИК-МАНИПУЛЯТОР. Занимательное пособие для маленьких волшебников».** Это я ему купил, когда он семилетним курс лечения в больнице проходил. Тогда медицина еще вся бесплатная была. В Филатовской он лежал. Крошечный такой лягушоночек. Очень он этой книжкой увлекся. Фокусы мне показывал. Как из синего раствора сделать желтый. Как вынуть из уха орешек. Мой маленький фокусник-манипулятор...

Сивуха издал странный звук. Сначала показалось — рыдание, но нет, это был просто взрыв судорожного кашля.

Чтобы смочить горло, взял початую бутылку минералки, поднес к губам, но прежде, чем отпить, сунул в рот лежавшую на столе таблетку.

— Стойте!!! — выкрикнул Ника.

Но на горле Аркадия Сергеевича уже дернулся кадык.

— Вы что наделали!? — прохрипел Фандорин — куда-то вдруг подевался голос. — Суйте кулак в горло, вас вырвет!

Депутат пожал плечами.

— Странно. Вы говорили, яд моментального действия, а я ничего не чувствую. Ноги вот только...

Чуть покачнувшись, он подошел к дивану, где полулежало тело Марка Донатовича. Сел рядом, запрокинул голову назад. Губы медленно раздвинулись в спокойной улыбке.

* * *

Домой Николас попал только утром. Всю ночь давал показания и разъяснения, а потом еще навещал Валентину, у которой и в самом деле обнаружилось тяжелое сотрясение мозга — хорошо хоть костей не переломала.

По дороге на Солянку еще заехал на Главпочтамт, дождался открытия и отправил с курьерской службой запечатанный конверт Саше Морозовой. Внутри только чек на шестьдесят тысяч — ни письма, ни даже приписки. Пусть получит то, что хотела, а в остальном, как говорится, Бог простит.

С отправкой чека, конечно, можно было и подождать, но больно уж не хотелось возвращаться в дом, который перестал быть домом. Жене Николас позвонил еще вечером, из милиции. Ничего рассказывать не стал, лишь коротко и сухо сообщил, что у них с Валею срочная работа, ночевать он не приедет.

Все разговоры и объяснения потом, думал он, идя по залитому солнцем двору. Сначала выспаться.

Алтын наверняка уже уехала в редакцию, но подниматься в квартиру он все равно не стал. Она стала чужой, там не уснешь.

Поэтому вошел в соседний подъезд, где офис. Можно отлично устроиться на диване в приемной. Вали нет, никто не разбудит.

Первым делом он опустил жалюзи, чтоб не мешало солнце. Посмотрел на синюю папку, полученную от Аркадия Сергеевича. Надо бы прочесть, чем там у Порфирия Петровича закончилось расследование. Нет, потом. Когда на душе станет полегче, поспокойнее.

Рукопись пока решил запереть в стол.

В кабинете шторы были раздвинуты. Странно, он не помнил, как это сделал.

Положив папку в ящик, Фандорин хотел выйти и вдруг увидел, что у окна, в кресле, спит Алтын.

Жена у Ники и так была вполне миниатюрная, когда же вот так сворачивалась калачиком, то вообще казалась какой-то дюймовочкой.

Он замер, боясь пошевелиться. Осторожно попятился к двери, и тут, конечно же, скрипнула подлая паркетина.

Алтын проснулась сразу. Из кресла выпрыгнула легко, будто и вовсе не спала. Подлетела к мужу и яростно схватила его за лацканы, для чего ей пришлось подняться на цыпочки.

— Что случилось?! — закричала она. — Почему у тебя молчал телефон! Я всю ночь... — Она задыхнулась. — Я же почувствовала! По голосу! Ты снова влип в плохую историю, да? Ты в опас-

ности? Тебя надо спасать? Чтоб она провалилась, эта твоя «Страна Советов»! Неужели нельзя найти себе какое-нибудь нормальное занятие? Да говори же ты, не молчи! Почему ты мне в глаза не смотришь?

Значит, выспаться не удастся, понял Фандорин.

Он мягко высвободился и усталым голосом сказал:

— Зачем ты столько говоришь? И всё про ерунду. Не нужно. Скажи просто: «Случилось страшное несчастье. Я полюбила другого. И не знаю, как быть». Я тебе помогу. Будем как-то выкарабкиваться из этой ситуации вместе. Не теряя человеческого облика. Ну что теперь поделаешь? Полюбила так полюбила. Научусь жить один.

Ее взгляд — вот что было красноречивее любых уверений и оправданий. В глазах Алтын отразилось такое наивное, такое неподдельное изумление, сыграть которое невозможно. Да и не отличалась она никогда актерскими талантами.

— Ты про что это, Ника? — озадаченно спросила жена. — Какого еще «другого»?

— Такого! Пианиста твоего, — пролепетал он. — Я же видел, как ты на него смотрела...

И понял, что это прозвучало полной ахинеей. Поправился:

— Не в том дело. Я почувствовал. Сердцем почувствовал. Ты, может быть, еще сама не разобралась, но мне-то видно. Конечно, он красив, он гений, он открыл для тебя новый мир...

Тут он заткнулся, потому что Алтын коротким, точным ударом врезала ему под ложечку, и у Николаса перехватило дыхание.

— Ты что несешь!!! — завопила свирепая татарская женщина и вдобавок еще лягнула его по лодыжке ногой (слава Богу, необутой). — Англичанин хренов! Урод! Бестолочь!

И произнесла еще много всяких слов, в том числе совершенно нецензурных.

Все они, даже самые обидные, показались магистру истории райской музыкой, почище пресловутой «Фантазии фа-минор».

А в конце Алтын разревелась и, горько всхлипывая, сказала уже без ругани:

— Какой же ты дурак, Фандорин... Я люблю не Славу, а его пальцы, его талант. Талант — единственное, что в нем есть. Больше любить его не за что. То есть, может, и есть, но это мне по барабану. Любить я умею только тебя. Потому что ты один, и никого лучше тебя на свете нет. Во всяком случае, для меня.

Последняя фраза несколько подпортила впечатление от этой тирады, но Николас все равно расплылся в улыбке.

— Мы с тобой одно целое, разве неясно? — высморкавшись и уже без рыданий объяснила жена. — Ты без меня пропадешь. А меня без тебя вообще не будет... Такие вещи вслух не говорят. Но раз уж ты такой идиот... Сердцем он почувствовал! Да у вас, мужиков, вместо сердца калькулятор!

Николас не спорил, он был абсолютно согласен со всем, что она сказала и еще скажет. Но ей,

видимо, показалось, что бунт подавлен не до конца.

— Я ужасно люблю музыку. До тридцати пяти лет дожила и вдруг поняла. Это такой кайф! Но раз тебя мои уроки достают, я их отменяю. Чему научилась, тому научилась. Только можно я рояль оставлю? Я буду играть, когда тебя дома нет.

Тут Ника, конечно, переполошился, замахал руками:

— Ну что ты, не нужно отменять! Раз тебе нравится, занимайся, сколько хочешь.

— Нет, я отменю, — сказала она.

Он сказал:

— Ни за что. Я себе этого не прощу.

Потом они долго и страстно мирились — прямо в кабинете, в плохо приспособленных условиях, но это уже посторонних не касается.

В половине одиннадцатого Алтын обнаружила, что уже половина одиннадцатого. С причитаниями про планерку наскоро оделась, а причесывалась на бегу: скакала на одной ноге, на вторую левой рукой надевала туфлю, а расческа была в правой.

Только что была рядом, и нет ее, один запах остался.

Николас перебрался в приемную на диван — одеваться, чтобы идти домой, в кровать, было лень. Да и спать расхотелось.

Он думал над загадочной фразой, которую произнесла жена. В каком это смысле: «Меня без тебя вообще не будет»? Что она хотела сказать?

Поворочался на диване, вернулся в кабинет.

Пожалуй, теперь можно и почитать про то, как Порфирий Петрович выловит Раскольникова.

Но, уже раскрыв синюю папку и держа на коленях открытую рукопись, Ника еще некоторое время ломал голову над загадкой, которую ему загадала жена.

Ни до чего путного не додумался, вздохнул, и стал читать.

СНІЯ ПАНКА

Глава четырнадцатая

АЛЕКСАНДР ГРИГОРЬЕВИЧ ВЫДЕРЖИВАЕТ ЭКЗАМЕН

Все события, описанные в предшествующей главе, не заняли и часу. Еще минут двадцать понадобилось, чтобы прихватить из квартала полицейский наряд: поручика Илью Петровича, того самого, по кличке «Порох», двух солдат и одного писца, запомнившего Раскольников в лицо с памятного утра, когда студент в конторе лишился чувств.

Подробности надворный советник разъяснил Илье Петровичу уже по дороге на Вознесенский.

— Первое дело для нас выяснить, там ли еще объект, — втолковывал пристав, отмахивая правой рукой на ходу. — Ежели уже вернулся в свою берлогу, вы всех прочих забираете в квартал, а уж я позабочусь о том, чтоб Раскольников об этой оказии незамедлительно узнал. Родственника своего Разумихина попрошу, что ли.

— А если объект по-прежнему у Мармеладых? — спросил Заметов, все подсовывавшийся с другого плеча Порфирия Петровича.

— Тогда так-с. Мы прячемся под лестницу и терпеливо ждем, пока студенту наскучит пьяными рожками любоваться. Как только Раскольников станет спускаться, вы, поручик, со своими двинете ему на-

встречу, да с шумом, с топотом. И непременно у него спросите, где тут немкина квартира, потому как от соседей жалоба. Понятно-с?

— Чего не понять, ваше высокоблагородие, — бодро отвечал Порох. — Всё исполню. У меня к актерству дар, все говорят. Я на прошлые святки царя Валтасара представлял — имел большой успех.

— Отлично, отлично-с. — Порфирий Петрович перешел на шепот, поскольку уже входили в подъезд. — Как все-таки славно, господа, что у нас повсюду лестницы такие темные, и под каждой обязательно закуток. Прошу-с.

Все разместились в закутке, где лежала какая-то ветошь и пахло сырыми дровами, а писца поместили между пролетами, чтобы знак дал.

Вышло всё в точности, как рассчитал пристав.

Мимо несколько раз проходили жильцы, но полицейских никто не заметил — темнота в подъезде, действительно, была почти полная. А минут через сорок ожидания сверху донесся кашель писца — условный сигнал.

— Давайте-с, пора-с, — шепнул пристав Илье Петровичу.

Ну, тот и выкатился, нарочно грохоча сапогами, и солдаты за ним.

Получилось еще лучше, чем надеялся надворный советник.

По лестнице спускался не один «объект», а целая процессия (Порфирий Петрович подглядел снизу): изможденная женщина в платке и с узлом в руке, тоненькая девушка, тоже с поклажей, трое детей, сзади же шли двое мужчин — Раскольников

и какой-то очень приличного вида господин, тащившие сундук.

— Эта, в шляпке — Софья Мармеладова, — зашептал на ухо Заметов. — Которая подкашливает — верно, ее мачеха, а бородатый не знаю кто.

Из закута очень хорошо было слышно разговор, завязавшийся на ступеньках.

— А-а, господин... как вас... Распопов? — превосходно исполнил свою роль поручик Порох. — Не известно ли вам, где тут номер двенадцатый?

— Я Раскольников, — донесся глуховатый, неприятный голос. — В четвертом этаже. А что, собственно...

Но тут вмешался другой голос, сорванный и визгливый:

— Полиция! Отлично! Берите ее, сажайте в тюрьму! Чтоб не смела оскорблять дворянскую дочь! Селедка немецкая! Как она смеет мне пенять, когда у меня дети в дворянском заведении! И господин Свидригайлов вот, благороднейший человек, засвидетельствует, как она меня срамила! В прежние времена ее бы плетьюми, плетьюми! Ноги нашей больше не будет в этой клоаке!

Дальнейшее заглушил взрыв надсадного кашля, и продолжил мужской голос — спокойный, барственный.

— Я помещик Свидригайлов. В чем дело, поручик?

— Жалуются на шум и скандал. Явился принять меры.

— Ну и принимайте. Сказано вам: четвертый этаж. Идемте, Катерина Ивановна, вам кричать

вредно. Сейчас я вас в больницу, а детей Софья Семеновна доставит по названному мною адресу. Пойдемте...

Шаги приблизились, и пристав с письмоводителем отпрянули глубже, к самой стене.

Но в дверях подъезда Катерина Ивановна остановилась.

— Погодите, — лоя ртом воздух, сказал она. — Я хочу видеть, как мерзавку эту за ворот поволокут, на съезжую!

И сколько ни уговаривали ее спутники, идти дальше не хотела.

— Очень славно-с, — прощелестел на ухо помощнику Порфирий Петрович. — Пускай студент увидит, что в квартире кроме Лужина никого не осталось.

Несколько минут спустя полицейские вывели всю подгулявшую братию, частью с трудом удерживавшуюся на ногах. Должно отметить, что почти все шли с полной покорностью судьбе, возмущались только двое: квартирная хозяйка да очкастый длинноволосый человечек с блеющим голосом. Первая всё пыталась на ломаном русском объяснить, что скандал затеяла вовсе не она, а «крубый и неблагодарный коспоша Мармеладоф», очкастый же невнятно выкрикивал про неприкосновенность жилища и полицейский произвол. Он, в отличие от остальных, кажется, был трезв, но за такие крики вполне можно забрать и трезвого, поэтому поручик Порох на счет длинноволосого нисколько не усомнился.

Всех вывели во двор, откуда раздался торжествующий крик Катерины Ивановны: «Что, съела, плембейка?» — и еще через минуту стало тихо.

— Идемте-с, — обычным голосом сказал Порфирий Петрович, очень довольный тем, как оборачивалось дело. — Поле деятельности совершенно расчищено.

Они стали подниматься по ступеням, но еще не достигли четвертого этажа, когда их догнал поручик.

— Мои сами управятся, дело не хитрое, — доложил он, часто дыша. — А мне, ваше высокоблагородие, дозвольте с вами в засаду. Отчаянный субъект, как бы чего не вышло.

Александр Григорьевич негодуяюще ахнул. Он мысленно уж нарисовал себе схватку с Раскольниковым, заголовки в завтрашних газетах, награду от начальства и даже — дело-то громкое — августейшую благодарность. А тут вдруг этот, на готовенькое, и будет после кричать на каждом углу, что он-то главный герой и есть.

— Не стоит вам утруждаться-с, — ласково молвил поручику Порфирий Петрович. — От вас, сударь, очень уж одеколоном благоухает. У преступников нервического склада чрезвычайно развито обоняние. Ну-ка ступит Раскольников за порог, да и опознает запах? Вы ведь давеча на лестнице, поди, прямо в лицо ему аромат источали?

Порох только вздохнул.

— Ну так я вам парочку хороших унтер-офицеров выделю. Не трусливого десятка и самой крепкой комплекции.

Но и на унтер-офицеров пристав не согласился.

— Зря волноваться изволите. Мы с господином Заметовым, конечно, не голиафы, но ведь и Раскольников отнюдь не Самсон. Как-нибудь совладаем-с.

У него всего лишь топор, орудие мирного труда-с, а у меня вот-с.

Он вынул из кармана маленький револьвер с коротким стволом.

— И я в конторе прихватил, — сообщил Александр Григорьевич, показав пистолет, взятый из оружейного шкафа. — Оба ствола заряжены, я проверил.

В общем, кое-как спровадили непрошеного волонтера, причем у письмоводителя возникло подозрение, что Порфирий Петрович также не больно желает делить славу с кем-то третьим. И правильно!

* * *

Двенадцатый номер был будто нарочно обустроен для засады — это Порфирий Петрович сразу же с удовлетворением отметил. Длинная анфилада комнат являла собою представительную галерею разных степеней нищеты, ибо кто же кроме самых последних бедняков согласится на проходе жить?

— Ну и скупердяй этот Лужин, если, будучи человеком состоятельным, в такой дыре остановился, — заметил письмоводитель.

Были здесь помещения с претензией на приличность, то есть с какой-никакой мебелью и даже картинками на стенах; были ободранные берлоги явных кабацких завсегдатаев; встретилось и обитающее шарманщика — во всяком случае в углу на деревянной ноге стоял сей немудрящий музыкальный инструмент, а на столе в клетке сидела маленькая маргышка. Она посмотрела на вошедших сы-

Мартышка и шарманка

щиков своими печальными черными глазенками, тихонько заверещала и взяла с блюдечка подсолнечную семечку.

— Не застревайте, Александр Григорьевич, не время-с, — поторопил пристав заглядевшегося на животное помощника. — Нужно удобное местечко присмотреть, желательно прямо перед дверью-с.

Однако прямо перед лужинской (то есть, собственно, лебезятниковской) дверью не получилось, очень уж крохотною оказалась комнатенка. Здесь, видно, квартировал самый предпоследний из жильцов, хуже кого были одни лишь Мармеладовы. Из обстановки тут имелся тюфяк, даже не закрытый шторкою, да крепкая дубовая скамья, которая, судя по остаткам яичной скорлупы, служила обитателю и столом. Спрятаться было решительно негде.

И все равно пристав с помощником устроились отлично. Дело в том, что перед конуркою с тюфяком располагался еще чуланчик, в котором никто не

жил, а с двух боков стояли какие-то старые шкапы — должно быть, хозяйка заперла туда какие-то свои вещи. Порфирий Петрович протиснулся за шкаф слева, Заметов — справа, и в полумраке разглядеть их стало совсем нельзя.

Однако надворный советник этим не удовлетворился. Он погасил во всех комнатах лампы и свечи, оставив лишь огоньки перед образами, и в квартире сделалось вовсе темно. Но и этого Порфирию Петровичу показалось мало.

— А мы еще вот что-с, — промурлыкал он, оглядывая место засады с видом садовника или декоратора, — мы еще в последней комнатке на полу свечу зажжем, как если б жилец ее оставил. Студенту нашему, как войдет, свет в глаза, да и нам будет хорошо видно, мы же с вами еще более в мраке потонем-с.

В качестве самого последнего штриха выгнали на середину дубовую скамью и развернули поперек.

— Наклонится он, чтоб ее отодвинуть, тут мы со спины и выскочим. Я за одну руку, вы за другую-с. Умеете локоть назад завертывать? Нет-с? Сейчас покажу.

Порфирий Петрович взял помощника за руку и необычайно скорым движением вывернул так, что Александр Григорьевич взвизгнул.

— Тише-с, — показал пристав на лужинские двери. — А впрочем, не столь важно. До Петра Петровича нам с вами дела нет.

Заняли позицию в темном чуланчике.

— Хорошо, что тут накурено-с, — донесся до Заметова спокойный голос надворного советни-

ка. — Можно папиросочкой себя побаловать. Не желаете-с?

Чиркнула спичка.

— Спасибо, не хочется.

Александр Григорьевич чем дальше, тем больше волновался. И в горле пересохло — не до табаку. Как это только приставу удастся сохранять невозмутимость, подумал он.

Время во мраке тянулось медленно, и вскоре Александр Григорьевич почувствовал, что обязательно нужно заговорить — иначе будет слышно, как у него постукивают зубы.

— Порфирий Петрович, — тихонько сказал он, — вот, помню, в гимназии тоже сидишь этак перед экзаменом по какой-нибудь геометрии, и до того волнуешься — прямо сердце из груди вон. Кажется, что ежели срежешься — всё, жизни конец.

Из-за соседнего шкапа послышалось:

— И я волнуюсь. Ладочки все мокрые-с. Ужасно волнуюсь.

— Вы?! — поразился Заметов.

— А как же-с. Очередная сессия, и пресерьзная.

Александр Григорьевич высунулся из укрытия, но в темноте ничего, конечно, не увидел.

— Вы про какую это сессию?

— Про экзаменационную. Аллегория очень избитая-с, но оттого не менее справедливая, про экзаменованье человек жизнью. Что наше земное бытие? — Порфирий Петрович выдул табачный дым. — Учеба-с. И как во всякой школе, идет она обычно ни шатко ни валко — пока очередная сессия не подо-

шла. И тут уж держись. Коли плохо уроки усвоил, беда. Непременно срежешься.

— И... что тогда?

— Плохо-с. Отличие от гимназии в том, что могут не только на второй год оставить, но и классом понизить. Был, скажем, во втором-с, а сползешь в первый. Потом в приготовишки разжалуют. И так далее, вплоть до полного нравственного младенчества и даже ниже-с, до животного состояния. Много таких, срезавшихся, среди нас ходит. Иногда кажется, что большинство-с. Но только думается мне, что совсем пропащих среди людей не бывает. Иной человек, в наипоследние инфузории разжалованный, вдруг ни с того ни с сего так экзамен сдаст, что сразу в профессоры взлетает. Потому человек — истинное чудо-с Божье.

— Не понимаю я, — пожаловался Заметов, слушавший туманные рассуждения надворного советника с напряженным вниманием.

— Я и сам, признаться, не очень постигаю-с, а только это факт известный. Мы все пребываем в такой гимназии, где до самого выпуска ни в чем быть уверенным нельзя. Сказано: первые станут последними, а последние первыми. И так до самого выпуска, да-с.

— А что это — выпуск? — захотелось узнать Александру Григорьевичу.

— Ну как же-с, выпускной экзамен, без которого и диплома не дадут.

Про «диплом» письмоводитель спросить уже не успел.

— Тсс! — прошипел вдруг Порфирий Петрович.

* * *

И стало слышно, как скрипит дверь — но не дальняя, которая с лестницы, а от другой стороны, и близко.

Это Лужин высунулся, догадался Заметов. Хочет понять, отчего в квартире тихо — ни криков, ни шума, ни звона стаканов. А что если раньше времени уйдет? Тогда плохо! Может с Раскольниковым на лестнице встретиться или во дворе!

О том же, видимо, подумал и пристав.

— Тихо! — шикнул Порфирий Петрович, причем довольно громко. — Кажись, открывает!

Да еще шкапом скрипнул, явственно.

— Ага, затаились! — раздался звучный мужской голос. — Подстерегаете? Как бы не так! Я знал! Не на того напали!

И дверь снова захлопнулась, скрежетнул ключ.

— Теперь до утра не осмелится, — хмыкнул надворный советник. — Пускай его. Целее будет-с.

Сколько-то сидели молча, потом письмоводитель вернулся к разговору:

— Так про какой это выпускной экзамен вы толковали?

— Тс-с-с! — шепнул Порфирий Петрович, и теперь уж совсем не громко, а одним дуновением. — Вот и он-с!

А Заметов и сам услышал. Мудрено было б не услышать: в дальнем конце стукнула дверь, и раздались быстрые шаги, да не крадущиеся, а громкие, уверенные, будто *хозяйские*. Они приближались и делались чаще, как если бы вошедший брал разбег.

Сердце у Александра Григорьевича затрепетало, все посторонние мысли разом вылетели из головы, а рука ухватила за шершавую рукоять казенного пистолета.

Через чулан, в каких-нибудь трех шагах от письмоводителя, прошуршала тень. «Пора!» — приказал себе Заметов и выскочил из укрытия. Порфирий Петрович сделал то же на полмига ранее.

На середине прохода оба чуть не столкнулись плечами и одновременно увидели пугающую, почти невероятную картину. Раскольников, чей подкрашенный свечным огоньком силуэт они могли видеть со спины, не останавливаясь и не замедляя своего движения, одной рукою подхватил с пола дубовую скамью, которую давеча они не без труда переместили вдвоем, поднял в воздух и со всего размаху обрушил на лужинскую дверь. Та не выдержала сокрушительного удара, треснула пополам. «Это у него от неистовства силы удесятерились, у сумасшедших бывает», мелькнуло в голове у Александра Григорьевича, а осатаневший студент вlepил по створкам ногой, и те окончательно пали с петель. Из комнат хлынул свет, показавшийся Заметову невыносимо ярким. Он на мгновение зажмурился, а когда открыл глаза, в дверном проеме никого уже не было.

Весь штурм вряд ли занял более двух секунд. Не то что малоопытный письмоводитель, но и сам Порфирий Петрович, что называется, ахнуть не успел. А изнутри донесся шум, вскрик и еще какой-то крайне неприятный треск, от которого Александру Григорьевичу захотелось заткнуть уши.

Опомнившись, надворный советник кинулся вперед с криком: «Не смей!». Заметов следом, и тоже что-то кричал, но сам плохо понимал, что именно.

Первое, что увидел Александр Григорьевич, перевалив через порог довольно большой и чистой комнаты — сидящего у стола человека с бакенбардами. Он был весь как-то откинут на спинку, рот разинут, а глаза выпучены и противуестественным образом обращены кверху, словно человек пытался разглядеть что-то на собственном лбу.

А там было, что разглядывать. В месте, где начинаются волосы, прямо из черепа, тускло поблескивая, торчал некий непонятный предмет. Как взглянул Александр Григорьевич на этот самый предмет, так и замер. От потрясения взор письмоводителя не то чтобы померк, но как-то странно сузился, будто у лошади с шорами на глазах, и по краям все расплывалось, терялось в темноте.

Думая об одном — как бы не упасть в обморок, Заметов с трудом сдвинул непослушный взгляд от жуткого предмета по тянувшейся в сторону гладкой, прямой линии и только теперь увидел убийцу. Тут зрение молодого человека наконец прояснилось, вид открылся ему полностью, и мозг кое-как совладал с временным параличом.

То был барин, которого они недавно видели на лестнице. Господин Свидригайлов, вот как его звали.

Глядя на ворвавшихся в комнату людей с удивлением, но безо всяких признаков испуга, преступник двинул рукой, выдергивая свое орудие из раны, и оказалось, что трость заканчивается массивным бронзовым набалдашником: сфинкс, восседающий

на прямоугольном постаменте. Нетрудно было перепутать след от этого постамента с отпечатком тупого конца маленького топорика.

Египетский истукан был мокр и поблескивал, отчего Александра Григорьевича опять замутило. Хорошо хоть мертвец теперь повалился со стула на сторону и больше не наводил ужаса своими вытаращенными глазами.

— Вы-с? — пробормотал, обращаясь к Свидригайлову пристав, кажется, потрясенный не менее своего помощника.

В руке у Порфирия Петровича, стоявшего к убийце на шаг или два ближе, ходуном ходил револьвер.

— Я-с.

Бородатый человек насмешливо улыбнулся и сделал очень быстрое, почти неразличимое для взгляда движение: что-то свистнуло, мелькнуло в воздухе, и на руку пристава обрушился страшный, с хрустом удар трости. Револьвер полетел на пол, а сам надворный советник с воплем согнулся пополам, схватившись за перебитую кисть.

Тут Заметов вспомнил, что у него тоже есть оружие. Выставил дуло подальше вперед, целя преступнику прямо в грудь, и спустил курок. Но выстрела не последовало.

— А взвести-то, взвести позабыли? — укоризненно молвил Свидригайлов, делая шагок к Александру Григорьевичу и занося свое ужасное орудие. — Только не посоветую. Это ведь неизвестно, кто скорей управится: вы с курком или я с моей палкой. Учитывая вашу неопытность и мой... навык, поста-

вил бы на себя. Бросьте вы свой мушкетон, юноша, и уносите ноги. Вы мне не нужны, я против вас ничего не имею.

«Он прав!» — ударило Заметова. «Слегка опустить дуло, чтоб не кинулся, однако вовсе не бросать. Потом легонечко попятиться, убирая пистолет всё дальше. У двери повернуться, и со всех ног!». Главное, куда он теперь, Свидригайлов этот, денется? Полиция сыщет, для того специально обученные люди есть, настоящие орлы, не письмоводителям чета.

Это, значит, была первая мысль — исключительно разумная.

Вторая по сравнению с нею выглядела куцей и невнятной: «Вот он, экзамен».

Сглотив слюну, которой еще недавно во рту не было вовсе, а теперь прибывало все более и более, Александр Григорьевич взвел курок.

Глава выпадает РУССКИЙ РАЗГОВОР

Боль была такая, что Порфирий Петрович несколько мгновений не только не мог ни о чем думать, но даже зажмурился и как бы оглох. Потому-то и не видал, как случилось страшное. Лишь ощутил словно некое колебание воздуха, да к ногам рухнуло что-то мягкое, тяжелое.

Пристав, все еще скрюченный в три погибели, открыл глаза. Прямо подле него, лицом вниз лежал Заметов, из его макушки, просачиваясь сквозь старательно напомаженный кок, лилась темная кровь, и по щели меж досок уж катился резвый ручеек.

— Этого я не желал, — услышал Порфирий Петрович голос, звучавший откуда-то издалека. — Взвел все-таки, надо же.

Кости на руке были сломаны, это надворный советник чувствовал, но боль утратила остроту, сменилась странным онемением.

Пристав разогнулся и посмотрел на ужасного человека, помахивавшего окровавленной тростью.

— Жалко мальчишку, — сокрушенно молвил Свидригайлов и прибавил нечто в высшей степени странное. — Это мне безусловно в минус.

— Убийца! — прошептал Порфирий Петрович, ибо ничего иного в этот миг сказать не надумал, а

к тому же был уверен, что сфинкс сейчас обрушится на его собственную ошалевшую от быстроты событий голову.

— Утверждение в данных обстоятельствах вполне бесспорное. — Свидригайлов деревянно рассмеялся. — Да вы, может быть, вздумали, что я и вас...? Напрасно. И мальчика-то не следовало. Это меня инстинкт самосохранения попутал. Право, лучше бы я дал ему пальнуть.

Он ловко повращал трость двумя пальцами и уселся на стул, где недавно еще находился Лужин. Рукою в перстнях небрежно отодвинул пачку кредиток, оперся о стол локтем и зевнул.

— Я не понимаю... — с трудом произнес пристав, уразумев лишь одно — что жизнь его по какой-то причине в сию минуту еще не заканчивается.

— Вы кто? Полицейский? — с любопытством разглядывал его преступник. — Я, например, Свидригайлов, Аркадий Иванович, отставной корнет и рязанский помещик. А как вас звать?

— Федорин, Порфирий Петрович, — ответил надворный советник, да еще преглупо поклонился, словно при самом обычном знакомстве. — Пристав следственных дел Казанской части.

— Так это вы, стало быть, убийства расследуете? Ловко вы меня тут подстерегли, очень ловко. Не ожидал. Должно быть, вы весьма умны.

Рязанский помещик снова зевнул. Не может быть, чтоб он это со скуки, мимоходом подумал пристав, какая уж скука, когда два трупа. Это у него нервная зевота — факт, медицине известный.

— Нет, сударь, я нисколько не умен, а напротив совсем дурак-с, — с горечью молвил Порфирий Петрович, ибо это была истинная правда.

Однако Аркадий Иванович понял его неправильно.

— Это вы насчет того, что чересчур самонадеянно поступили, когда вдвоем на такое дело пошли? Но откуда вам было знать, что я таков? — Он показал поросший волосами кулак, размером с младенческую голову. — Обычного человека да при вашем вооружении вы отлично бы заарестовали. А я силен, как медведь. Кстати, по молодости лет, спяну, любил с медведем побороться, без труда косолапого на спину валил. У меня и в полку прозвище было «Топтыгин». Что правда, то правда — природой одарен, прещедро. Воспользовался только не в благо. Да что вы всё стоите? — будто спохватился Свидригайлов. — В ногах правды нет. Садитесь.

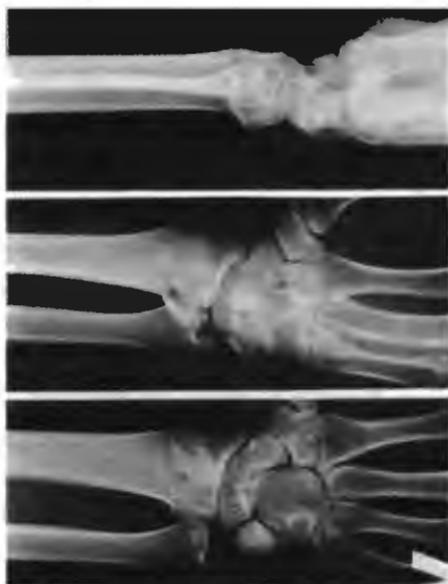
Он хотел пододвинуть другой стул, но Порфирий Петрович опередил его:

— Ничего-с. Я сам.

И уселся чуть поодаль, таким манером, чтобы оказаться недалеко от упавшего на пол револьвера. Расстояние было — шага два. Ближе нельзя, бросилось бы в глаза.

— Позволительно ли мне будет поинтересоваться, что вы намерены делать далее? — спросил надворный советник, думая сейчас только о том, чтобы потянуть время.

— С вами? — Свидригайлов удивился, словно этот вопрос еще не приходил ему в голову. — Право, не знаю. Я и на свой счет пока в сомнении. То есть, имею намерение отправиться в путешествие,

Рука Порфирия
Петровича

но пока еще не вполне решил касательно деталей... Давайте покамест потолкуем. Давно не имел возможности хорошо поговорить, да с умным человеком. Давайте руку зашибленную перетяну, чтоб не беспокоила.

Он вынул платок и очень ловко, почти не причинив Порфирию Петровичу страданий, перетянул кисть.

Еще и головой покачал:

— Кости переломаны. Через час-другой заболит сильно. Это у меня в набалдашник свинец залит. В деревне еще сделал, руку укреплять. Не думал, что для другого сгодится. — Аркадий Иванович помочил водою из графина салфетку и протер запачканного финкса. — Таинственный зверь. Человекам загадки

загадывает, а не ответишь — изволь отправляться в царство Аида.

Он развязал на себе галстух и соорудил подобие перевязи, на которой заботливо расположил руку пристава.

— Вот так. А теперь мы с вами хорошо и неспешно поговорим, ночь еще длинная. Потому что как же умным людям по душам не поговорить, хоть бы и среди такого бедлама? — кивнул он на два мертвых тела. — И даже особенно среди бедлама. Вся Россия в этом.

— Вы находите? — повернулся к нему Порфирий Петрович, всем видом изображая заинтересованность, а на самом деле выгадывая еще пару вершков расстояния до своего «франкотта».

Заболтать бы этого любителя «хороших разговоров», подумал он, да как-нибудь исхитриться — тут мало револьвер подхватить, надо еще успеть к стенке отскочить, пока он своим сфинксом не размахнулся.

— Я ведь, признаться, совсем не вас тут подстерегал-с, — начал он забалтывать.

— А кого?

— Студента Раскольников, Родиона Романовича.

Этим объявлением Свидригайлов ужас как заинтересовался.

— Раскольников? Но, помилуйте, почему?

— Да вот, извольте ли видеть... — Порфирий Петрович сконфуженно улыбнулся. — Вообразилось мне, что это не обычные какие-нибудь убийства, не с корысти и не из мести, а... Как бы это выразить? Преступление нового типа, в согласии с общим кризисом религии и веяниями эпохи-с. Померещи-

лось мне сдуру, что тут непременно какая-нибудь теория должна быть. И, на грех, Родион Романыч подвернулся. У него как раз теория одна имеется, прелюбопытная. Насчет человечества. Мол, всяких обыкновенных, никчемных людишек убивать вполне позволительно, если, конечно, для пользы дела и если сам убийца — человек необыкновенный. Это одно-с. А другое — студент во все время расследования, как нарочно, под ногами у меня путался. То с одной стороны высунется, то с другой. А про вас я и не думал вовсе...

Кажется, получалось. Помещик слушал с огромным интересом, а свою жуткую трость уставил в пол и уперся в сфинкса подбородком. Ну и глаза, подумал Порфирий Петрович. Он, Аркадий Иванович этот, самый настоящий сфинкс и есть: загадывает загадку, и попробуй не отгадай.

— Ну что же вы, — усмехнулся Свидригайлов, — умный человек, и по всему видно, опытный, должны бы в душах лучше читать. Какой из Родион Романовича убийца? Убийство — дело серьезное, а у него фантазии одни. Главное же, сердце у него жалостливое, не то что у меня. Думаете, легко человека, даже самого прескверного, топором или вот этим вот сфинксом по темечку? В голове ведь душа обретается. Не здесь, как фигурально выражают поэты, — он коснулся груди, — а вот тут-с, под костями черепа. Разве нет?

Порфирий Петрович, будучи человеком практического умонастроения, вопрос о месторасположении души считал схоластическим, а потому от суждения воздержался.

— Нет, — продолжал Аркадий Иванович. — Для убийства нужен человек грубый, человек действия, *арифметический* человек. Так что с Родионом Романовичем вы обмишурились. Зато про теорию угадали верно. Есть у меня одна теорийка, собственного изобретения. Обогащать ею человечество не тшусь, да и опасно, а для себя одобрил и с успехом применил.

Надворному советнику уже стало ясно, что нужно не забалтывать собеседника, а всего лишь не мешать ему говорить — так для плана выйдет лучше. Помещик, видно, и в самом деле давно ни с кем откровенно не разговаривал, потому что слова лились из его уст неостановимым потоком.

— Ведь я, милостивый государь, кто? Животное, и притом злое животное. Это благородный лев срывает жертву одним ударом, наповал, и единственно лишь ради утоления голода. Я же всегда был подобен коту, которому над мышкой еще поизмываться надо. Всегда во мне это было, сладострастие пополам с жестокостью. Но было и иное... нечто. Если б того, *иного*, не было, то я нисколько и не чувствовал бы себя злым животным, верно?

Странные огоньки вспыхнули при этих словах в неподвижных глазах Свидригайлова, и Порфирий Петрович мысленно поежился: э, голубчик, да тебе, пожалуй, не в каторге место, а в скорбном доме, в отделении для буйных.

— Произошло в моей жизни кое-что, не столь давно. Вам ни к чему знать. Скажу лишь, что встретил я одну необыкновенную девушку... Нет, неважно. — Аркадий Иванович тряхнул рукой, будто отгоняя какое-то видение. — Вы только не вообрази-

те себе, будто я через это событие, как пишут литераторы, переродился к новой жизни. Нисколько! Жену свою, Марфу Петровну, я уж после того отравил... Что глазами хлопаете? Удивляетесь признанию? Да что мне скрытничать, если я на ваших глазах только что двоих уколошил?

И если ты меня вскоре вслед за ними отправишь, добавил про себя пристав, еще чуть-чуть съехав телом в нужном направлении. Оставалось переместиться совсем немного, а там лишь улучшить удобное мгновение — когда болливый убийца зажмурится или хоть взгляд отведет.

Пока, однако, глаза Свидригайлова, хоть и затуманенные воспоминанием, были всё устремлены прямо на Порфирия Петровича.

— Но к тому времени, когда я Марфе Петровне в ее любимую наливку итальянских капель подлил, у меня уж созрела моя теория. Под нее и кредитор взял.

— Кредитор?

— Да. Теория моя, видите ли, состоит в том, что я себя, злобное животное, перед отъездом в Новый Свет, должен в нуль вывести. Чтоб в вояж отправиться чистым, как младенец. Так сказать, новорожденным человеком.

— Что-то я перестал вас понимать, — нахмурился пристав, в самом деле запутываясь в свидригайловских аллегориях. — Как это «вывести в нуль»?

— Очень просто, посредством некоторого арифметического действия. Я, знаете ли, огромный грешник, — доверительно сообщил Аркадий Иванович, словно рассчитывал удивить собеседника этим от-

кровением. — Не в смысле обычных человеческих пакостей, на какие всякий горазд. То есть, конечно, и блудил, и плутовал, и пьянствовал. Желал, так сказать, и жены, и осла, и вола. Все это делают, во всяком случае многие. Но душу живую убивают весьма и весьма немногие, и тут уж прощения нет. Каждая погубленная душа в некоей бухгалтерии зачитывается в большуюший минус. На мне таких минусов четыре.

— Шелудякова, Чебаров, Зигель... — принялся считать Порфирий Петрович.

Но Свидригайлов рассердился, перебил:

— При чем тут Зигель? Какая душа у Зигель? Дойду еще до Дарьи Францевны, а сейчас я про иное. Об жене моей Марфе Петровне я вам уже сказывал. Ее я себе проавансировал, с последующим погашением ссуды.

— Что-с? — вновь недопонял надворный советник.

— Вы слушайте, не перебивайте! Это, стало быть, первый мой минус. Хотя нет, если по порядку, то он выходит третий. Я ведь еще прежде жены две живых души извел. Но Марфу Петровну хоть по страсти и расчету, а тех двоих ни с чего, от скуки да развращенности. Первый мой минус приключился, когда я девочку одну глухонемую до веревки довел. Сам не убивал, но лучше бы уж собственными руками, всё не так подло бы вышло. Не стану рассказом времени отнимать — долго получится... И еще лакея своего, тоже неподсудным образом, так что даже и под следствие не угодил. То есть для закона до самого последнего времени я был совершенно чист, —

засмеялся Аркадий Иванович, — хоть и ходил по белому свету тремя минусами, словно тремя осиновыми колами, пронзенный... Ну вот-с. А когда я ту девушку полюбил, начались у меня видения... Я вам этого еще не сказывал, что полюбил-то? Сказывал? Это, знаете, как бывает: встретишь женщину, одну на всю жизнь... То есть, может, и не встретишь, а нафантазируешь себе. Ее, скорее всего, не существует вовсе, этой женщины — одна игра воображения. Исчезнешь ты, и ее тоже не станет. Вот кстати интересно будет проверить, исчезнет она или нет... — Он на миг умолк, о чем-то призадумавшись, да и потрянул головой. — Ладно, passons. Не о том ведь рассказать хотел — о видениях. Так вот, когда я девушку эту полюбил или нафантазировал (сам не знаю), начались у меня видения...

Поскольку тут в рассказе снова повисла пауза, Порфирий Петрович переспросил:

— Видения-с?

И еще немножко в сторону сдвинулся, благо взгляд у помещика сделался невидящий, стеклянный.

Свидригайлов вздрогнул.

— Да. Не то чтобы страшные какие-нибудь, а так... Девочку ту раза два видел. Ночью проснусь — сидит подле кровати в одной белой рубашонке, ноги под себя подвернув... Ноги у нее, как две спичечки были...

— И что же?

— Ничего. Смотрит и молчит. Она же глухонемая была. Я на нее рукой — уйди, уйди. Тогда встала и тихонько ушла. Очень покорная была, такую и осталась... Потом Филька, лакей мой, вдруг явился, трубку подает. В точности как при жизни. Я никогда пуг-

лив не был и тут не испугался. Даже покуражился. «Как ты смеешь, говорю, с продранным локтем ко мне входить, — вон, негодай!» И одолел призрака, нетрудно оказалось... С Марфой же Петровной и вовсе смех. — Свидригайлов, действительно, издал горлом сухой звук, вроде «хе-хе». — Это уж недавно совсем, третьего дня. Сижу после дряннейшего обеда из кухмистерской, с тяжелым желудком, — сижу, курю — вдруг Марфа Петровна, входит вся разодетая в новом шелковом зеленом платье, с длиннейшим хвостом: «Здравствуйте, Аркадий Иванович! Как на ваш вкус мое платье?» Стоит, вертится передо мной. «Охота вам, говорю, Марфа Петровна, из таких пустяков ко мне ходить, беспокоиться». «Ах бог мой, батюшка, уж и потревожить тебя нельзя!» Я ей говорю, чтобы подразнить ее: «Я, Марфа Петровна, жениться хочу». (Это правда, имею намерение). Она говорит: «От вас это станется, Аркадий Иванович; не много чести вам, что вы, не успев жену схоронить, тотчас и жениться поехали. И хоть бы выбрали-то хорошо, а то ведь, я знаю, — ни ей, ни себе, только добрых людей насмешите». Взяла да и вышла. Ну к кому, скажите, кроме меня такие дурацкие призраки являются?

Порфирий Петрович сидел теперь так, что мог надеяться подхватить револьвер здоровою рукою с первой попытки, ибо вторая ему вряд ли была бы предоставлена. Таким образом, в диспозиции произошла важная перемена, о которой болливый убийца еще не догадывался. Однако пристав решил не торопиться.

Во-первых, следовало выждать какого-нибудь особенно удобного мгновения, а во-вторых, пускай уж

выложит всю правду сам, по собственной охоте. Покойника ведь после не расспросишь (а Порфирий Петрович почти не сомневался, что преступник револьвера не испугается и кинется прямо под пулю).

— И все ж таки не понимаю я ваших математических аллегорий, — подвинул надворный советник Свидригайлова в нужном направлении.

— Да чего тут понимать! Сказано вам: три живые души я погубил. Три страшных минуса на себя записал. По теории вашего Родиона Романовича, они, может, и обыкновенные, но все равно — *живые души*. Только, на мое счастье, есть еще на свете люди иного сорта, с душою мертвой, гниющей. Они заражают своими гнилыми миазмами атмосферу, губят и вытравливают вокруг себя всё и вся. Моя теорияка позатейливей раскольниковской будет, не находите? — Аркадий Иванович расхохотался. — Это я еще у себя в деревне рассудил, с месяц тому. Если я за глухонемую и за лакея, да за мою Марфу Петровну трех смертоносных бацилл истреблю, то как раз три на три выйдет. Примечаете, как я живу жену (а она ведь тогда еще совершенно жива была) заранее сам себе *проавансировал*?

Он хотел посмеяться еще, но что-то в груди сорвалось — вышло похоже на рыдание.

— А как, по вашей терминологии-с, живую душу от мертвой дискриминировать? — прищурил глаза Порфирий Петрович.

— Никто их, бацилл этих, не любит — вот верный признак, — убежденно заявил Свидригайлов. — Никто по ним не заплачет. Ни одна душа. Что вы прищурились-то? Подумали, что и обо мне никто не

заплачет? — Он усмехнулся. — Это так и было до поры до времени, но теперь, когда я кое-какие расчеты произвел, возможно, некие ясные очи и уронят одну-две слезинки. Впрочем, неважно.. — Помещик тряхнул головой. — А к тому же, по прежней своей петербургской жизни, кое-кого из бацилл я лично знал. У вас тут, вокруг Сенной площади, много всякой швали. Ну, вот я и надумал нанести визитец двум старым своим приятельницам, гадинам, каких свет не видывал.

— Одна — Дарья Францевна Зигель, — догадался Порфирий Петрович. — А вторая — процентщица Шелудякова?

— Дарья — да, она у меня первая кандидатка была. Про старуху-ростовщицу я тогда еще знать не знал. Вторая — это была Гертруда Ресслих, у кого я остановился. Затеяница почище Дарьюшки-покойницы. Вот уж кто заслужил сфинкса по голове! А насчет процентщицы и стряпчего этого, Чебарова, я случайно узнал. В первый день, как прибыл, сидел в трактире. Пил вино, да разговор подслушивал. Я вообще обожаю подслушивать, — подмигнул Аркадий Иванович приставу. — Два голодранца друг дружке жаловались, жидок какой-то и студентик. Первый про Чебарова весьма чувствительно излагал. Как стряпчий с него долг требует, ни единого дня отсрочки не дает и за то его, жидка, теперь отправят из Петербурга по этапу назад в черту оседлости, откуда он с огромными трудами выбился. Ну, а студент в ответ поведал собеседнику про чудесную Алену Ивановну. Эге, подумалось мне, на ловца и зверь. Навел кое-какие справочки, выяснил: всё точ-

но — и стряпчий, и старуха самые натуральные бактерии, на каждой можно по минусу списать. Сразу и исполнил.

— Даже проверять не стали, любит их кто или нет? — не сдержался Порфирий Петрович. — У Алены Ивановны, к примеру, сестра малахольная.

Но Аркадия Ивановича было не сбить:

— Сестре без старухи только облегчение выйдет. Очень уж ведьма эту Лизавету мучила. Не сильно я сестру по голове-то стукнул? Единственно чтоб оглушить, ибо к чему ж мне зазря арифметику усугублять? Существо она безобидное, и дома ей быть никак не следовало — она к куме чаевничать отправилась. Что удивляетесь? Говорю ведь: я справки навел, а человек я обстоятельный... Ну вот, стало быть, сначала Алену Ивановну с Чебаровым сплюсовал — к ростовщице якобы заклад хороший принес, к стряпчему — клязу. Жадны очень были, нисколько я с ними не затруднился. А потом и Дарьюшку, жабу мерзкую, угостил. Это и того легче вышло. С Ресслихшей только замешкался. Выманила она себе отсрочку, сама того не ведая.

Помещику отчего-то стало вдруг весело, так весело, что он со смеху пополам согнулся. Удобнейший был момент, чтоб револьвер с полу подобрать, но Порфирий Петрович не стал.

— Чем же она так себя перед вами отличила?

Аркадий Иванович разогнулся, с важным видом сказал:

— Жениться я собрался, по Гертруды Карловны протекции. Уж несколько дней в женихах хожу. Она говорит: «Девочка — прелесть, совершенно в

вашем вкусе. И родители возьмут недорого. Только уговор: после медового месяца вы жену ко мне привезете, на что она вам? А я уж ей применение сыщу». Хотел я Гертруду в тот самый миг по маковке угостить, благо и трость при мне была. Любопытство удержало. Животное ведь во мне никуда не делось. Сходил, поглядел — и вправду очень хороша. Не только телесно, в этом возрасте они все персики. Но у этой в глазках еще и гордость читается, и характер, и страсть. Эх, подумал я, минусом больше, минусом меньше. Ресслихшей же и расплачусь. — В его глазах мелькнули веселые, безумные огоньки. — По-моему, даже остроумно. А, с другой стороны, отчего бы мне и не жениться? Предстать пред очи той, *другой*, уже не мечтаю: отвергла и вновь отвергнет. Ей не нуль нужен, а величина положительная. Для путешествия же, в которое я собираюсь, и нулем обойтись можно. Я в Америку нацелился уплыть, не говорил я вам?

— Поминали-с, про Новый Свет.

— Интереснейшее, говорят, место. У меня там знакомец один проживает. Очень расхваливает... О чем бишь я? — Аркадий Иванович потер лоб. — Ах да, арифметика. Считайте сами: за немую девчонку, лакея и Марфу Петровну я расплатился процентицей, Чебаровым и Дарьей Францевной. Господин Лужина, — он кивнул на труп Петра Петровича, — хотел я себе в кредит вписать, как будущую индульгенцию. Очень уж гнусный экземпляр. Да жалко мальчишка, помощник ваш, припутался. Ничего, это квит на квит пойдет. Таким образом на сей момент я полностью чист и выведен в нуль це-

лых, нуль десятых. Был Аркадий Свидригайлов, а как бы его и не было. Сколько напакостил, столько за собою и прибрал.

Достаточно, сказал себе надворный советник. Пора!

Он оглушительно чихнул — не взаправду, а притворно, и, будто бы желая прикрыть собеседника от брызг, наклонился всем телом вперед и в сторону. Оставалось лишь протянуть левую, незашибленную руку.

— Про невесту мою желаете послушать? — хихикнул Свидригайлов. — Как я ее к венцу готовлю? Послушайте, вам занятно будет.

Пристав медленно разогнулся. Сочные губы помещика плотоядно улыбались.

— Здесь подготовочка сладостнее результата, уж можете мне поверить, я в таких делах толк знаю. В семействе ихнем я на полном доверии, особенно после того, как папаше тысячку вперед дал. Предоставляют все свободы. В шестнадцать лет барышни ко всему любопытны, только поспешностью не спугни. Я с нею для начала взял солидный и пренаучный тон. Мол, для добросовестного исполнения будущих обязанностей супруги и матери должен ввести свою невесту во все физиологические подробности — так оно прогрессивней и цивилизованней выйдет. Читал вслух из медицинской энциклопедии, показывал картинки. А вчера наглядную демонстрацию произвел. В заведении у Гертруды Карловны такие особые комнатки есть, где можно через окошечко подглядеть. Стоим мы с моей Аделаидой Степановной щека к щеке, подглядываем, а в будуаре

специально нанятая мною девка с нанятым же кавалером ухищряются. Я же тихонько, шепотом, подробности разъясняю, всё тем же цивилизованным тоном. А щечка у невесты моей все горячее, а сердчишко колотится... Ну, я руку ей на спину положил, где шнуровочка. Распускаю понемножку, и пальцами все ниже, ниже, где у них, барышень, над филейными частями, знаете, славные такие ямочки...

— Довольно! — вскричал Порфирий Петрович. — Какие гадости вы говорите! Прекратите, низкий вы человек!

Аркадий Иванович так и зашелся — до слез из глаз, даже тростью от веселости об стол застучал.

— Ох... Я думал, раньше оборвете. Однако вы даже до «ямочек над филейными частями» дослушали. Экий вы, сударь, сладострастник. Сколько раз могли «франкотт» свой подобрать, да не стали — очень уж хотелось еще послушать.

С этими словами Свидригайлов быстро наклонился вперед, концом палки ловко подцепил револьвер и подтянул к себе. Надворный советник не успел и шелохнуться.

— Хорошая вещь, — одобрил весельчак, покручивая барабан. — Рублей сорок, поди, отдали? А вот интересно, — он заглянул в дуло...

* * *

Здесь, на середине предложения, повесть заканчивалась, причем за последним абзацем, яростно перечеркнутым крест-накрест, было криво и крупно написано:

*Мочи нет! Всё чушь! Надо не так, не про то!
И начать по-другому!*

А дальше начинался текст, знакомый Никола-су Фандорину с юных лет:

«В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С-м переулке, на улицу и медленно, как бы в нерешимости, отправился к К-ну мосту. Он благополучно избегнул встречи с своею хозяйкой на лестнице. Каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на квартиру. Квартирная же хозяйка его, у которой он нанимал эту каморку с обедом и прислугой, помещалась одною лестницей ниже, в отдельной квартире, и каждый раз, при выходе на улицу, ему непременно надо было проходить мимо хозяйкиной кухни, почти всегда настежь отворенной на лестницу. И каждый раз молодой человек, проходя мимо, чувствовал какое-то болезненное и трусливое ощущение, которого...

К О Н Е Ц

ДОПОЛНЕНИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ

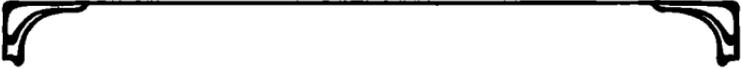

Одна из тягчайших нагрузок почти всякого детективного романа — необходимость в конце разъяснить все хитросплетения и разоблачить все фокусы, которыми сочинитель расцвел сюжет. Совершенно уклониться от этой повинности невозможно, ибо рискуешь оставить читателя обиженным и неудовлетворенным. Однако растолковывать каждую мелочь тоже не резон, ведь за кокетство завязки и неожиданность кульминации отдуваться будет несчастный финал, в котором и так каждая строка на вес золота.

С одной стороны, долг вежливости требует от автора все непонятности разжевать, в рот читателю положить, да еще губы салфеткой вытереть. С другой стороны, от чрезмерной обстоятельности концовка детективного сочинения вечно получается растянутой, вялой, а для читателя пронизательного еще и излишней, потому что он и так все отлично понял. Находясь меж сими Сциллой и Харибдою, решились мы на компромисс: оставили внутри самого романа лишь разъяснения совершенно необходимые, а разоблачение мелких фокусов, равно как и необязательные, но полезные дополнения к нашему повествованию вынесли в особый раздел.

Сделано это не ради какого-нибудь, упаси Боже, формализма, а единственно в надежде, что так будут и волки (то есть читатели проницательные) сыты, и овцы (сиречь читатели обычные) целы.

ТОМ 1

С. 5 — Короче тухляк вышел, полный.

Вот мини-гlossарий наркоманского жаргона, призванный облегчить читателю восприятие лексического ряда этой главы (термины приведены в порядке появления):

Тухляк — безнадежная, безвыходная ситуация.

Совсем мертвый — находящийся в состоянии тяжелого **абстыга** (см.)

Тряска — тремор, один из симптомов **абстыга**.

Зависнуть — плохо отдавать себе отчет в происходящем.

Абстыг — абстинентный синдром.

Отходняк — то же, что **абстыг**.

Дорога, арык, веревка — вена, в которую вводится инъекция наркотического вещества.

Центровая трасса, она же центряк — срединная локтевая вена.

Иглиться — делать инъекцию наркотического вещества.

Децил — количество наркотика, помещающееся между двумя черточками на шкале шприца.

Ляпнуться всухую — уколоться пустым шприцем.

Ширяла, нарком — наркоман.

Хлеб — общее название для наркотических средств, дающих синдром привыкания.

Барыга, кровосос, пушер — розничный торговец наркотиками.

Пушерить — продавать наркотики в розницу.

Задвинуть стеклышко — ввести одну ампулу наркотического раствора.

Шияться — делать инъекции наркотического средства.

Дырка — инъекционное отверстие на вене.

Догон — повторное введение наркотика для усугубления одурманивающего эффекта.

Приход — первый, эйфорический этап наркотического опьянения.

Сидеть на барбитуре — принимать барбитураты.

Подвиг — инъекция наркотика (от слова двинуться — сделать инъекцию).

С. 35 — ...шесть дней назад определенный приставом следственных дел в Казанскую часть Санкт-Петербурга.

В описываемое время Санкт-Петербург был разделен в административно-полицейском отношении на десять районов — так называемых «частей». Охраной правопорядка в каждом районе ведал частный пристав, обычно в звании полковника. Всю деятельность по расследованию уго-

ловных преступлений в части вел пристав следственных дел.

Каждая из городских частей, в свою очередь, подразделялась на кварталы. Контора квартального надзирателя — учреждение, соответствующее современному отделению милиции.

С. 41 — Очень недурно выйдет и для формулярного списка, и в смысле репутации.

Формулярный список — личное дело чиновника, куда заносились все сведения персонального и служебного порядка.

С. 46 — Родит — и в Воспитательный дом несет.

Воспитательные дома, первоначально именовавшиеся «сиропитательными» были учреждены Екатериной Великой для воспитания сирот и, главным образом, подкидышей. Инициатором этой благотворительной затеи стал И.И. Бецкой, незаконнорожденный сын одного из князей Трубецких. В секрето-родильном отделении Воспитательного дома женщинам, во избежание огласки и позора, дозволялось рожать в маске, после чего младенец оставался на попечении учреждения.

Воспитанники получали начальное образование, обучались какому-либо ремеслу и по достижении зрелости должны были получать ряд привилегий. Екатерина надеялась, что из этих детей

образуется столь нужное России сословие «третьяго чина и новаго рода людей». Однако, как это у нас часто случается, чудесная идея вылилась в кошмар. Уход за младенцами был скверный, кормилиц не хватало, смертность среди детей достигала чудовищных пропорций. Например, из 1089 младенцев, сданных в Московский воспитательный дом в 1767 году, выжили только 16. Во время действия повести смертность младенцев в Санкт-Петербургском воспитательном доме составляла 75% (данные комиссии лейб-медика Карреля за 1863 год).

С. 58 — ...за утратой родовых грамот числились уже не дворянами, а однодворцами.

Однодворцы — особое сословие свободных крестьян, потомки прежних служилых людей. Хоть, в отличие от дворянства, платили государству подати, но обладали определенными привилегиями. Например, им дозволялось владеть крепостными.

С. 58 — Там он учился в одно время с самим Михайлой Михайловичем Сперанским и, подобно сему титану российской истории, променял подрясник на сюртучок мелкого чиновника.

Сперанский, Михаил Михайлович (1772 — 1839). Знаменитый государственный деятель, ко-

того современники сравнивали с птицей феникс, обладающей способностью возрождаться из праха. Безродный и нищий, он уже к 30-летнему возрасту вознесся к вершинам государственной власти благодаря редкостным способностям, поразительной работоспособности и фантастическому везению, а в 35 лет фактически сделался соправителем Александра Первого, прислушивавшегося к каждому его слову. Но в 40 лет, став жертвой придворных интриг и собственной самонадеянности, Сперанский всего лишился и угодил в ссылку. После семилетней опалы вновь начал постепенное карьерное восхождение, пройдя путь от губернатора захолустной провинции до высших должностей.

В молодости Сперанский мечтал о парламентаризме (в частности, ему принадлежит самый ранний проект создания Государственной Думы, да и само это словосочетание придумано тоже им), однако под грузом лет и ударов судьбы превратился в убежденного реакционера и яркого апологета самодержавной власти.

Про падение Сперанского рассказывают такой анекдот.

Во время роковой беседы с государем 17 марта 1812 года (эта аудиенция не имела свидетелей, а потому дала пищу самым разнообразным домыслам) Михаил Михайлович якобы имел неосторожность превзойти его величество остроумием и языком, чем окончательно себя и погубил.

Молва гласит, что Александр, уже изрядно настроенный против своего наперсника интри-

ганами, в начале разговора еще пытался сохранять величавость и даже сухо поблагодарил Сперанского за обучение науке власти. Однако затем не сдержался и, ссылаясь на свидетельство министра полиции Балашова, стал гневно пенять на оскорбительные слова, произнесенные Михайлом Михайловичем в адрес монарха. Будто бы Сперанский воскликнул: «Да чего бы достиг сей неблагодарный властитель, не будь подле него меня?»

Михаил Михайлович отпираться не стал, лишь посетовал, что Балашов пересказал только вторую половину разговора, опустив первую, в которой этот царедворец с язвительной улыбкой передал Сперанскому обидный отзыв о нем Александра, сказавшего в присутствии многих лиц: «Этот попенок становится несносен». Царь покраснел, поскольку упрек был справедлив. Михаил Михайлович еще и имел дерзость спросить, считает ли государь позволительным столь неуважительно отзываться о верном своем советнике, к тому же при его недоброжелателях?

Смушение государя длилось недолго. Александр быстро нашелся и, приняв надменный вид, обронил: «*Quod licet Jovi non licet bovi*»¹, что было очень к месту, поскольку за упрямец Сперанским давно утвердилось прозвище Бык.

Что же Сперанский? Он, поклонившись, печально молвил: «Напрасно ваше величество изволило меня благодарить за наставления.

---

¹ Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку (*лат.*).

С прискорбием вижу, что главный закон властителя вы так и не затвердили». «Какой же?» — живо вскричал Александр, улыбаясь своему *pot*¹ и предвкушая, как будет пересказывать его дамам. «Государь лишь в том случае имеет право повелевать своими подданными, если сам является для них образцом поведения, — сказал Михаил Михайлович. — *Что личит быку, то не к лицу Юпитеру*».

Самолюбие царя было уязвлено, настроение испорчено, и, говорят, в этот миг участь всесильного сановника окончательно решилась.

С. 60 ...мальчик был отдан в незадолго перед тем учрежденное Училище Правоведения

Училище Правоведения учреждено в 1835 году по проекту принца П.Ольденбургского, мечтавшего цивилизовать российское судопроизводство, которое безнадежно погрязло в коррупции и невежестве. Предполагалось, что вновь создаваемый храм юриспруденции будет воспитывать просвещенных и высоконравственных служителей Фемиды, которые, войдя в возраст и силу, озаботятся превращением полуазиатской империи в правовое государство. До известной степени, так оно и произошло: именно выпускники Училища Правоведения готовили судебную реформу и прочие преобразования 60-х и 70-х годов.

¹ Острое слово (*фр.*)

С. 62 — По преданию, то была единственная постройка, которая уцелела от времен жестокого герцога Бирона, которому сто с лишком лет назад принадлежало это владение.

Бирон, Эрнст-Иоган (1690—1792). Одна из самых непопулярных фигур российской истории, биографические сведения о котором в энциклопедиях обычно помещались в статье «Бироновщина».

Мелкий прибалтийский дворянчик, он стал фаворитом курляндской герцогини Анны, нелюбимой племянницы Петра Великого. Когда Анна, по воле случая, сделалась российской царицей, Бирон неожиданно для себя оказался правителем огромной империи и, надо сказать, не без успеха нес это бремя в течение целого десятилетия. Одержал победу в двух войнах, расширил пределы страны, активно боролся с пьянством. Сви-репствовала в эти годы власть умеренно — во всяком случае, если сравнивать с кровавой эпохой Петра.

Смертельно заболев, Анна хотела оставить своего любовника полновластным регентом при младенце Иоанне Шестом. По свидетельству историков, последние слова, с которым умирающая императрица обратилась к Бирону, были: «Не бойсь». Но три недели спустя заговорщики под предводительством графа Миниха свергли регента. Вместо курляндской партии к власти пришла немецкая. Бирон был судим, приговорен к четвертованию, но в последний момент поми-

лован и отправлен в ссылку, где прожил больше 20 лет, всеми забытый. В 1762 году Екатерина Вторая вспомнила о Бироне и вернула ему престол курляндского герцогства, но Эрнст-Иоган уже утратил вкус к власти и вскоре отказался от короны в пользу своего сына.

Мифы о бироновских зверствах сильно преувеличены его политическими противниками и последующими романистами. Бирон был сыном своего грубого и жестокого века, не более того. Как писал Пушкин: «Он имел несчастье быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа. Впрочем, он имел великий ум и великие таланты».

А умер он так.

Как-то утром восьмидесятидвулетний Бирон сидел в оранжерее своего митавского дома и читал «Изречения Конфуция». Не сказать, чтоб очень усердно: пробежит слабыми глазами строчку-другую, надолго задумается. Потом прочтет еще немного, опять отвлечется. Слишком насыщенным был текст, слишком рассеянным внимание старца.

Первый афоризм, на который нынче упал взгляд его высокогерцогской светлости, вызвал у Эрнста-Иогана скептическую улыбку. *«Не печалься, что люди не знают о тебе. Печалься, что ты не знаешь людей»*, — поучал китаец. Курляндец же подумал, что у него все ровно наоборот: люди очень хорошо о нем знали, и это первая печаль его жизни. А людей он знает, и даже слишком

хорошо — это вторая его печаль, еще более тяжкая.

Зато со следующим изречением мудреца он был полностью согласен.

«Обучение без мысли напрасно. Мысль без обучения опасна». Сказано будто не про Китай, а про Россию, где правители умны, но не учены, а советники учены, да не умны. И сам он был таков же. Пока правил, пребывал в невежестве. А когда обучился жизненной науке, затошнило от власти. Так здесь всегда было, так и останется.

От мыслей отвлек слуга, принес в фаянсовой кружке горячий шоколад с ромом. Старик смотрел через стекло на небо, в котором кружили птицы. Вороны, что ли? Кому еще летать в декабре?

Шоколад остывал. Доктор велел как можно чаще пить этот напиток, укрепляющий и питающий плоть. Но питать свою немощную плоть Эрнсту-Иогану не хотелось. Ему хотелось следить за кружением черных птиц.

Душа устала от тела, отлететь хочет, подумал он.

Когда слуга пришел забрать кружку, старик был мертв.

С. 63 — Обыкновение говорить с обильными словоясами возникло у него с детства, от паленьки, и осталось на всю жизнь

Словояерс — название почтительной частицы, прибавлявшейся к окончанию слов в учтивой

речи 18-19 веков. Образовано по старославянскому чтению букв «с» и «ъ»: «слово» + «ер». Согласно одной из версий, этимологически представляет собой сокращенную форму от уважительного «-ста» (как в «пожалуйста»).

С. 81 — У нас на бирже бумаги взлетели в цене и продолжают возрастать, уже второй день-с. В связи с Суэцким каналом.

Упоминание об ажиотаже на бирже позволяет со значительной степенью вероятности датировать события повести второй неделей июля 1865 года. Как раз в это время был опубликован официальный отчет международной инспекции о ходе великой Суэцкой стройки. Из отчета следовало, что морской путь из Средиземного моря в Индийский океан будет открыт в самом непродолжительном времени. Это известие вызвало оживление на всех европейских биржах.

С. 101 — Отсмеявшись и откашляв, Фата-Моргана подошла к своему антикварному телефону, вынула из-под аппарата визитную карточку и набрала номер.

Это она Аркадию Сергеевичу позвонила, кому ж еще.

Очередность событий была такая. Сначала к главной специалистке по рукописям Достоевско-

го обратился коллекционер Лузгаев. Заплатил обычную таксу — сто долларов, получил утвердительное заключение.

Некоторое время спустя к старухе с другим фрагментом того же текста явилась Марфа Захер, и аппетиты Элеоноры Ивановны возросли — она запросила триста.

Когда появился третий соискатель (издатель), явно не знавший о существовании двух первых, Моргунова почуяла запах нешуточной добычи.

Ее предчувствие подтвердилось, когда к ней приехал четвертый — солидный человек с депутатским значком. Солидного человека ждал во дворе большой черный автомобиль — собственно, даже два больших черных автомобиля, если считать джип сопровождения. Главное же, новый клиент принес на экспертизу не рукопись, а важнейший документ, с точки зрения международного авторского права не утративший своей законной силы. В беседе выяснилось, что о разделении рукописи на куски и о том, кому эти куски достались, господин Сивуха не знает. Тогда-то Элеонора Ивановна и сделала ему деловое предложение: у нее есть товар — три имени, такса — по двести тысяч долларов за штуку, и нечего так возмущаться, потому что цена вопроса ей хорошо известна: два-три миллиона потянет сам манускрипт плюс много-много миллионов за его использование на протяжении пятидесяти лет, оговоренных Бернской конвенцией по авторским правам.

Платить шестьсот тысяч долларов старой ведьме Аркадий Сергеевич не хотел — все-таки немаленькие деньги. К тому же он рассчитывал, что Морозов заберет фрагменты у тех троих сам, а если кто-то заартачится, средства убеждения найдутся.

Когда с Филиппом Борисовичем случилось несчастье и возникла опасность, что фрагменты потеряются, Сивуха велел своему помощнику установить в старухиной квартире подслушивающее оборудование — на случай, если Моргунова станет звонить остальным своим клиентам с аналогичным предложением.

Для ясности приведем краткую хронологию событий:

— Рулет нападает на Ботаника в понедельник днем;

— Николас в первый раз звонит экспертше в тот же день ближе к вечеру и слышит загадочное «снова-здорово»;

— к этому времени доктор Зиц-Коровин успел известить Аркадия Сергеевича о том, что доставленный пациент находится в тяжелом состоянии и может никогда не очнуться;

— Сивуха уже переговорил по телефону со своим гениальным советчиком и откомандировал Игоря в 39 квартиру;

— операция по установке подслушивающих устройств (одного в телефонную трубку, другого в косяк входной двери) проведена незамедлительно, пока Элеонора Ивановна ходила в магазин за кефиром;

— а вскоре явился — не запылится ни о чем не подозревающий Николас Фандорин. Страничку на экспертизу принес, бедняга.

С. 103 — По стене, вдоль водопроводной трубы, но при этом ее не касаясь, полз Спайдермен, Человек-Паук.

Точной информации о том, как были устроены присоски на перчатках и тапочках, позволявшие гению запросто подниматься по вертикальной поверхности, у нас нет. Судя по следам, обнаруженным Николасом на стене дома (см. с. 134), Олег разработал какой-то особый клеящий состав однонаправленного схватывания — при надавливании происходило моментальное сцепление, которое столь же легко разрушалось, если усилие было направлено на разрыв.

Впрочем, бог с ними, с перчатками и тапками — их секрет гений унес с собой в могилу. В этом эпизоде нужно объяснить другое — как Человек-Паук вышел на Рулета.

Дело было так.

Разбитый шприц, обнаруженный неподалеку от места нападения на доктора филологических наук, был немедленно исследован. На стекле обнаружили четкие отпечатки пальцев, в тот же день запущенные в дактилоскопическую базу данных министерства внутренних дел. Надо сказать, что все оперативно-следственные действия по делу об этом разбойном нападении проводи-

лись с небывалой быстротой — Аркадий Сергеевич об этом позаботился. За ходом расследования следили его ручные «оборотенята», сотрудники Криминально-аналитического центра МВД Фантик и Мурзик.

Очень быстро было установлено, что искомые отпечатки в базе данных зарегистрированы — они принадлежат гражданину Рульникову Руслану Рудольфовичу, 1985 года рождения, без определенного рода занятий, прописанному в городе Рязани, однако временно проживающему в столице. Гражданин Рульников задерживался сотрудниками Департамента по контролю за незаконным оборотом наркотиков, в связи с чем и были сняты отпечатки. За недостатком улик после соответствующего предупреждения гражданина Рульникова отпустили, и нынешнее его местожительство органам внутренних дел было неизвестно, но тут уж Фантик с Мурзиком не сплеховали. В свободное от основной работы время прошлись по нескольким наркоцепочкам (дилер-пушеры-покупатели) и быстренько нашли Рулета.

Без санкции Аркадия Сергеевича ничего предпринимать не стали — просто доложили, что разыскиваемый объект проживает по такому-то адресу, и получили свой гонорар. А дальнейшее взял на себя Олежек. Так и сказал папе: «Ни о чем не беспокойся, дальнейшее я беру на себя. Будет тебе первый фрагмент рукописи». Как сказал, так и сделал (знал бы бедный папа, какой ценой).

Маленький маскарад, адреналиновый подъем по стене, обмен пачки бумаги на шприц с концентратом (смертельная доза). Ну и потом еще недальняя поездка в подмосковные Любищи.

В пачке, правда, не хватало одной страницы, но ее местонахождение уже было установлено — спасибо прослушке в квартире 39.

Так что никаких «приглючений» — все было по-настоящему.

С. 114 — Тоненький голосок ответил: «Открой, Лялечка. Это я, Светуся».

Добыть сведения о том, что у Элеоноры Ивановны когда-то была сестра-двойняшка Светлана Ивановна Моргунова (1936 — 1958) большого труда не составляло. И с карамазовским чертом гений придумал ловко. Одного только не учел — откуда ж ему было про это знать...

Диплом сестры защитили почти день в день, и обе на «отлично». До выхода на работу обеим оставалось больше месяца, вот и решили устроить себе отдых — поехали в Карелию, на туристическую базу.

Родственников у них не было — родители погибли в войну, девочек воспитывала бабушка, но она уже три года как умерла. Не водилось у Лялечки со Светусей и ухажеров, потому что девушки они были серьезные и сильно некрасивые. А им никто и не требовался, хватало друг друга.

Интересовались они одним и тем же — классической литературой, обожали одного и того же актера — Павла Кадочникова, даже платья носили одинаковые — крепдешиновые в горошек с белым воротничком. Можно было бы сказать, что Лялочка и Светуся жили душа в душу, если б не один скелет в шкафу.

Пять лет назад, когда близняшки поступали в МГУ на филфак, Элеонора по конкурсу прошла, а Светлана недобрала баллов и была вынуждена изучать отечественную словесность в облпединституте. Это стало причиной постоянных терзаний одной сестры и тайной гордости второй. Вслух, конечно, ничего такого не говорилось — Ляля была человеком тактичным, но в отношениях пролегла невидимая трещинка. Через месяц она должна была превратиться в разлом, а впоследствии и в пропасть — сестры это понимали. Дело в том, что Элеонора по распределению шла работать в чудесный Институт русской литературы, а Светлане предстояло учительствовать в сельской школе (поселок Грязновка Можайского района), получая за это 700 рублей в месяц плюс грузовик дров на зиму.

Нет-нет, никто никого не утопил. Лодка, в которой девушки катались по озеру, перевернулась по чистой случайности — Светуся потянулась за кувшинкой и не рассчитала, слишком сильно дернула за стебель. Нахлебалась воды, чуть сама не утонула, а помочь Ляле не смогла, потому что от испуга ничего вокруг себя не видела.

Идея пришла ей в голову не сразу, а когда участковый милиционер спросил, как звали утопленницу. Помолчав, Светлана сказала вдруг: «Светуся... То есть Светлана. Ивановна».

На встречи однокурсников в МГУ она никогда не ходила. На работе, где кое-кто знал Лялю Моргунову, проходившую в Институте русской литературы преддипломную практику, держалась замкнуто. Да ее и не донимали, относились с сочувствием — такая трагедия. А с годами бывшая Светлана, ставшая сначала Лялечкой, потом Элеонорой, потом Элеонорой Ивановной, как-то пообвыклась. Хоть и снились по ночам кошмарные сны, числом два. Первый: как ее вызывают в дирекцию, с позором выгоняют за самозванство, лишают степени и едет она в деревню Грязновка на грузовике с дровами. Второй сон еще хуже: сидит она в лодке, тянется за кувшинкой, а вместо стебля из воды вытягивается белая, тонкая рука, из темной глубины выплывает Ляля, настоящая, и лезет в лодку — молча, а запихнуть ее обратно нет никакой возможности.

Зря Олег сказал: «Я не Светуся. Я Элеонора Ивановна Моргунова». Накануне он специально просмотрел на DVD фильм «Братья Карамазовы», а там черт является к Ивану Карамазову именно двойником.

Старуха услышала эти ужасные слова, и миокард в изношенном сердце слишком резко сократился, надорвался. А пять минут спустя вовсе лопнул.

Что ж, на всякого гения довольно простоты.

С. 118 — Глаза уже свыклись с полумраком, и Ника увидел, что под бампером его массивного англичанина лежит девочка.

За несколько минут до этого дорожно-транспортного происшествия в большой черной машине, припаркованной в переулке по ту сторону арки, происходил такой диалог.

Мужчина (*заканчивая разговор по телефону*): ...Понял. Будет отъезжать, дай знать. (*Сидящей рядом девочке*). Он спускается по лестнице. Сейчас выйдет. Ты готова?

Девочка (*на ней темные очки*): А по-другому как-нибудь нельзя?

Мужчина: Боишься? Да ты не жди, пока он на тебя наедет. Сама ударься о бампер, крикни погромче и падай. В подворотне темно, он не разглядит.

Девочка: Я не боюсь. Противно. Грех.

Мужчина: Тебя никто не заставлял. Сама решила.

Девочка: Сама...

Мужчина (*с любопытством*): Кстати, если не секрет, почему? Вчера ни в какую, а сегодня сама позвонила?

Девочка молчит.

Мужчина: Слушай, сними ты очки. И потом, на кой тебе наклейка на стекле? Пол-глаза закрывает. Отдери.

Девочка (*мотая головой*): Нет, она красивая.

Мужчина: Так почему передумала?

Девочка (*очень тихо*): Из-за ангела... Ангел мне явился.

Мужчина (*пряча улыбку*): А-а. Бывает. (*Пищит телефон.*) Это сигнал. Давай, пошла!

С. 130 — «Какой еще ангел?» «Ко мне приходит. Ну то есть, пока только один раз приходил. — Саша мечтательно улыбнулась, глядя куда-то вверх и в сторону. — С золотыми волосами, сияющий».

Накануне вечером, поздно, Саша Морозова сидела дома на кухне и плакала. Снаружи давно стемнело, но света она не зажигала, лишь свети-лась лампадка у иконы, примостившейся в углу, между посудным шкафчиком и оконной шторой.

Саша плакала уже очень давно. Несколько раз принималась молиться, шептала что-то, глядя на бесстрастный лик Спасителя, но ни утешения, ни ответа ей не было.

Как открылась входная дверь, девочка не слышала. Во-первых, в эту минуту у нее начался очередной приступ рыданий, а во-вторых, может, он и не через дверь появился. Что ему дверь?

Только ощутила Саша некое колебание воздуха, уловила краем заплаканного глаза неяркий свет, вдохнула чудесный аромат (все это одновременно), повернула голову и увидела в коридорчике, шагах в пяти от себя, Божьего Ангела. Хоть было темно, но от ангела исходило золотистое сияние, и длинные волосы тоже посверкивали

искорками, а глаза мягко лучились, и в протянутой правой руке (у ангелов она называется «десница») мерцала звезда. Одевание у ангела было белое, длинное, а может и не было никакого одеяния, а клубилось белое облако. Не сказать, чтобы Саша так уж хорошо все разглядела, потому что темно, слезы в глазах, ну и потрясение, конечно.

Хотя чего потрясаться — ведь сама Спасителя молила какой-нибудь знак дать.

— Не страшись греха, — прошептал златовласый ангел. Его шепот был легче дуновения ветра. — Я твой грех на себя возьму. Не о себе думай, о ближних.

Звезда в его ладони (то есть длани) ярко-ярко вспыхнула, так что Саша на мгновение ослепла. А когда снова начала видеть, ангела, конечно, уже не было, только покачивалась в воздухе золотистая пыльца.

Утром Саша каждую пылинку собрала, сыпала на бумажку и под икону положила.

С. 166 — Впрочем, в ту сторону Фандорин старался не смотреть. Сдавленным голосом, едва шевеля губами, он начал: «Я давно взрослый, но про это никогда никому не рассказывал»¹.

---

¹ Автор намеревался опустить этот рассказ, руководствуясь соображениями благопристойности, однако это было бы нечестно по отношению к читателю и главному герою. Зря, что ли, он вынес такую муку? Да и история-то, в общем, детская.

...Сдавленным голосом, едва шевеля губами, он начал:

«Я давно взрослый, но про это никогда никому не рассказывал. Вроде глупость, ерунда, а не мог. Шок, перенесенный в детстве, не забывается... Хотя нет, один раз все-таки рассказывал — психиатру, и это было ужасно. Но психиатр не считается, у меня не было выбора... В общем, так. Мне было одиннадцать лет. Мы приехали погостить к тете Синтии, в Борсхед-хаус, это ее поместье в Кенте... Понимаете, я вырос за границей, в Англии... Ладно, это к делу не относится.

Хм.

У тети Синтии было очень скучно. Она жила — собственно, и сейчас живет — в старинном доме, среди огромного парка. Там всё очень чинно, чопорно, полный дом прислуги... Нет, это тоже неважно. Существенно одно: мне было одиннадцать лет, и я ужасно скучал.

Да.

От скуки подружился с двумя девочками, примерно моего возраста. Не то чтобы подружился — играли вместе. Больше ведь никого из детей не было. Одна была дочкой садовника, другая дочкой горничной...»

— Так-так, две цыпочки-лолиточки, — азартно подбодрил замолчавшего рассказчика Морозов. — Уже интересно. Валяйте дальше.

«Как звали вторую девочку, не помню, а дочку садовника звали Твигги. То есть это она сама себя так называла. В те годы у нас — то есть не у нас, а у них в Англии — была такая актриса и модель,

очень модная. Смешная худышка, все по ней с ума сходили. И девочки все хотели быть, как она. «Twiggy» значит «веточка», и эта девочка, дочка садовника, была под стать имени — тошенькая такая, но бойкая. А подружка, наоборот, толстая, но робкая, рта почти не открывала, только хихикала. Твигги вертела ею, как хотела.

Обычно мы играли в нормальные детские игры. А однажды у меня в комнате Твигги предложила сыграть в «Freeze Game». В России такая игра тоже есть, мои дети играют. «Море волнуется раз, море волнуется два, море волнуется три. Морская фигура, на месте замри». Кто водит, должен застыть на месте и ни за что не шевелиться, иначе штраф.

Твигги была озорная. Все время меня задирала, подначивала, дразнила чистоплюем и барчуком. Меня это задевало. Давай, говорит, сыграем на wild wish, у нас это называется «на американку», то есть на любое желание. Слабо, говорит?

Играть с ней на американку я опасался, но и трусом выглядеть не хотел. В общем, согласился. Сцепились мизинцами — был у нас такой ритуал — и дали честное слово от расплаты не увиливать.

Хм.

Сначала водила Твигги. Я сказал: «Freeze!». Она застыла. Толстушка начала громко считать до пятидесяти, а я, как положено в таких случаях, принялся корчить рожи, чтоб Твигги засмеялась и тем самым проиграла. Не подействовало. Попробовал ее щекотать — терпит. Дунул в нос — ей нипочем.

Делать больно по правилам игры нельзя. Моя фантазия иссякла, тут и время кончилось. Настала моя очередь водить.

Я приготовился к таким же невинным измывательствам, но Твигги сразу, прямо на счете «раз», сдернула с меня шорты вместе с трусами, и я впервые в жизни оказался перед девочками голым...»

— Ну, что вы замолчали? — заизвивался в своих путах омерзительный доктор филологии. — На самом интересном месте. Дальше!

«Дальше... Я залился краской, завопил от возмущения, поскорей натянул трусы. А девчонки хором: «Проиграл, проиграл! Выполняй желание!»

К честному слову я уже тогда относился серьезно. Умер бы, но не нарушил. Ладно, говорю, выполню, хоть это было и нечестно.

Думал, Твигги хочет выцыганить у меня какую-нибудь вещицу — очень ей моя никелированная авторучка нравилась и набор фломастеров. Но я ошибся...

Нет, это еще не то, что вы думаете. Твигги сняла сандалию, сунула ее мне под нос и потребовала, чтобы я лизнул языком пыльную подметку.

Делать нечего, лизнул.

Она говорит: хочешь реванш? Вожу я. Если шевельнись — продула. Нет — продул ты. А кто продул, получит десять раз ремнем по голой попе (она произнесла грубое слово, которого я, мальчик из приличной семьи, не употреблял).

И я согласился. Я был ужасно зол за подметку и хотел отомквитаться. Ну а кроме того, если быть честным...

Хм.

В общем, это естественно для одиннадцатилетнего мальчика. Я подумал, что, когда она будет водить, я сделаю с ней то же самое, что она со мной.

И все началось снова. Толстая подружка, подхихкивая, начала считать до пятидесяти. Я уверен, что они проделывали этот фокус и с другими мальчишками, но тогда я об этом не думал...

Я снял с Твигги штаны — она была в джинсах. Стянул детские, в цветочек трусы...»

Морозов причмокнул.

— Как говорится, с этого момента подробнее! Что вы там увидели?

«Да что там можно было увидеть? Какие-то едва пробивающиеся перышки. Ну, бедра торчали, жалостными такими косточками. Мне стало очень стыдно, а Твигги стояла неподвижно, и хоть бы что. Я отвернулся. Снова посмотрел. Опять отвернулся. Тут и счет закончился. Так мне и не удалось ее расшевелить. Я проиграл.

Пришлось расплачиваться, согласно уговору. Я облокотился об стул, Твигги взяла ремень, стала хлестать меня по голой заднице со всей силы, очень больно.

В самый разгар экзекуции открылась дверь, и заглянула моя аристократическая тетя. Решила угостить деточек чаем со сливками.

Это было ужасно...»

Он стоял весь красный и только утирал со лба пот, не в силах продолжать. А Филипп Борисович кис со смеху — он мог быть доволен: рассказчик и в самом деле был готов со стыда провалиться под землю.

Вот, собственно, и вся пропущенная история.

С. 202 — Глава из какого-то романа «Юлиссес», автор — Джеймс Джойс, между прочим, тоже черновик, продана на «Кристис» за полтора миллиона!

И это не рекорд. Партитура фрагмента бетховеновского «Опуса 127», написанная рукой композитора, в 2002 году была продана на аукционе «Сотбис» за 1,1 млн фунтов стерлингов.

А годом ранее аукцион «Кристис» выручил 2,4 млн долларов за рукопись Джона Керуака. Керуак — писатель хороший, но все-таки, согласитесь, не Достоевский.

С. 209 — Вы мне еще Окуджаву процитируйте.

Если кто запомнил, программное четверостишие Б.Окуджавы на самом деле звучит так:

Чистое сердце в дорогу готовь,
Древняя мудрость согдится и вновь:
Не покупаются, не покупаются
Доброе имя, талант и любовь.

С. 210 — Ведь, как утверждает современная наука, какой-никакой скрытый дар заложен в каждом из нас, просто нужно как следует в человеке порыться. Про это даже роман написан, у этого, как его... забыл имя. Ладно, черт с ним.

Не «черт с ним», а роман «Азazelь», автор — Борис Акунин.

С. 215 — Одно из двух: или вы разместили на сайте чужую фотографию, или вы не Виолетта, — строго сказал Лузгаев, рассматривая девушку.

Вот история, в которой наш гений злодейства проявил свои таланты во всей красе, сработал быстро, эффективно и безжалостно.

Едва Ника и Валя уехали к коллекционеру, Саша позвонила своему покровителю и сообщила, у кого находится вторая часть рукописи. Аркадий Сергеевич немедленно связался с Олегом. Тот сорвался с места и помчался в своем реанимобиле, со включенной сиреной и мигалкой, по указанному адресу.

Пока Николас вел дипломатические переговоры с Лузгаевым, Игорь сидел на компьютере. Электронный адрес Вениамина Павловича ему сообщила Саша (помните обнаруженное в Интернете объявление: «Покупаю старые документы, письма, конверты...»?).

Прочее было вопросом техники. Игорь, обладавший множеством полезных контактов, свя-

зался кое с кем на сервере, в два счета получил доступ к почтовому ящику коллекционера. Порылся в его содержимом за последние пять суток, обнаружил переписку с некоей Виолеттой, адрес гарсоньерки, где назначена интимная встреча...

Солдатку любви Олег подстерег у подъезда. Убивать не стал — зачем? Сказал, что планы меняются, вызов аннулирован и в утешение вручил девушке несколько бумажек зеленого цвета.

Чемоданчик с усиками а-ля фюрер, фуражкой, наручниками и прочими садо-мазо-атрибутами нашелся в реанимобиле (там было полным-полно самого разнообразного реквизита).

С. 221 — ...умерщвлен стряпчий Чебаров

Значение слова «стряпчий» на протяжении истории несколько раз менялось. Во время, описанное в повести, так называли адвоката, который вел частные дела в коммерческих судах.

С. 225 — Стращал ямой...

«Ямой» в обиходной речи называли долговое отделение — особую тюрьму, куда кредитор мог поместить несостоятельного должника. В юридическом смысле яма — приемник допетровского института долгового рабства, когда заимодавец

имел право взять должника в рабство до полной выплаты ссуды. Во время действия повести «Теория» кредитор мог держать свою жертву в яме сроком до 5 лет, оплачивая содержание заключенного из собственных средств.

С. 242 — Раскольников был бледен и весь в поту. Он молча повернулся, на неверных шагах пошел к дверям, но дверей не достиг.

Ну, упал Раскольников в обморок. И что это доказывает? Больной, истощенный человек, а в конторе душно. В окончательной редакции «Преступления и наказания» Ф.М.Достоевский, как известно, переосмыслил эту сцену, значительно ее расширив и введя внутренний монолог Раскольникова.

С. 276 — Впрочем, может быть, Сивуха сказал не «пушок», а какое-то другое слово — Олег резко крутанулся на кресле, ударил по клавише, и монитор снова разразился пальбой. Но что слово кончалось на «шок», это точно.

Все-таки это было слово «пушок». Одной из целей планового двухнедельного курса лечения была стимуляция производства гормонов в организме пациента. В частности, на верхней губе и щеках должен был появиться пушок, одно из первых свидетельств полового созревания.

С. 278 — Левон Константинович дал вам самую высокую аттестацию, — назвал Сивуха имя одного из бывших клиентов «Страны Советов»...

Этот Левон Константинович не имеет прямого (да и косвенного) отношения к сюжету, но, пожалуй, все же стоит о нем рассказать, тем более что сделать это очень просто — достаточно заглянуть в дневник владельца фирмы «Страна Советов». Николасу по работе приходится встречаться с таким количеством необычных людей и любопытных ситуаций, что он взял себе за правило записывать все мало-мальски интересные случаи. Как знать, может быть, из этих правдивых историй когда-нибудь получится занятная книга социально-антропологического содержания.

Про Левона Константиновича в дневнике Н.Фандорина можно прочесть следующее.

СЛУЧАЙ С БАНКИРОМ

14 октября 2004 года ко мне обратился г-н Х., председатель правления небольшого, но преуспевающего банка N¹ (про «Страну Советов» ему в свое время рассказывал Сосо²). Дело у него было

---

¹ Все имена и названия организаций в дневнике Н.Фандорина обозначены сокращениями, так что если эти записи даже попадут в чужие руки, приватность клиентов не будет нарушена.

² Так звали фандоринского приятеля и бывшего компаньона, ныне, к сожалению, уже покойного.

малоприятное и к тому же не терпящее огласки, поэтому обратиться в милицию он не пожелал, а его собственная служба безопасности оказалась бессильна.

В доме X. с некоторых пор загадочным образом стали пропадать драгоценности. Сначала кольцо с рубином, потом часы «брегет», потом орден «За заслуги перед Отечеством» 4-й степени и еще некоторые предметы меньшей, но все равно значительной ценности.

Доступ во внутренние покои имели всего пять человек: дворецкий А., личный врач В., массажистка С., горничная Д. и официант Е., все люди проверенные и постоянно живущие там же, в загородной усадьбе X. Банкир желал знать, кто из пятерых стал промышлять воровством, избавиться от этой паршивой овцы и вернуть себе похищенное, но при этом не привлекать внимания газет и, главное, не потерять остальных своих прислужников, которых он, по его словам, «ценил на вес золота».

Я согласился провести у банкира два выходных дня, чтобы попытаться установить виновного.

Поселившись в доме под видом тренера по теннису и бейсболу, я имел возможность ознакомиться с жизнью всего поместья.

Оно огорожено высокой каменной стеной с многочисленными камерами видеонаблюдения и состоит из целого ансамбля построек. Тут и дом охраны, и дом обслуживающего персонала, и главный дом, но самое большое сооружение —

великолепный спортивный комплекс с колоннами, скульптурами и стеклянной крышей. Внутри бассейн, корт, тренажерный зал и даже площадка для бейсбольных тренировок. Всем этим роскошеством Х. пользуется один. То есть почти один.

Дело в том, что, когда он находится дома, его всюду сопровождает самка орангутанга по имени Сандра — очень забавное существо с чрезвычайно выразительными маленькими глазками, совершенно человечьими. Помимо престижа (иметь орангутанга — это «круто») Сандра еще и выполняет при Х. роль телохранительницы. Во всяком случае, он уверял меня, что орангутанги (причем именно самки) весьма привязчивы и ни за что не дадут хозяина в обиду, а силы у этих обезьян больше, чем у медведя.

В спортзале Сандра является полноправной участницей бейсбольных тренировок. Мячи банкиру подает специальная пушка, он отбивает их битой, а если пропускает, то мяч подхватывает Сандра, безо всякой перчатки и очень ловко.

Я полюбовался тем, как она это прodelывает, заодно показал Х. несколько технических приемов (как говорится в старом советском фильме «Когда деревья были большими», «помнят руки»), и за уикенд нашел возможность, не вызывая подозрений, познакомиться с каждым из персонажей, которых я обозначил пятью первыми буквами алфавита.

Не стану вдаваться в подробности, но все они показались мне людьми абсолютно порядочными.

Теперь я лучше понимал недоумение Х. Невозможно было представить, что кто-то из них занимается воровством. Честно говоря, сама миссия законспирированного соглядатая стала казаться мне несимпатичной, о чем я и сообщил своему работодателю на исходе воскресного дня.

Разговор происходил у него в кабинете. Я признал свое поражение, единственно лишь попросил банкира снять всякое подозрение с врача, дворецкого, массажистки, официанта и горничной, потому что я готов за каждого поручиться.

— Куда же в этом случае делись цапки? — рассердился Х. — Перстак на поллимона тянет, «брегет» — двести штук баксов! Инопланетяне что ли уперли?

Я лишь развел руками. От этого жеста из-под пиджачного рукава высунулся манжет рубашки и, должно быть, блеснула запонка — золоченая.

Сандра, сидевшая на полу между нами и уморительно смотревшая то на Х., то на меня, заинтересовалась блеском, довольно решительно взяла меня за запястье и лизнула мой манжет своим длинным красным языком.

Тут я вострепнулся. Припомнил, как читал в заметках моего предка Исаакия Фандорина, который первый попытался составить историю нашего рода, рассказ, поведанный ему в раннем детстве отцом, Самсоном Даниловичем. Тот еще ребенком побывал при дворе великой Екатерины и видел там обезьянку, воровавшую у придворных разные блестящие предметы.

— А где спит Сандра? — спросил я у хозяина. — Есть у нее какое-нибудь лежбище или будка?

Оказалось, есть — довольно большая комната с японским матрасом на полу, с игрушками, даже с собственной уборной (нечто вроде биотуалета).

Я порывлся в укромных уголках, но драгоценностей нигде не обнаружил. Хотел было снять подозрение и с Сандры, вслед за остальными, но вовремя вспомнил, как она норовила сунуть мою запонку в рот.

Спрашиваю:

— Скажите, а есть у вашего врача рентгеновское оборудование?

— Само собой, — отвечает хозяин. — А вам зачем?

— Идемте, — говорю.

И что вы думаете?

На снимке брюшной полости Сандры отлично просматривался силуэт часов. Более того — если приложить ухо к мохнатому животу обезьяны, доносилось отчетливое тиканье (что безусловно свидетельствует о высоком качестве этого хронометра).

Более мелкие предметы обнаружили при осмотре содержимого биотуалета. Золото и драгоценные камни нисколько не пострадали, только орден «За заслуги перед Отечеством» под воздействием то ли желудочного сока, то ли биореактивов немного облез.

Врач предложил сделать обезьяне полостную операцию, чтобы извлечь «брегет», но Х., надо

отдать ему должное, пожалел рыжую Сандру. Так она и ходит по усадьбе с двумя сотнями тысяч долларов в животе.

С. 286 — Пропал Шика. Бесследно. Сам в ноль вывелся. Куда исчез, почему — до сих пор загадка.

— А если его грохнуть? — шепотом спросил Олег. — Ты ведь умеешь. Просто грохнуть и все. А?

Шепотом — потому что Вячеслав Леонидович, папин однокурсник, чья дача, спал в соседней комнате. Таких дач Олег отродясь не видывал: собачья будка какая-то, участок шесть соток. Но мужик хороший, веселый. Специально приехал, печку протопил. Лишнего ничего спрашивать не стал. Сказал: «Такие времена, понимаю. Где бизнес, там и мафия». А чего он может понимать, завлабораторией?

На Олеге было два одеяла и сверху еще ватник. Весна весной, но по ночам минус, а печка — одно название.

Игорь в ответ только вздохнул.

— В прежние времена я бы такого баклана легко сделал. Охраны считай вовсе нет. Оборзел, никого не боится. Он в своих Любищах царь и бог. Отморозок поганый. Мужика одного, который платить не хотел, на циркулярке распилил. Для острастки. Другого бензином облил и поджег. Из-за бабы. Главное, что ему бабы? Чисто для понтов человека сжег. Шика малолеток любит. У него около дома вечно па-

цанва с Казанского вокзала трется — влегкую лаве нарубить... Ух, я б этого уroda со всем моим удовольствием. — Игорь даже зубами скрипнул, от искушения. — Нельзя. Сказала Матушка-Заступница: «Не убий».

«Идиот проклятый», беззвучно выругался Олег. А вслух сказал:

— Слушай, а вдруг Богоматерь тебе снова явится? И скажет, что такого гада, как Шика, можно?

Игорь подумал.

— Не поверю. Это меня Сатана искушать будет. А Матушка, она убивать никого не благословит. И потом, что толку? Он же не один, Шика. Там еще Пиночет есть, другие. Сообразят, кто Шика заказал, не дураки. Молиться надо — одна надежда. Ты спи давай.

Разговор этот был в самый первый вечер, когда только на дачу приехали.

Ночью Олегу приснился сон. Сначала было все, как наяву. Он тоже подглядывал через шелку, и жуткий Шика орал на папу, лил на скатерть вино из фужера. А потом это была уже не скатерть, а белый снег на реке. И прорубь, только в ней не вода — кровь. И папа в этой дыре тонул, захлебывался, кричал, но помощи ниоткуда не было.

Олег проснулся от собственного хрипа. Долго смотрел в дощатый потолок. Думал.

Идея пришла в голову назавтра.

Утром он умывался и чистил зубы (на это всегда уходило минут двадцать, минимум). Как обычно, смотрел на себя в зеркало, с ненавистью.

Восемнадцать лет, а на вид одиннадцати не дашь. Лилипут из цирка.

Подошел Игорь, тоже стал зубы чистить. Это было непривычно — дома у Олега имелась своя ванная, у Игоря своя.

— Это ничего, что ты маленький, — сказал Игорь. — Даже хорошо. Я тоже переживал, что метр шестьдесят. А потом понял. Маленький кого хочешь завалить может, потому что от нас не ждут. Ты, главное, усеки: сила не нужна, она только сковывает. Главное — реакция и гибкость. У тебя и то, и другое есть. Все на лету схватываешь. Нам тут неизвестно сколько париться, я тебя новым приемчикам научу.

Хозяин уехал в Москву, никто им не мешал.

Сначала Игорь поучил, как противника в отключку класть: берешь пальцами за шею, нажимаешь вот сюда, сильно, и держишь, но не больше десяти секунд, а то никогда уже не проснется.

Потом стреляли по мишени из бесшумного пистолета. Игорь разрешал целить только по рукам и ногам. Достал уже со своим «не убий», зомби недоделанный.

Потом махались и через голову прыгали.

Игорь сказал:

— Эх, мне бы раньше такого подельника. Наделали бы делов, на пару-то. На пацаненка ж никто не подумает.

Просто похвалить хотел, морально поддержать. А у Олега в голове будто колокольчик звякнул. Это пришла она, идея.

Пока ехал в Любищи на своем «лендровере», два раза гаишники останавливали. Лупят-ся на недоростка, у которого под задницу подушка подложена, тарашатся на высокие, по спецзаказу, педали, а придраться не к чему. Совершеннолетний, права есть, да еще и номер блатной. Козырнут, «продолжайте движение», и все дела.

Шикина вилла стояла за городскими домами. С одной стороны какой-то заброшенный завод или, хрен его знает, бывшая станция-подстанция, с другой — чистое поле, вдаль виден лес.

Дом здоровенный, красного кирпича, с башенками. Но стена невысокая, не то что на папиной даче. Ворота нараспашку, охраны вообще не видно. Демонстрирует, ублюдок, что ему бояться некого.

Джип Олег в кустах оставил. К воротам подошел на своих двоих. Сначала, конечно, переделся: подростковая курточка, паршивые вьетнамские кроссовки, треники с пузырями на коленках. Одолжил всю эту красоту на даче у Вячеслава Леонидовича. Тот говорил, сынишка у него в пятом классе.

Информация у Игоря оказалась точная. У ворот топтался какой-то мальчишка, лет четырнадцати. Курил сигарету, держа ее двумя пальцами, большим и указательным. Ждал, не позовут ли в дом.

Лицо у мальчишки было, как у маленького старичка, вдоль рта две складки. Наверно, на меня похож, подумал Олег. Но случай прямо про-

тивоположный: у меня недопроизводство гормонов, а у него пере.

На Олега подросток зыркнул по-волчьи, сплюнул.

— Шика-то дома, не знаешь? — как ни в чем не бывало спросил Олег.

— Вали отсюда. Занято, — с угрозой сказал шпаненок.

А когда Олег не тронулся с места, схватил его левой рукой за лицо и оттолкнул.

Это он зря сделал. Дотрагиваться до своего лица Олег разрешал только папе. Игорь, и тот, когда захват показывал или, например, вчерашний прием на отключку, старался кожи не касаться — знал, что будет. А этот своей грязной пятерней, да еще сжал.

От ярости и отвращения Олег плохо запомнил, что он сделал с малолетним проститутком (черт его знает, есть такое слово или нет?). Когда малость опомнился, мальчишка уже бежал прочь. Оглядывался с выпученными от ужаса глазами, весь лоб был в крови и губа, кажется, разорвана.

Но Олега еще не отпустило. Кинулся догонять.

Обидчик проскочил через дыру в бетонной стене на территорию заброшенного заводика — Олег следом.

Парнишка в заваленный щебнем цех — Олег не отстает. Бежит, а в глазах темно от бешенства.

Из цеха шпаненку деваться было некуда: вход один, окон нет. Но будто сквозь землю провалился. Олег потыкался-потыкался, хотел уже назад, вдруг видит — капля крови на досках. Отодвинул

доски, а там колодец, глубокий. Сбоку железная лесенка, и на ней паршивец этот сжался, дрожит весь.

Хорошо, Олег уже успел немного остыть, иначе точно голову бы оторвал. А так сказал лишь — тихо, убедительно:

— Чтоб я тебя в Любищах больше не видел. Никогда. Понял?

— П-понял, — пролепетал мальчишка, и по нему видно было: действительно, понял.

План у Олега был такой. Шляться перед домом, пока не позовут на смотрины. Не позовут сегодня — приедет завтра. Послезавтра. Короче, до результата. Что смотрины он пройдет, можно не сомневаться. Смазливый золотоволосый мальчонка, мечта педофила.

Про педофилию он был в курсе — вооружился спецлитературой, за вчерашний день досконально ознакомился с этой аномалией. Знал, что и как делают с мальчиками извращенцы вроде Шики. Это будет омерзительно, но ради папы придется потерпеть. Потом, когда Шика уснет (в спецлитературе было написано, что самцы после сексуального акта обычно засыпают), нужно достать бесшумный пистолет и сделать контрольный в голову — как киллеры в кино. Тихонько выбраться из дома. Финито.

Сначала примерно так и шло. Через какое-то время в воротах появился мужик в темных очках (Олег знал — это Пиночет, главный Шикин помощник). Поманил рукой.

Обыскивать не стал — чего бояться малолетку?

Только спросил брезгливо:

— Таксу знаешь? Стольник. Гляди, утыришь что-нибудь в доме — под землей достану.

Олег посидел с полчаса в большой комнате, кругом лепнина с бронзой, мореный дуб.

Вышел Шика, здоровенный ублюдок с большим слюнявым ртом и ручищами до колен. Окинул взглядом, ухмыльнулся.

— Вино пьешь?

Олег помотал головой.

Спальня у Шики оказалась на первом этаже. Это было кстати — можно потом в окно слинять.

Когда Шика начал его мять и вертеть, Олег стиснул зубы. Начиналось самое трудное. Но до гадостей, описанных в спецлитературе, дело не дошло. Переоценил Олег свою выдержку.

На первой же минуте, как только Шика полез целоваться, Олега замутило. Он обхватил скота за шею, сжал пальцами там, где показал Игорь, да так и не отпустил. Ни через десять секунд, ни через минуту, ни через две.

Сначала Шика не понял, решил, что мальчонка его обнимает. А когда сообразил, уже поздно было, вся сила из него ушла, глаза сами собой закрылись.

Разжав онемевшие пальцы, Олег еще долго смотрел на труп, все не мог поверить, что сделал это. Что получилось. Оказывается, убивать совсем просто. Если умеючи.

Долго тер руки одеколоном, чтоб отчиститься. Уйти пока все равно было нельзя, потому что по

двору слонялись двое быков из Шикиной команды. Требовалось обождать.

Наконец, быков позвал Пиночет, во дворе стало пусто. Всего и делов — выпрыгнуть, добежать до невысокой, метра полтора, стены, перелезть через нее и поминай, как звали. Но тут Олег вспомнил слова Игоря: они сообразят, кто Шикю заказал, не дураки. Будут охотиться на папу, пока не найдут. Как этого избежать?

Запаниковал было, но вдруг вспомнил, как Шика над залитой вином скатертью прошипел: «В ноль выведу. Исчезнешь без следа, будто тебя никогда не было!»

И сразу никакой паники. Задача ясна, требуется инженерное решение.

Минут десять обдумывал. Один раз за дверью послышались шаги, и Олег застонал — в книжке было написано, что во время сексуального акта все стонут. Шаги удалились.

Наконец, инженерное решение сформировалось.

Он выбрался через окно, и скоро был около джипа. В багажнике лежал трос, двадцать пять метров. Недавно, когда снег еще не сошел, они с Игорем развлекались: Игорь садился за руль, гнал по заснеженной лесной дороге, а Олег сзади, на лыжах, вроде как за катером. Здорово было.

Тем же путем пробрался обратно в спальню.

Уйти нужно было чисто, чтобы без подозрений.

Поэтому, сделав то, что нужно, пошел через коридор в большую комнату. Там сидел Пиночет, читал журнал.

— Все, что ли? — спросил Пиночет.

— Сто баксов давай. — Олег шмыгнул носом.

— А Шика что?

— Спит.

Пиночет встал, прошел до спальни, тихонько приоткрыл дверь.

Шика лежал под одеялом, лицом к стене. В комнате было наполовину темно, потому что дело уже шло к вечеру, да и шторы Олег задвинул.

Стодолларовую бумажку Пиночет в руку не дал, побрезговал. Кинул на пол.

Ну, Олег подобрал, конечно. До двери Пиночет его довел, а во двор не вышел. Зачем? Сам ворота найдет.

Олег, пригнувшись пробежал вдоль дома и подобрал трос, конец которого свисал из окна спальни. Перекинул моток через стену. И только тогда ушел — через ворота, в открытую.

Через четверть часа к внешней стене тихо, задним ходом подкатил «лендровер». Олег привязал конец к буксировочному крюку.

Об одном потом жалел — что не видел этой картины во всей красе. Но представить было нетрудно.

Полутемная спальня. В кровати лежит человек. Может, спит. А может, еще что.

Вдруг шорох. На полу зашевелился тонкий пластиковый трос. Натянулся. Человек пополз с

кровати вместе с одеялом. Бум! Глухо стукнулся об пол. Доехал до окна. Ноги, обвязанные тросом, задрались кверху. Маленькая остановка. Немножко подбавить газу. Опа! Ноги уже над подоконником. Шторы раздвинулись.

Хлоп! Стукнуло уже посильнее — это туша шмякнулась по ту сторону окна. Теперь нужно еще газку, потому что могли услышать.

Труп, уже без одеяла (оно осталось на полу спальни), шустро проехал через двор, ногами кверху взлетел на стену. И опять — хлоп!

Тут, наверно, Пиночет или еще кто, выглянул на шум. Ну и что увидел? Два красных огонька — какая-то тачка уезжает в темноту. Может, постояли пару минут, подождали. Но ничего подозрительного больше не произошло.

Главная возня началась позднее, когда Олег мертвеца до колодца волок. Неправ все-таки Игорь. Реакция и гибкость хорошо, но и сила тоже бывает нужна.

Потом еще раз специально приехал к коллектору. (Это никакой не завод оказался, он узнавал — бывшая городская очистительная станция.) Сделал для колодца специальную крышку. На вид бетонная, а сама из легкого полимерного материала, всего десять килограммов весит. Короче, обустроил тайник по-культурному. Как чувствовал — еще пригодится воды напиться.

А идиот Игорь, когда стало известно про исчезновение Шики, сказал: «Я тебе говорил, молиться надо».

С. 287 — Три дня отсидел — вдруг выпускают. Оказывается, врага моего Бог покарал. Самым недвусмысленным образом.

Этот эпизод стоит рассказать не из-за фокуса с упавшим распятым (подумаешь, бином Ньютона), а из-за девочки Поли, которая сказала: «Здорово, правда? Как в кино!»

Олег подкатился к ней в первый же день, как папу арестовали. Врасплох этот кризис гения не застал, он был готов к такому повороту дела, знал, как будет действовать. Даже информацию собрал заранее. Например, установил, что проникнуть в дом Сипунова будет проще всего через Полину Закускину.

Итак, сентябрь 1998-го. Олегу Сивухе двадцать один год. Выглядит максимум на тринадцать. Отец в Матросской Тишине, и дурно от одной мысли, что ему, такому элегантному, привыкшему к хорошей кухне, сигарам и сорокалетнему виски, придется сидеть в камере со всякими подонками, слушать их идиотский треп, *пользоваться общим унитазом.*

Главное — быстрота. Месторасположение и характер опухоли известны (она называется «Сипунов»), остается прооперировать. Как водится в таких случаях, без уголовщины, чтобы не подставить папу.

К даче Сипунова (ведомственный поселок в Барвихе: высокий забор, КПП) Олег подкатил на квадроцикле. На голове лакированный шлем, ко-

жанные перчатки без пальцев, гоночные очки в полфизиономии — в общем, супер-прикид рублевского тинейджера.

Объект как раз должен был возвращаться из школы. Пяти минут не прошло, к остановке подъехал автобус, сошла конопатая девочка-переросток в дешевом джинсовом костюме. Довольно страшненькая, сутулится, а походка, как у кочегара (это папа так говорил, сам Олег кочегаров в жизни не видывал). Короче, то, что надо.

Он дал девчонке себя заметить, потом подрулил, стал знакомиться. Она сначала аж не поверила своему счастью — еще бы, такой принц-королевич.

Через часок, погнав с ней туда-сюда по проселку, Олег знал про Полю всё: дочь заместителя министра, у них свой самолет и четыре машины «Мерседес», а на автобусе она приехала чтоб поприкалываться — поспорила с подругой, слабо проехать без билета или нет.

На самом деле Полина Сергеевна Закускина, 1986 г.р., ученица 6 класса Коньковской средней школы, являлась дочерью С.В.Закускина, садовника на даче у Сипунова. Согласно полученной информации, после уроков и по выходным подрабатывала в доме младшей горничной.

Про себя Олег рассказал, что он сын продюсера с НТВ, живет на Николиной Горе, а учится в Первой гимназии — на класс старше, чем Поля (это чтобы про школьные задания не разговаривать).

Уговорить девчонку, чтоб показала «папин» дом, было нетрудно. Олег знал, что в это время хозяев там нет.

Через проходную она провела его без проблем. Сказала дежурному: «Дядь Леш, это ко мне» — и все дела.

Водила его по дому, хвасталась («это мы в Куршавеле купили, это раковина с острова Маврикий, а это папе сам Борис Николаевич подарил, еще в Екатеринбурге»). Олег одобрял, сам пока присматривался.

То, что он искал, обнаружилось в домашней часовне. Сначала Поля рассказала про замечательное распятие из уральских камней, потом показала на место для молитвы: резной пюпитр, перед ним скамеечка с бархатной подушкой (этот гарнитурчик выглядел богато, но не шибко православно — скорее нечто католическое).

— Папа каждый вечер тут молится. Вот так на коленки встанет, лбом сюда упрется, глаза зажмурит и полчаса как минимум. Очень истово молится..

Слово «истово» девочка произнесла с удовольствием — оно ей нравилось. И еще раз повторила:

— Ужасно истово. Все бормочет, бормочет. Я один раз вон там за дверью подметала, стала слушать — ничего не разобрала, только «дивиденды, дивиденды»...

Тут она поняла, что проговорилась. Залепетала:

— Меня мама воспитывает, чтоб я сама кровать убирала, полы подметала, посуду мыла... То

есть, у нас, конечно, посудомоечная машина, но...

Так покраснела, что Олегу ее жалко стало. Она вообще-то ничего была, эта Поля. Смешная.

На следующий день он ее в кино пригласил, потом в кафе. Во-первых, дома целый день торчала мадам Сипунова, а во-вторых, нужно было еще с нитью поэкспериментировать.

В кино, когда «Титаник» начал переворачиваться, Поля взяла его за руку. Ладошка у нее была потная, но пришлось потерпеть.

На третий день он снова напросился к ней «в гости». Принес фиалок, маленькую бутылку «клик» и настоящего омара. Поля вся прямо просияла.

Пока накрывала стол и варила ракообразное, Олег спустился в часовню и всё организовал.

Гениально, изящно, просто.

Сипунов опускается коленями на подушку, срабатывает элемент с пятисекундным замедлителем (чтоб успел лбом в пюпитр уткнуться и глаза закрыть). Верхний шуруп, держащий распястье, обработан кислотой — по виду, будто ржавчина разъела. Держится на одной нити. Через пять секунд нить отсоединится, и малахитовый крест влепит заместителю министра острым концом аккуратно по темечку. Мозги вышибет стопроцентно.

Тут главный трюк был в коллагенововолоконной нити (собственная разработка). Во-первых, прозрачная — хрен заметишь. Во-вторых, особой структуры: от длительного соприкосновения с

воздухом начинает разлагаться. Вещдока из нее никак не получится.

Пока Олега не было, Поля успела платье надеть и даже накрасилась — густо, но не сильно ловко. Съели омара, выпили по бокалу шампанского. Потом она к нему наклонилась, вытянула губы трубочкой, пришлось поцеловать.

Не ужасно. Он думал, хуже будет. Чмокнул и отодвинулся.

А она говорит:

— Здорово, правда? Как в кино!

И снова ее жалко стало.

Но жалко, не жалко, а дело есть дело. Нужно было расстаться так, чтоб не показалось подозрительным: чего это он то крутился-крутился, а то вдруг исчез.

Пока Поля вытяжкой запах омара устраняла и мусор в пластиковый пакет укладывала, он рассматривал фотографии на стене.

— А чего это тебя ни на одной фотке нет? Тут всюду другая какая-то девчонка. Она кто?

— Сестра, — бледнея, прошептала бедная Поля. — Она в Швейцарии учится...

— А ты, значит, в Конькове? В общеобразовательной с швейным уклоном? — добил ее Олег. — Чего-то тут не так...

Ну и так далее. Самому было неприятно. Это ладно, интересно другое. Ему потом за каким-то хреном не раз приходило в голову: может, разыскать эту самую Полину Закускину? Какая она теперь? Что с ней?

Не стал, конечно — слишком опасно. Не из-за Сипунова, а потому что...

Ну короче, опасно и всё.

С. 288 — Девятого, в День победы, плавал он на яхте по Истринскому водохранилищу. Заметьте, один. И вдруг яхта вспыхнула огнем, ни с того ни с сего.

Олегу Сивухе удалось разгадать загадку, которую задал ученым последующих веков Архимед Сиракузский, сумевший поджечь флот Марка Клавдия Марцелла при помощи вогнутых зеркал. Экспериментаторы нашего времени неоднократно пытались повторить этот технический трюк, используя современные отражатели тщательно рассчитанной параболической формы. Максимальная дистанция эффективного действия подобного теплового оружия оказалась очень мала. Дерево удавалось поджечь максимум метров с двадцати. Архимед же сумел подпалить римские триремы с расстояния, превышавшего дальность полета стрелы.

Однако Олег разгадал, в чем тут загвоздка. «Солнечный зайчик» античного изобретателя был нацелен не на разбухшие от морской воды борта кораблей, а на просушенные солнцем паруса. Вполне компактного аппарата с X-образным светопреломителем, отчасти напоминающим пресловутый гипер-болоид инженера Гарина, оказалось достаточно, чтобы полиэстерный парус на яхте кандидата в депутаты затлел и вспыхнул. Расстояние от яхты до

холмика, где наследник Архимеда установил свой агрегат, составляло 244 метра. Правда, следует отметить, что яркость солнца в тот майский день была чрезвычайно высокой: 3950 Кд/м².

С. 311 — В общем, чудо в чистом виде. Явление Богоматери разбойнику, как в древних житиях.

Не будем забывать, что, готовясь к черному делу, обстоятельный киллер оставил в прихожей куртку, и маленький Олег видел это на экране. Хотя что значит «маленький»? Шестнадцать лет. К тому же больные дети, как известно, взрослеют быстро.

Что им с папой конец, Олег понял сразу. Сколько под столом ни прячься, этот аккуратист найдет. И не помилует. Достаточно было разок посмотреть в неподвижные, будто горящие пламенем глаза. Фанатик, маньяк!

Ну а если фанатик — шанс есть. Попытался, во всяком случае, стоило.

Пока Аркадий Сергеевич доставал из сейфа «браунинг», а убийца осматривал помещения первого этажа, Олег сбежал по лестнице вниз, порылся в карманах куртки.

Обнаружил там документы на машину и водительские права.

Аудиооборудование у папы в часовне было классное. Акустика тоже.

Когда маленький человек с пистолетом в руке осторожно переступил порог, тихонько заиграл

Бах, и высокий голос, льющийся откуда-то сверху, сказал с ласковой укоризной:

— Пожалел бы ты себя, Игорь Шанежкин. Почему сказано: «Не убий», знаешь? Потому что убивающий не чужую душу губит, от своей собственной кусок отрезает. Всего тридцать один год ты на свете прожил, а сколько в тебе живой души осталось? С наперсток...

Пошелестел так в микрофон минуту-другую, у киллера пистолет на пол упал, а потом и сам Игорь Шанежкин 1962 года рождения, водительский стаж с 1981 года, рухнул ничком и глухо, неумело зарыдал.

Еле-еле успел Олег в мониторную вернуться. Не отдышался еще от беготни, когда туда вошел папа.

ТОМ 2

С. 79 — А ночью Морозов умер.

Третий час пополуночи. Больничная палата.

Тихо — лишь вздыхают насосы системы жизнеобеспечения, да время от времени побулькивает капельница.

Темно — лишь помигивают разноцветные огоньки на медицинских аппаратах, да поблескивает металл кардиоплегической стойки.

На полу возле кровати лежат стопками пролистанные тома полного собрания сочинений. Одна из книжек в стороне, на столике. Из нее торчат четыре закладки.

Больной совсем выбился из сил, он спит. Рядом, в кресле, поджав ноги, спит его дочь. Она помогала отцу и тоже очень устала.

У девочки лицо безмятежное, дыхание ровное, губы чуть раздвинуты в полуулыбке.

Мужчина тоже улыбается во сне, но совсем по-другому: зло, алчно, из уголка рта свисает ниточка слюны. Вот он заворочался, проурчал что-то невнятное и открыл глаза.

Они устремлены на два светлеющих в темноте овала. Это у девочки из-под края юбки торчат колени.

Кадык на горле больного жадно дергается, из груди вырывается рычание. Он скидывает с себя одеяло, тянется к креслу. Провода и трубки, соединенные к его груди, локтю, виску, сначала натягиваются, потом провисают.

Мужчина обмяк, рука с глухим стуком ударилась об пол.

Девочка не слышит, она крепко спит.

С. 88 — Ой, смотрите, шеф. А тут вот еще подчеркнуто. Тоже в письме раскольниковской мамашки. То есть было подчеркнуто, кто-то ластиком стер. Вот: «господин Свидригайлов».

Разумеется, в книге было не три, а четыре закладки. Аркадия Сергеевича Сивуху, главного своего покупателя, затмившего всех предыдущих, Морозов обозначил для себя как Свидригайлова — стало быть, обнаружил черты сходства. И но-

мер телефона на полях был написан, а как же. Но девочка Саша не могла допустить, чтобы Николас увидел эту запись. Потому и применила ластик. Номер телефона стерла тщательно, а черточку под «господин Свидригайлов» не очень.

С. 125 — Пап, я хочу задать очень важный вопрос. А правда, что мы на свете не один раз живем, а много-много раз? Мне один человек сказал.

Ангелина Фандорина была ученицей шестого класса школы с историко-филологическим уклоном, но мечтала стать не историком и не филологом, а наоборот актрисой. Для этого она занималась в театральном кружке-студии. Начинала с роли Капустки в пьесе «Веселый урожай», затем была в «Золушке» Третьим Придворным, а со временем ей стали давать настоящие, большие роли, потому что у Гели обнаружились явные способности и, может быть, даже талант.

В мае, перед самыми каникулами, она с большим успехом сыграла Гермиону в инсценировке «Гарри Поттера», и в награду получила право выбрать себе роль в следующем спектакле: студия взялась за трагедию Вильяма Шекспира «Гамлет».

По правде сказать, выбирать было особенно не из чего. «Гамлет» — пьеса, написанная для мальчишек. Женских ролей всего две, и обе второго плана: Офелия, которая довольно быстро сходит с ума и тонет, да королева Гертруда — та вообще возрастная.

Динка Лебедева, главная Гелина соперница по труппе и по жизни, страшно распереживалась — была уверена, что Геля выберет Офелию, потому что в Офелию влюблен принц Гамлет, а его будет играть Виталик Сухарев. (Если коротко про Виталика: других таких мальчиков на свете нет.) Но Геля подумала-подумала и сказала, что будет Гертрудой.

Офелия с Гамлетом только разговаривает, а Гертруда, хоть она пожилая, принцу приходится матерью и вообще женщина так себе, в сцене, где убивают Полония, восклицает: «Ах, Гамлет, сердце рвется пополам!», а потом обнимает и целует Виталика. То есть Гамлета.

И теперь Геля на каждой репетиции, три раза в неделю, на совершенно законном основании, при всех обнимала Виталика Сухарева, целовала в щеку, и в эту секунду сердце у нее, в самом деле, практически рвалось пополам.

Так продолжалось весь июнь и больше, чем пол-июля, а потом случилась трагедия — настоящая, куда там Шекспиру.

В этот день была генеральная репетиция. Родителей на нее не пустили, зато приехали гости Московского кинофестиваля, настоящие иностранные актеры и актрисы. Их заведующий студией Лев Львович пригласил, потому что он с самим Никитой Михалковым знаком.

Все, конечно, волновались, и Геля тоже. От этого она немножко увлеклась и, кажется, обнимала Гамлета чуть дольше, чем нужно. Подумаешь!

А Виталик, когда за кулисы ушли, вытер щеку, демонстративно так, и громко сказал: «Ты чего, Фандорина? Обслюнявила всего». Все это слышали. И Динка.

В эту секунду сердце у Гели окончательно разорвалось, и, как говорится в русских народных сказках, свет ей стал не мил.

Отошла она в сторонку, в глазах темно, а когда сунулся Олежка Ткач (он Горация играл) и шепнул: «Ладно тебе, не обращай внимания», Геля его отпихнула.

Вдруг кто-то сзади трогает ее за плечо и говорит:

— Зря ты так, Ангелина. По-моему, этот мальчик лучше того. К тому же существует версия, что Гораций был из рода фон Дорнов, а значит, он нам родственник.

Это была одна из зарубежных артисток, Геля ее в первом ряду видела. Как попала за кулисы, непонятно. Очень красивая брюнетка с короткой стрижкой и огромными зелеными глазами. Одежда — с ума сойти, алые ногти чуть не по пять сантиметров, на груди кулон в виде золотой змейки, проглотившей свой хвост. В общем, эффектная женщина.

В другое время Геля смутилась бы. Ну, как минимум, удивилась бы: иностранка, а хорошо по-русски говорит, да еще фон Дорнов поминает. И потом, в каком смысле «он нам родственник»?

Но сейчас Геля была такая несчастная, что ни смущаться, ни удивляться не могла, а только всхлипнула и сказала, что думала:

— Я жить не хочу.

— Довольно глупое замечание, — пожала плечами странная артистка (все-таки говорила она не совсем чисто, с акцентом). — Не нравится — можно попробовать сызнава. Жизнь — она ведь бесконечная. Как вот эта змейка.

И дотронулась кроваво-красным ногтем до своего кулона...

Впрочем, это отдельная история, которую комкать ни в коем случае нельзя. Расскажем как-нибудь в другой раз.

С. 151 — Зиц-Коровин потянулся за одеждой. «Вы же частный детектив или что-то в этом роде? Я понимаю, вас наняла моя жена».

Как это часто случается с врачами, Марк Донатович женился на собственной пациентке.

Супруга доктора Марина Васильевна страдала редким и весьма любопытным с научной точки зрения заболеванием — так называемыми онейроидными видениями. Люди, подверженные этому удивительному недугу, ведут двойное существование. В повседневной жизни они более или менее адекватны, но кажутся несколько вялыми, заторможенными. Происходит это из-за того, что все их эмоции и духовные силы устремлены в иную, иллюзорную реальность, которая кажется им настоящей. Некоторое время назад в газетах был описан

случай слесаря Т., который уверял, что на самом деле он — воин армии Ганнибала, погонщик боевого слона, и движется через Галлию на Рим, причем описывал такие подробности карфагенского быта и вооружения, что историки только диву давались. Для снов или галлюцинаций эти сведения были слишком точны и подробны.

Марина Васильевна уверяла, что в иной реальности она — койя, то есть жена великого инки и главная жрица Храма Луны. Каждый вечер она описывала Марку Донатовичу события, происходящие в городе Куско, где пятьсот лет назад, до испанского завоевания, находилось святилище лунной богини Мама-Килья. Иногда жена с легкостью переходила на иное наречие. Специалист по империи инков, послушав магнитофонную запись, сказал, что, судя по ряду признаков, это архаичный вариант языка кечуа.

Этот брак для Зиц-Коровина было совмещением очень полезного с очень приятным,

Во-первых (это если о полезности), доктор акуратнейше собирал этот уникальный материал, готовясь со временем произвести сенсацию в мире науки. Возможно, даже двух наук — психиатрической и исторической.

Приятность же составляли сами рассказы. О канувшей в Лету «стране Тауантинсуйу» Марина Васильевна рассказывала невероятно увлекательные вещи. Например, о священном храме, куда непосвященным запрещалось попадать под страхом лютой смерти. Об интригах при дворе ве-

ликого инки. О светлокожем чужаке, спустившемся в долину с той стороны, откуда восходит солнце. Аномальная и при этом неиссякаемая фантазия супруги порождала такие удивительные истории — заслушаешься. Зиц-Коровин ощущал себя калифом, слух которого еженощно услаждают «дозволенные речи» Шахерезады.

Нервировало лишь одно. Иногда Марина Васильевна, вообще-то дама малонаблюдательная и апатичная, вдруг как бы встряхивалась и, схватив мужа за плечо, грозно говорила: «Не вздумай мне изменить! Иначе рабы Святилища вырвут тебе сердце». Тут Марку Донатовичу, конечно, делалось немножко не по себе.

С. 188 — Ей было поручено заманить Николаса в больницу. Выходит, Аркадий Сергеевич уже тогда знал о существовании Фандорина. Откуда?

См. примечание к с. 101 тома 1.

С. 201 — Чуть покачнувшись, он подошел к дивану, где полулежало тело Марка Донатовича.

Наверное, все-таки, следует рассказать про последние минуты доктора Зиц-Коровина.

— Кого ты изображаешь сегодня? — спросил Марк Донатович, когда дверь вместо Олега от-

крыло диковинное существо в собачьей маске и красном кимоно. — Войти можно?

Пациент молча посторонился.

С жизнерадостной улыбкой (а у самого в кармане палец на тревожной кнопке) главврач вошел в «палату» и поежился. Ему всегда делалось не по себе в этом нелепом помещении, набитом мудреной техникой и детскими игрушками. Наверное, предчувствовал что-то, на уровне подсознания.

— Слушай, — легким тоном начал Коровин, оборачиваясь к ряженому. — Что мне в голову пришло. Вот ты плохо спишь. А если тебе сделать укольчик сомналгина? Новейшее средство, совершенно безопасное. Только что из Англии прислали.

По дороге сюда, в процедурной, он захватил заряженный шприц — разумеется, не со снотворным, а с особым препаратом, временно подавляющим волю. Необходимейшее средство, если нужно получить откровенные ответы от трудного пациента. Жаль, к покойному Морозову нельзя было применить — сердчишко не выдержало бы.

— Ну как, уколемся? Ночью будешь спать, как младенец, — прожурчал Коровин и мысленно прибавил: «Сейчас, голубчик, ты мне всю правду расскажешь».

Из-под песьей маски на него смотрели два немигающих глаза.

— Хорошо. Только сначала я вам один коан расскажу. В книжке недавно прочитал.

— Что расскажешь? — не расслышал Марк Донатович.

— Коан. Дзэнский. Вы присядьте пока.

Олег показал на диван. Сам сел напротив, на краешек стола. Его руки были спрятаны в рукава кимоно.

— Перед тем как присоединиться к сонму бодхисатв, учитель Нонсэн говорил с учениками, сам еще не зная, что эта беседа последняя.

«Что нужно сделать, дабы лучше видеть?» — спросил Нонсэн.

«Выколоть себе глаза», — ответил первый ученик Сёдзю.

Учитель наградил его цветком лотоса.

«Что нужно сделать, дабы лучше слышать?» — далее спросил он.

«Заткнуть уши», — быстро сказал второй ученик Сондзю и получил удар бамбуковой палкой.

Сёдзю же без единого слова упал в траву и слился с землей.

Нонсэн снова дал ему цветок и задал последний вопрос:

«Человек съел плод, внутри которого зародыш проказы. Кто кого съел?»

Сондзю не осмелился открыть рот, а Сёдзю, заплакав, молвил:

«Учитель, тебе настало время примкнуть к сонму бодхисатв».

— Ну и в чем тут соль? — пожал плечами Зиц-Коровин.

Внимание!
Это еще не все!

ЗАГАДКА П.П.П. РАЗГАДАНА!

У магистра истории Николаса Фандорина не хватило сообразительности разгадать стихотворную загадку, заданную Ф.Б.Морозовым. Работники «ОЛМА-ПРЕСС» решили выйти на след «перстня Порфирия Петровича». Лучшие умы издательства бились над этим кодом не один день, и в конце концов его расшифровали!

Мы воспользовались указаниями, содержащимися в четверостишии:

Пять камешков налево полетели.
 Четыре — вниз и не достигли цели.
 Багрянец камня светит на восход.
 Осиротев, он к цели приведет.

Стишок привел нас в сквер на Суворовской площади близ Уголка Дурова, и сначала мы решили, что злокозненный доктор филологии произдевался: обошелся с нами, как с доверчивым Буратино, который отправился за сокровищем на поле чудес в Страну дураков. Но, поискав в указанном секторе как следует, мы обнаружили дерево, на коре которого виднелись едва заметные буквы «П.П.П.», написанные фломастером.

Очевидно, это сделал сам Филипп Борисович, для памяти.

Начали копать — и что вы думаете? Дерево оказалось волшебным. Под его стволом, в обычной картонной коробке, был зарыт перстень, именно такой, как описан в романе: старинный, золотой, с большим бриллиантом и гравировкой «Θ.М. ΟΤЬ Π.Π.»

Вот это место:

Мы провели экспертизу кольца. К сожалению, выяснилось, что оно было сделано через четверть века после смерти Ф. М. Достоевского и, стало быть, к правоведам отношения не имеет, а совпадение надписи случайно.

Тем не менее, это антикварный и очень дорогой перстень, с бриллиантом в 3,95 карата. Вы можете рассмотреть его получше

на задней обложке этого тома или на нашем сайте:

www.olma-press.ru

А ТЕПЕРЬ ГЛАВНОЕ.

Мы готовы отдать эту реликвию тому из читателей, кто повторит наш подвиг и первым расшифрует загадку Ф. Морозова.

В письме, которое Вы можете прислать координатору «Проекта П.П.П.» по обычной (129473, Москва, Звездный бульвар, 23 стр. 12) или электронной (www.olma-press.ru) почте, должен содержаться максимально полный ответ: как именно следует воспользоваться закодированной инструкцией, чтобы попасть в сквер на Суворовской площади.

Срок приёма писем — до 1 сентября 2006 года.

Перстень будет разыгран между десятью самыми догадливыми читателями — теми, кто даст правильный ответ раньше всех. Остальные девять получат от нас

ценные подарки. Церемония вручения будет происходить в Москве.

Временем подачи ответа будет считаться момент поступления сообщения при электронной корреспонденции и дата отправки на почтовом штемпеле при обычной.

**ДУМАЙТЕ, ДУМАЙТЕ, ДУМАЙТЕ —
И П.П.П. ДОСТАНЕТСЯ ВАМ!!!**

Содержание

Ф.М.

Том 2

КРАСНАЯ ПАПКА	3
11. ФИНАЛЬНЫЙ МАТЧ	68
12. ФА-МИНОР	92
13. ФАНТОМАС И МУРЗИЛКА	115
14. ФАЛЬШИВАЯ МОНЕТА	133
15. ФУКАИ МОРИ	160
16. ФОКУСНИК-МАНИПУЛЯТОР	186
СИНЯЯ ПАПКА	207
ДОПОЛНЕНИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ	243

Акунин Борис

Ф. М.

Роман

Том 2

Художественный редактор *А. Гладышев*

Технический редактор *Л. Бирюкова*

Компьютерная верстка *И. Слепцовой*

Подписано в печать 04.04.2006.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная.
Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 16,8. Тираж 300 000 экз.
Изд. № 06-8116. Заказ № 3420.

Издательство «ОЛМА-ПРЕСС»
129075, Москва, Звездный бульвар, 23
«ОЛМА-ПРЕСС» входит в группу компаний
ЗАО «ОЛМА МЕДИА ГРУПП»

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ПФ «КРАСНЫЙ ПРОЛЕТАРИЙ»
127473, Москва, Краснопролетарская, 16

2 x
= 11

Пять каменшков налево полетели,
Четыре — вниз и не достигли цели.
Багрянец камня светит на восход,
Осиротев, он к цели приведет.

Читатель, который первым разгадает
тайну этого четверостишия,
получит в награду

«Перстень Порфирия Петровича»
— старинное золотое кольцо
с четырехкаратным бриллиантом.

Подробности — в тексте романа «Ф.М.»
и на сайте www.olma-press.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО
**ОЛМА
ПРЕСС**

ISBN 5-224-01662-2

9 785224 016624